This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

S/20 1955.32

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

2412

[illegible]

[illegible]

[illegible]

„MATERIALY PO ISTORII STUDENCHESKAGO DVIZHENIIA"

„1-2"

[illegible]

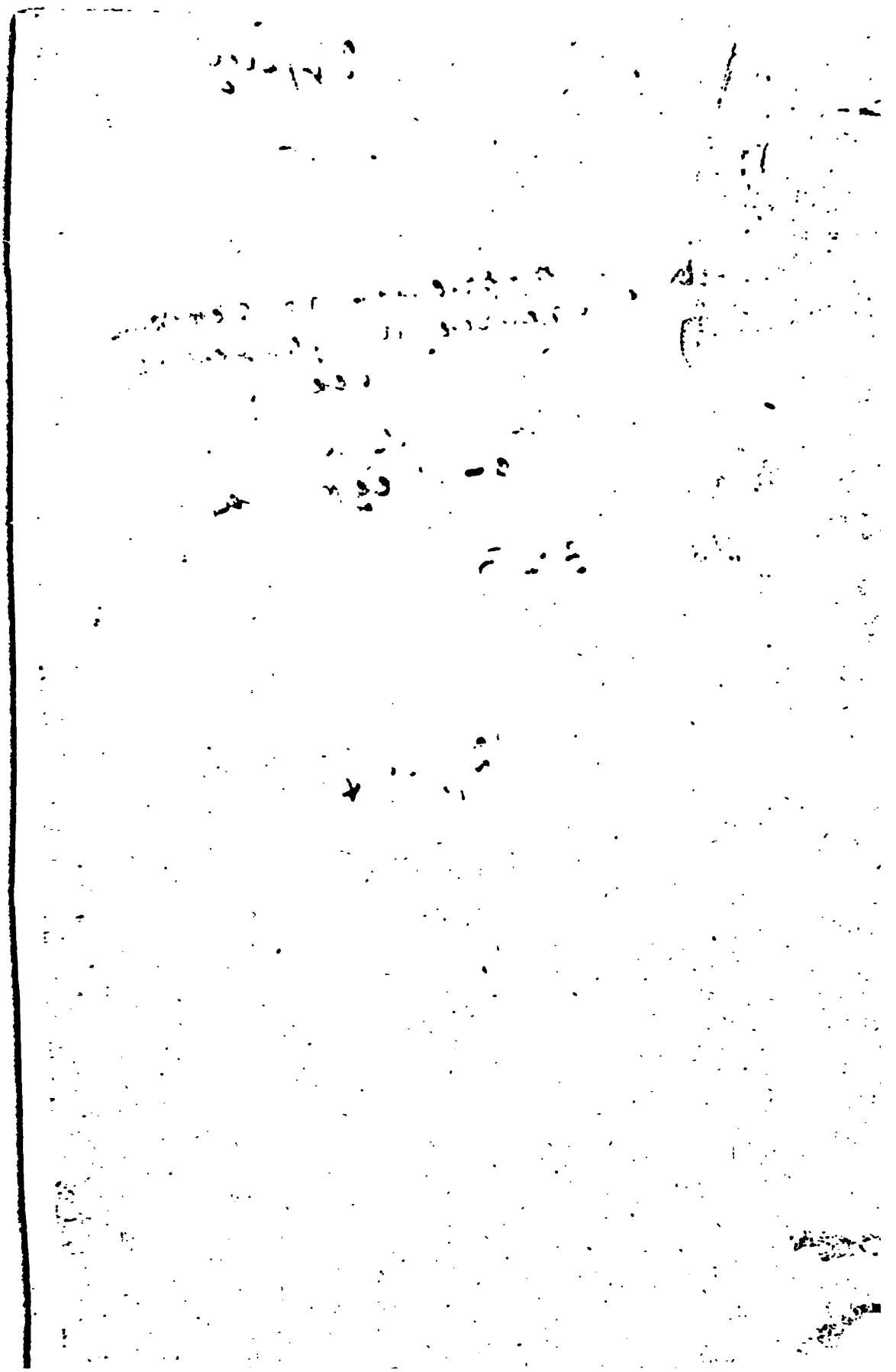
2412

"MATERIALY PO ISTORII STUDENCHESKAGO DVIZHENIIA," 1-2,

21.93

38
II. 45
1. 5
№ 38 /1

МАТЕРИАЛЫ



Выпускъ 1.

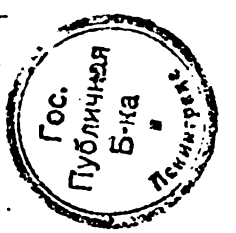
МАТЕРІАЛЫ

По исторіи студенческаго движенія въ Россіи.

"MATERIALY PO ISTORII STUDENCHESKAGO DVIZHENIIA V ROSSII"

Извлеченіе изъ книги А. И. Георгіевскаго.

«Краткій очеркъ правительственныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ.



ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ".
ЛОНДОНЪ—С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

Slav 1455.329

Электропечатня Я. Левенштейнъ, Екатеринг., 10—19.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
NOV 21 1970

Характеръ студенческихъ безпорядковъ.

Начиная съ 1858 г. и по сію пору, отъ времени до времени съ небольшими перерывами, въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ происходятъ такъ называемые студенческіе безпорядки (сходки въ зданіяхъ, садахъ и на дворахъ учебныхъ заведеній, иногда на городскихъ улицахъ и площадяхъ, сопровождаемыя всегда шумомъ, гамомъ, криками, иногда разбитіемъ стеколъ въ окнахъ, иногда публичными процессіями, и соединенныя съ явнымъ неповиновеніемъ своему, а иногда и общему гражданскому начальству, и даже съ оскорбленіемъ чиновъ того и другого словами, а иногда и дѣйствіемъ, а также съ заявленіемъ различныхъ, въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ неисполнимыхъ требованій).

Вредныя ихъ послѣдствія.

Безпорядки эти представляютъ собою весьма значительное зло: они прерываютъ на болѣе или менѣе продолжительное время правильный ходъ ученія; пріучаютъ молодежь къ неповиновенію властямъ, къ буйству, къ безчинствамъ и даже къ насиліямъ противъ должностныхъ лицъ, вообще къ революціонному образу дѣйствій; подрываютъ авторитетъ правительственной власти, а именно обнаруживаютъ ея безсиліе вообще въ борьбѣ съ этимъ зломъ, а нерѣдко — слабость, неумѣлость и несостоятельность мѣстныхъ ея представителей; склоняютъ ее къ разнымъ уступкамъ, поблажкамъ и потворствамъ въ ущербъ

требованіямъ или дисциплины, или серьезнаго ученія; достигаютъ иногда смѣны тѣхъ или другихъ правительственныхъ лицъ или колеблютъ ихъ положеніе, иногда же потрясаютъ и принятую правительствомъ учебно-воспитательную систему, ведутъ къ отмѣнѣ или измѣненію уставовъ, постановленій и распоряженій, и, наконецъ, въ случаѣ твердаго отпора злу, возбуждаютъ неудовольствіе противъ правительства не только въ молодежи, но и въ самихъ наставникахъ, въ родителяхъ и въ цѣломъ обществѣ. Далѣе, студенческіе безпорядки неминуемо сопровождаются увольненіемъ или исключеніемъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній болѣе или менѣе значительнаго числа замѣшанныхъ въ нихъ молодыхъ людей. «Эти уволенные, по заявленію въ бывшей при министерствѣ народнаго просвѣщенія въ концѣ 1882 г. коммиссіи члена ея, директора государственной полиціи, нынѣ товарища министра, сенатора В. К. фонъ-Плеве, «являютъ собой главный контингентъ, изъ котораго крамола вербуетъ своихъ дѣятелей: безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и неминуемо слѣдующія за ними болѣе или менѣе многочисленныя изъ за нихъ исключенія представляютъ какъ бы рекрутскій наборъ, производимый крамолой въ рядахъ учащейся молодежи. Въ бездѣйствіи, нуждѣ и лишеніяхъ, исключенные изъ учебныхъ заведеній молодые люди, жизнь которыхъ оказывается разбитою въ самомъ ея началѣ, ожесточаются противъ всего общественнаго и государственнаго строя, и изъ нихъ тѣ, которые только склонялись прежде къ ученіямъ крамолы, теперь вполнѣ проникаются ими, причемъ подвергшіеся административной ссылкѣ уже въ мѣстахъ оной начинаютъ оказывать вредное вліяніе на мѣстное населеніе, а по возвращеніи изъ ссылки, если успѣютъ снова проникнуть въ высшія учебныя заведенія, становятся дѣятельными агентами тайныхъ обществъ и въ ихъ духѣ дѣйствуютъ среди своихъ товарищей, растлѣвая ихъ умственно и подстрекая ихъ ко всякаго рода безпорядкамъ». «Судебно-полицейская статистика свидѣтельствуетъ, по заявленію того же члена коммиссіи 1882 г., что безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведе-

ніяхъ, происходившіе въ 1861 г., подготовили Каракозовцевъ, безпорядки 1869 и послѣдующихъ годовъ—тѣхъ лицъ, которыя судились по такъ-называемому процессу 193-хъ, и даже безпорядки 1881 г. не остались въ этомъ отношеніи безслѣдными, такъ какъ два лица, изъ коихъ одно было убійцею генерала Стрѣльникова, а другое не успѣло принять въ этомъ преступленіи участія по независящимъ отъ него причинамъ, были исключены изъ Петербургскаго университета вслѣдъ за бывшими въ немъ въ февралѣ 1881 г. безпорядками.» Студенческіе безпорядки, согласно съ тѣмъ же заявленіемъ вполнѣ компетентнаго лица, входятъ въ разсчеты революціонной партіи въ двоякомъ отношеніи: 1) какъ легчайшій и удобнѣйшій способъ вербовать своихъ агентовъ и 2) какъ средство до извѣстной мѣры дискредитировать правительственную власть.

Подчиненіе студентовъ общей полиціи и учебному начальству (1858—1861 гг.).

Хотя размѣры связаннаго съ этими безпорядками зла раскрывались для правительства очень медленно и мало-по-малу, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы и съ самаго начала оно относилось къ этому злу вполнѣ равнодушно. Первые студенческіе безпорядки вызвали Высочайшее повелѣніе отъ 6 мая 1859 г. о подчиненіи студентовъ внѣ университетскихъ зданій полицейскимъ установленіямъ и надзору полиціи на общемъ основаніи. Это Высочайшее повелѣніе вскорѣ пришлось дополнить другимъ (отъ 14-го января 1860 г.) о томъ, что подчиненіе студентовъ надзору общей полиціи не избавляетъ ихъ отъ повиновенія университетскому начальству и внѣ зданій университета, причемъ полиціи вмѣнялось въ обязанность извѣщать университетское начальство о всѣхъ проступкахъ студентовъ, а университетскому начальству сообщать полиціи о намѣреніяхъ студентовъ, клонящихся къ нарушенію общественнаго порядка; вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлялось студентамъ внѣ зданій университета ходить въ партикулярной одеждѣ.

Запрещеніе всякихъ сходокъ и депутацій и отмѣна форменной одежды.

31-го мая 1861 г. состоялось новое Высочайшее повелѣніе о полномъ подчиненіи учащихся университетскому начальству въ стѣнахъ университета съ воспрещеніемъ положительно всякихъ сходокъ безъ разрѣшенія начальства и объясненій съ нимъ черезъ депутатовъ или сборищемъ, о недопущеніи ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ видѣ шумнаго одобренія или порицанія преподаванія и о вмѣненіи университетскому начальству въ непремѣнную обязанность имѣть неуклонный надзоръ за соблюденіемъ студентами надлежащаго порядка въ университетѣ, за несоблюденіе же онаго не подвергать ихъ никакимъ другимъ взысканіямъ, а увольнять изъ университета. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось не принимать впредь студентовъ ранѣе 17-тилѣтняго возраста, отмѣнить форменную одежду и не дозволять ношенія какихъ-либо знаковъ отдѣльной народности или какихъ-либо товариществъ или обществъ, частная же одежда студентовъ должна быть приличная. Тогда же послѣдовало другое Высочайшее повелѣніе, коимъ освобождались отъ ежегодной платы за ученіе только тѣ дѣйствительно бѣдные студенты, которые до поступленія въ университетъ признаны на экзаменѣ достойнѣйшими, и притомъ не болѣе двоихъ на каждую принадлежащую къ университетскому округу губернію, въ томъ числѣ одинъ изъ учившихся въ гимназіи («другихъ исключеній не допускается ни подъ какимъ предлогомъ»), и о назначеніи пособій и стипендій только отличившимся бѣднымъ студентамъ, преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа. Здѣсь впервые высказывалось какъ бы желаніе ограничить наплывъ въ университеты бѣдняковъ, особенно же изъ губерній посторонних учебныхъ округовъ.

Всѣ эти мѣры не привели ни къ какимъ результатамъ, тѣмъ болѣе, что онѣ не были въ точности и выполняемы. Осень 1861 г. ознаменовалась и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, еще не виданными до того времени уличными студенческими безпорядками. С.-Петербургскій университетъ

былъ закрытъ на долгое время, бывшій министръ народнаго просвѣщенія гр. Е. В. Путятинъ смѣненъ (въ декабрѣ 1861 г.) и подъ предсѣдательствомъ бывшаго попечителя Дерптскаго учебнаго округа фонъ-Брадке назначена коммиссія для выработки главныхъ основаній университетскаго устава.

Уставъ 1863 года.

Уставъ этотъ состоялся только 18-го іюня 1863 г.: университеты вполнѣ предоставлялись самимъ себѣ, ихъ самопополняющимся профессорскимъ коллегіямъ и отъ нихъ избираемымъ должностнымъ лицамъ: умиротворенія университетовъ, ихъ профессоровъ и ихъ студентовъ, правительство разсчитывало достигнуть предоставленіемъ университетамъ полнаго самоуправленія. Разсчетъ оказался совсѣмъ ошибочнымъ, и при уставѣ 1863 г., который послужилъ образцомъ для всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, безпорядки въ нихъ почти не прекращались.

Ограниченіе числа студентовъ польскаго происхожденія.

Слѣдственною по дѣлу Каракозова коммиссіей графа М. Н. Муравьева было, между прочимъ, обнаружено дѣятельное, въ возбужденіи всѣхъ этихъ безпорядковъ, начиная съ 1858 г., участіе весьма многочисленныхъ во всѣхъ университетахъ, особенно же въ столичныхъ, студентовъ польскаго происхожденія, которые въ 1863 г. сверхъ того уходили въ большомъ числѣ въ отряды повстанцевъ.

Послѣдовало ограниченіе числа студентовъ польскаго происхожденія 20%, и независимо отъ сего было Высочайше повелѣно 21-го августа 1866 г...., дабы «положить конецъ, елико возможно, зла, растравляющему наше молодое поколѣніе, установить, для успѣшнѣйшаго надзора за студентами внѣ стѣнъ университетовъ, болѣе связи и взаим-

ной поддержки въ совокупныхъ дѣйствіяхъ университетскаго и полицейскаго начальствъ, съ цѣлью тщательнаго изысканія и опредѣленія необходимыхъ въ семъ отношеніи мѣръ», составить особую коммиссію.

Коммиссія графа И. Д. Делянова 1866 г. и положеніе Комитета Министровъ 1867 года.

Коммиссія эта подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, нынѣ министра, графа И. Д. Делянова, состояла главнѣйше изъ ректоровъ университетовъ и директоровъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній или лицъ, ихъ замѣнявшихъ.

На основаніи трудовъ этой коммиссіи состоялось Высочайше утвержденное 26-го мая 1867 года, положеніе комитета министровъ, въ силу котораго установлено было между вѣдомствами, при коихъ имѣются среднія и высшія учебныя заведенія, сообщеніе другъ другу, а равно и мѣстному гражданскому начальству, свѣдѣнія обо всѣхъ исключенныхъ или удаленныхъ изъ оныхъ учащихся, съ изложеніемъ причинъ удаленія или исключенія, и между всѣми высшими учебными заведеніями сообщеніе другъ другу дисциплинарныхъ и другихъ объ учащихся правилъ, «въ видахъ единства дѣйствій и распоряженій», недостатокъ коего все болѣе обнаруживался студенческими безпорядками. Тѣмъ же положеніемъ, «въ устраненіи потери времени для ученія и исправнаго посѣщенія лекцій», воспрещалось учащимся устройство концертовъ, спектаклей, чтеній и другихъ публичныхъ собраній, постороннія же лица желавшія оказать этими способами помощь учащимся должны были на то испрашивать разрѣшеніе отъ учебнаго начальства и ему же доставлять вырученныя деньги, такъ какъ этому начальству «ближе и болѣе всего извѣстны дѣйствительно нуждающіеся и достойные пособія». Наконецъ, тѣмъ же положеніемъ были приняты мѣры къ уменьшенію прилива въ университеты вольныхъ слушателей «составляющихъ самый опасный и ненадежный элементъ

въ университетской молодежи», а именно былъ запрещенъ переходъ студентовъ въ вольные слушатели и пріемъ въ вольные слушатели молодыхъ людей, не окончившихъ курса среднихъ учебныхъ заведеній, или при окончаніи сего курса получившихъ неудовлетворительныя отмѣтки въ законѣ Божіемъ, въ русскомъ языкѣ и въ математикѣ или въ латинскомъ языкѣ, прочіе же, равно какъ и ученики реальныхъ гимназій, не обучавшіеся латинскому языку, могли быть принимаемы на одинъ годъ въ вольные слушатели подъ условіемъ чрезъ годъ выдержать экзаменъ изъ латинскаго языка и удовлетворить вообще требованіямъ для поступленія въ студенты. Сверхъ того, вольными слушателями могли быть лица, имѣющія опредѣленное общественное положеніе или занятіе (служащіе и отставные чиновники, помѣщики и т. д.).

Комитетъ 1869 года подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова.

Въ мартѣ 1869 г. снова произошли крупные безпорядки въ С.-Петербургскомъ университетѣ, Медико-хирургической Академіи и Технологическомъ Институтѣ. По случаю этихъ безпорядковъ былъ по Высочайшему повелѣнію составленъ особый комитетъ «для обсужденія мѣръ къ отвращенію на будущее время разнообразія дисциплинарныхъ правилъ, существующихъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ». Выработанныя этимъ комитетомъ и Высочайше утвержденныя 8-го іюня 1869 года правила клонились къ тому, чтобы: 1) затруднить переходъ изъ однихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ другія, съ каковою цѣлью постановлено подвергать переходящихъ повѣрочному испытанію и требовать о каждомъ изъ нихъ подробныхъ свѣдѣній посредствомъ частныхъ сношеній съ прежнимъ ихъ начальствомъ: а) соблюдать при испытаніяхъ переводныхъ и окончательныхъ всѣ постановленныя для нихъ правила безъ малѣйшаго послабленія; б) совѣтамъ университетовъ обсудить мѣры для привлеченія студентовъ къ научнымъ

работамъ подъ руководствомъ преподавателей; в) разрѣшить литографированіе лекцій только самимъ преподавателямъ; г) оставлять на одномъ и томъ же курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ и то не болѣе двухъ разъ въ продолженіе всего ученія; д) отлучающихся изъ города безъ разрѣшенія начальства увольнять вовсе изъ заведенія; е) обсудить ближайшимъ начальствамъ, не слѣдуетъ ли большую часть суммъ, назначенныхъ на пособія и стипендіи и преміи, предоставлять учащимся, достойнымъ того по поведенію и успѣхамъ; ж) при освобожденіи отъ платы, отсрочкѣ оной, назначеніи пособій и стипендій обращать самое тщательное вниманіе на успѣхи учащихся и ихъ поведеніе; замѣчанія, выговоры и другія взысканія заносить инспекціи въ особую книгу, съ тѣмъ, чтобы отмѣтки эти имѣли вліяніе при предоставленіи учащимся разныхъ льготъ; з) при зачисленіи посторонніхъ слушателей въ студенты и при пріемѣ вновь въ студенты уволенныхъ обращать особенное вниманіе на прежнее ихъ поведеніе и и) не оставлять длинныхъ промежутковъ между лекціями и печатать въ протоколахъ или же представлять центральнымъ управленіямъ вѣдомости о числѣ пропущенныхъ каждымъ преподавателемъ лекцій. Комитетъ, очевидно, руководился мыслью, что студенческимъ безпорядкамъ былъ бы положенъ конецъ коль скоро удалось бы водворить въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ серьезное ученіе, серьезныя занятія науками въ томъ числѣ и болѣе самостоятельныя подъ непосредственнымъ руководствомъ преподавателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ были установлены высшія мѣры взысканія: а) увольненіе на годъ съ правомъ немедленно поступать въ высшее учебное заведеніе другого города; б) удаленіе на годъ и на два безъ сего права и г) исключеніе съ тѣмъ, чтобы в теченіе трехъ лѣтъ не принимать никуда, а затѣмъ не иначе, какъ подъ отвѣтственностью учебнаго начальства рѣшившагося на пріемъ исключеннаго, и съ разрѣшенія главнаго управленія, которому подвѣдомо принимающее учебное заведеніе. Лишеніе или уменьшеніе стипендій, пособій и льготъ могло служить для пользующихся ими мѣрою взысканія, назначаемою или отдѣльно, или совокупно съ другимъ взысканіемъ.

Совѣщаніе гг. Министровъ 1874 г. подъ предсѣдательствомъ графа П. А. Валуева.

Осенью 1874 г. вновь возникли крупные безпорядки во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, и министрамъ военному, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, финансовъ, путей сообщенія, государственныхъ имуществъ, главноуправляющему II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, государственному контролеру и шефу жандармовъ было Высочайше повелѣно обсудить въ общемъ совѣщаніи, какъ причины, вызвавшія безпорядки, такъ равно и мѣры, которыя могли бы способствовать предупрежденію ихъ на будущее время. Совѣщаніе это подъ предсѣдательствомъ П. А. Валуева происходило 24-го и 28-го ноября, 1-го, 5-го и 12-го декабря 1873 г. Имъ были указаны нижеслѣдующія причины безпорядковъ: 1. Вслѣдствіе упраздненія корпоративнаго устройства учащихся и обращенія ихъ въ публику внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній, начальства и преподаватели учебныхъ заведеній утратили прежнее нравственное вліяніе на массу учащихся. 2. Предоставленная профессорскимъ коллегіямъ автономія съ правомъ замѣщенія всѣхъ должностей по выбору лишаетъ начальствующія лица прямого вліянія на общій ходъ дѣлъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и составляетъ весьма важный недостатокъ въ ихъ организаціи: 3. Коллегіи эти притомъ пренебрегаютъ нравственными способами вліянія на учащихся (иначе говоря, воспитательною своею задачею), склонны признавать за ними гражданскую зрѣлость и гражданское значеніе, коихъ они имѣть не могутъ, и нерѣдко способсгвуютъ, сознательно или безсознательно, водворенію въ ихъ средѣ неправильныхъ понятій о ихъ положеніи въ заведеніи и ихъ отношеніяхъ къ начальству. Наиболѣе вліятельные члены этихъ коллегій, какъ только возникаютъ волненія или безпорядки, обыкновенно устраняютъ себя отъ участія въ ихъ прекращеніи. 4. Снисхожденіемъ на ведущихъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ испытаніяхъ, излишнею умѣренностью платы за ученіе и

всякаго рода денежными льготами искусственно увеличивается число учащихся, съ одной стороны, мало подготовленными или мало способными молодыми людьми, а съ другой—лишенными всякаго матеріальнаго обезпеченія, а нерѣдко и всякой семейной опоры, которые въ борьбѣ съ нуждою и всякаго рода лишеніями, въ постоянно напряженномъ и раздраженномъ состояніи, легко поддаются вліянію злонамѣренныхъ, литературныхъ и нелитературныхъ агитаторовъ. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, кромѣ Нечаевскаго дѣла, болѣе 600 студентовъ и учениковъ разныхъ заведеній были привлечены къ дѣламъ вѣдомства III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 5. При этомъ увеличеніи числа учащихся преподаватели лишены возможности не только слѣдить за ихъ прилежаніемъ, успѣхами и умственнымъ и нравственнымъ ихъ развитіемъ, но даже и знать въ лицо большинство своихъ слушателей. 6. Значительная часть студентовъ ищетъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не знанія, а внѣшнихъ выгодъ, правъ и преимуществъ, соединенныхъ съ окончаніемъ въ нихъ курса, и строгость или отчетливость экзаменовъ возбуждаетъ постоянныя сѣтованія и жалобы и составляетъ новый поводъ къ тому раздраженному настроенію, въ которомъ находится значительная часть учащагося юношества. 7. Настроеніе родителей и родственниковъ и вообще всего общества нисколько не содѣйствуетъ начальству въ охраненіи порядка въ учебныхъ заведеніяхъ. Заботы родственниковъ направлены не къ основательному образованію учащихся, а къ скорѣйшему пріобрѣтенію ими извѣстныхъ правъ и преимуществъ, и въ случаѣ безпорядковъ молодые люди, въ нихъ виновные, находятъ себѣ нравственную поддержку и даже полугласное одобреніе не только въ кругу ихъ родственниковъ, но и въ средѣ лицъ постороннихъ, со стороны такъ-называемаго общественнаго мнѣнія.

Въ устраненіе вышеозначенныхъ причинъ безпорядковъ были установлены совѣщаніемъ гг. министровъ нижеслѣдующія руководящія начала: 1. Пересмотръ нынѣ дѣйствующихъ уставовъ составляетъ предметъ несомнѣнной по-

требности, причемъ министръ народнаго просвѣщенія заявилъ, что имъ уже потребованы по этому предмету отзывы университетскихъ совѣтовъ. 2. Автономія профессорскихъ коллегій можетъ быть ограничена какъ путемъ изъятій изъ ихъ вѣдѣнія нѣкоторыхъ дѣлъ административно-полицейскаго свойства, такъ и установленіемъ другого порядка назначенія профессоровъ и прочихъ должностныхъ лицъ. 2. Правительственный контроль за направленіемъ преподаванія можетъ быть усиленъ въ тѣхъ размѣрахъ и формахъ, въ какихъ это будетъ признано удобнымъ и возможнымъ по особому свойству и строю каждаго заведенія. Относительно университетовъ министръ народнаго просвѣщенія заявилъ, что такой контроль можетъ быть установленъ безъ стѣсненія свободы преподаванія отдѣленіемъ отъ него выпускныхъ экзаменовъ и учрежденіемъ особыхъ экзаменныхъ коммиссій по назначенію министра и съ приглашеніемъ депутатовъ отъ другихъ вѣдомствъ, и совѣщаніе признало, что надлежитъ воспользоваться этими предположеніями графа Д. А. Толстого. 4. Возвращеніе къ корпоративнымъ условіямъ быта учащихся при нашихъ нравахъ и при нынѣшнемъ настроеніи не только студентовъ, но даже и профессоровъ, признано невозможнымъ, и принятыя начала отдѣльности слушателей и подчиненія ихъ общей полиціи внѣ стѣнъ заведенія должны быть сохранены. Установленіе и охраненіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ должны быть сохранены. Установленіе и охраненіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ правильнаго дисциплинарнаго строя имѣетъ существенное значеніе, и потому признано желательнымъ усилить средства инспекторскаго надзора за студентами и охраненія полицейскаго порядка въ стѣнахъ заведеній. 5. Въ виду переполненія учебныхъ заведеній учащимися, одинаково затрудняющаго и педагогическую дѣятельность преподавателей, и административный надзоръ начальства, подлежитъ стѣснять, по возможности, дальнѣйшій притокъ учащихся мало подготовленныхъ въ научномъ отношеніи и притомъ не обезпеченныхъ матеріально. Прямымъ къ тому средствомъ должна служить правильная строгость пріемныхъ испытаній. 6. Дѣй-

ствующая система льготъ и пособій подлежитъ пересмотру въ вышеозначенныхъ видахъ. Въ особенности желательно уменьшить число льготъ отъ учебной платы. Стипендіи— самый правильный ходъ воспособленія учащимся; но они должны быть назначаемы лишь тѣмъ недостаточнымъ молодымъ людямъ которые соединяютъ въ себѣ надлежащія способности, надлежащую подготовку и необходимое для дальнѣйшихъ успѣховъ прилежаніе. По мнѣнію министровъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ, съ ними должны быть соединяемы извѣстные сроки обязательной службы въ тѣхъ случаяхъ, когда подлежащія вѣдомства встрѣтятъ въ томъ потребность. 7. На дѣйствительныя учебныя нужды учащихся должно быть обращено надлежащее вниманіе начальствъ разныхъ учебныхъ заведеній. Такими нуждами, затрудненіями и неудобствами постоянно мотивируются всѣ домогательства о правѣ сходовъ и депутацій. Въ германскихъ университетахъ не узаконено ни сходокъ, ни депутацій, и тѣмъ не менѣе всѣ правильныя ходатайства находятъ себѣ правильную форму выраженія и всѣ дѣйствительныя потребности учащихся могутъ быть удовлетворяемы. При непрерывныхъ ежедневныхъ отношеніяхъ учащихся къ преподавателямъ и къ начальству учебнаго заведеніи всегда представляется возможность прибѣгать къ заявленіямъ и просьбамъ—безъ приданія имъ коллективной формы; но установленіе по этому предмету болѣе опредѣлительныхъ правилъ можетъ скорѣе порождать недоразумѣнія и затрудненія, чѣмъ ихъ предупреждать. 8. Въ случаѣ возникновенія въ какомъ-либо учебномъ заведеніи новыхъ волненій или безпорядковъ, необходимо имъ не оказывать ни малѣйшихъ послабленій, не прибѣгать ни къ какимъ уступкамъ, не входить ни въ какіе переговоры, обнаруживающіе колебаніе со стороны начальства, но немедленно принимать соотвѣтствующія мѣры къ прекращенію возникшаго движенія, дабы предупредить и предотвратить его дальнѣйшее развитіе и распространеніе. 9. Выраженную шефомъ жандармовъ мысль, что никакія частныя мѣры не приведутъ къ желаемымъ результатамъ безъ общаго возвышенія уровня воспитанія, но что для этого жела-

тельно соединеніе въ одномъ вѣдомствѣ всѣхъ гражданскихъ учебныхъ заведеній, не имѣющихъ спеціальныхъ свойствъ, и въ особенности всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ такъ и женскихъ, совѣщаніе признало едва ли подлежащею разрѣшенію въ тогдашнее время. Наконецъ 10. по поводу замѣчанія князя С. Н. Урусова о томъ, что полезно было бы изъять изъ юрисдикціи общихъ судовъ такіе проступки студентовъ, которые хотя и совершены внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній, но направлены противъ ихъ начальства, совѣщаніе заключило предоставить министру юстиціи войти въ соглашеніе съ министрами, въ вѣдѣніи коихъ имѣются высшія учебныя заведенія, и затѣмъ дать своимъ окончательнымъ предположеніямъ дальнѣйшій ходъ въ установленномъ порядкѣ. На подлинномъ докладѣ Собственною рукою Его Императорскаго Величества было написано 23-го декабря 1871 г.: «Исполнить».

Коммиссія по пересмотру университетскаго устава 1863 г.

Практическихъ послѣдствій эти предначертанія правительства не имѣли, дѣло же о пересмотрѣ университетскаго устава шло своимъ порядкомъ. Осенью и зимою 1875 г. отдѣлъ Высочайше назначенной для сего коммиссіи подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова посѣтилъ всѣ Россійскіе университеты, въ томъ числѣ Варшавскій и Дерптскій, и выслушавъ всѣхъ профессоровъ и должностныхъ лицъ каждаго университета, собралъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о всѣхъ сторонахъ и условіяхъ быта университетовъ и обо всѣхъ ихъ потребностяхъ и нуждахъ. Во всѣхъ провинціальныхъ университетахъ коммиссія встрѣчала со стороны большинства профессоровъ полное радушіе и готовность показаніями содѣйствовать разъясненію предложенныхъ имъ вопросовъ и положенія дѣлъ. Первые признаки противодѣйствія обнаружились только въ Москвѣ, но и тутъ оно было устранено безъ труда.

Настроеніе профессоровъ въ университетахъ.

а) С.-Петербургскомъ.

Напротивъ, въ Петербургѣ за весьма немногими исключеніями всѣ профессора, являясь въ коммиссію, заявляли одинъ за другимъ, что они о дѣлахъ университетскихъ не считаютъ себя въ правѣ давать никакихъ показаній и разъясненій иначе какъ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ самого университета, и затѣмъ ни на одинъ изъ предложенныхъ имъ вопросовъ не отвѣчали, а когда коммиссія заявила ректору П. Г. Рѣдкину желаніе посѣщать лекціи профессоровъ и осмотрѣть всѣ учебно-вспомогательныя учрежденія, какъ она то дѣлала во всѣхъ другихъ университетахъ, то получила отъ него предостереженіе, что въ виду крайней возбужденности и раздраженія студентовъ онъ не можетъ поручиться за сохраненіе въ такомъ случаѣ спокойствія въ университетѣ, а равно и за безопасность самихъ членовъ коммиссіи отъ оскорбленій. Объ этомъ было сообщено министру народнаго просвѣщенія, и, согласно съ рѣшеніемъ гр. Д. А. Толстого, Высочайше назначенная коммиссія была лишена возможности посѣтить С.-Петербургскій университетъ и не безъ большихъ задрудненій и послѣ усиленныхъ настояній успѣла достигнуть того, что ей были доставлены дѣла по производству экзаменовъ въ университетѣ и по студенческой инспекціи.

б) Московскомъ и в) Казанскомъ.

Когда профессоръ Любимовъ, бывшій членомъ коммиссіи, возвратился въ Москву, то въ двадцатыхъ числахъ ноября 1876 г. противъ него была произведена студентами его слушателями, демонстрація; во время его лекціи 50 студентовъ съ шумомъ вышли изъ аудиторіи, и въ ней осталось всего 15 человѣкъ. Вслѣдъ за тѣмъ 26-го декабря 1876 г. имъ было получено письмо за подписью 35 профессоровъ, осуждавшихъ съ нравственной точки зрѣнія дѣятельность профессора по вопросу о пересмотрѣ университетскаго устава. На это письмо Н. А. Любимовъ отвѣ-

чалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», совѣтъ же университета въ чрезвычайномъ засѣданіи 13-го января 1877 г. высказалъ ему рѣшительное свое порицаніе. Профессора Казанскаго университета присоединились къ письму 35 московскихъ профессоровъ. Дальнѣйшая профессорская агитація была пріостановлена мѣрами министерства; но противоправительственное настроеніе профессорскихъ коллегій нашло себѣ особенно сильное выраженіе въ 1878 г. Въ этомъ году студенческіе безпорядки, начавшись въ Кіевѣ 14-го марта, разбросались по всѣмъ университетскимъ городамъ и не прекращались въ продолженіе всего года. 29-го ноября 1878 г. въ Петербургѣ дѣло дошло до того, что учащіеся различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній собрались толпою и двинулись по направленію къ Аничковскому дворцу для подачи коллективнаго прошенія Государю Наслѣднику Цесаревичу, а 29-го декабря того же года совѣтъ С.-Петербургскаго университета представилъ отъ себя попечителю учебнаго округа записку о причинахъ студенческихъ безпорядковъ и о мѣрахъ къ ихъ устраненію.

Представленіе Совѣта С.-Петербургскаго университета о причинахъ студенческихъ безпорядковъ и о мѣрахъ къ ихъ устраненію (29 декабря 1878 г.).

Записка эта и всѣ относящіяся къ ней обстоятельства заслуживаютъ особеннаго вниманія. Не смотря на всѣ запрещенія студенческихъ сходокъ, университетское начальство въ продолженіе многихъ лѣтъ постоянно ихъ терпѣло, и при этомъ «совѣтъ университета, какъ сказано въ его запискѣ, долгимъ опытомъ убѣдился въ томъ, что большинство изъ студентовъ, принимающихъ участіе въ сходкахъ, отстаетъ отъ нихъ, какъ скоро онѣ выходятъ за предѣлы чисто студенческихъ интересовъ». Такимъ образомъ, между прочимъ, и въ декабрѣ 1878 г. собралась въ С.-Петербургскомъ университетѣ студенческая сходка для прочтенія и обсужденія писемъ изъ Харькова о про-

исходившихъ тамъ волненіяхъ въ Ветеринарномъ институтѣ и университетѣ. Ректоръ С.-Петербургскаго университета потребовалъ на этотъ разъ, чтобы сходка разошлась, но встрѣтилъ сопротивленіе особенно со стороны нѣкоторыхъ студентовъ. Надлежало удалить или исключить ихъ изъ университета, но для этого необходимо было передать ихъ университетскому суду, такъ какъ по правиламъ С.-Петербургскаго университета вся дисциплинарная власть не только инспектора, но и ректора ограничивалась лишь замѣчаніемъ и выговоромъ провинившемуся студенту. Оказалось, что съ марта 1869 г. университетскій судъ вовсе не собирался, и взысканія съ провинившихся студентовъ ограничивались лишь замѣчаніями и выговорами. Судъ въ декабрѣ 1878 г. не рѣшался собраться, и «мнѣ, какъ доносилъ попечитель округа министру, стоило большого труда, чтобы убѣдить назначить судъ, чего я достигъ, лишь получивъ заранѣе словесное обѣщаніе Главнаго Начальника III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а равно и С.-Петербургскаго Градоначальника, не высылать тѣхъ студентовъ, которые оказались бы удаленными университетскимъ судомъ. Судъ ограничился вообще весьма легкими взысканіями, но за то совѣтъ университета, по иниціативѣ ординарнаго профессора Фаминцына, занялся, «теоретическимъ изученіемъ причинъ безпорядковъ между студентами». Причины эти, по мнѣнію совѣта, частью кроются въ общихъ свойствахъ молодости, въ ея воспріимчивости и впечатлительности, частью же въ особенныхъ условіяхъ, въ которыя поставлена у насъ университетская молодежь; «Она весьма часто служитъ отголоскомъ настроенія общества, вызываемаго тѣми или другими явленіями общественной жизни.... Всякая общественная скорбь, всякій поводъ къ неудовольствію, будетъ ли то экономическій кризисъ, международныя замѣшательства, безпорядки и злоупотребленія въ той или другой отрасли управленія, возбуждаютъ молодежь больше чѣмъ всѣ другіе общественные элементы. Такое возбужденіе особенно сильно у насъ въ Россіи, потому что въ нашей странѣ слабое развитіе

общественной жизни, равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ среди зрѣлой части общества, трудныя условія, и иногда полная невозможность разъясненія многихъ вопросовъ общественной жизни въ печати — наводитъ молодежь на ложную мысль, что она должна дѣлать то, чего не можетъ или не хочетъ дѣлать общество взрослое, что она должна протестовать противъ тѣхъ или другихъ неустройствъ и ненормальныхъ явленій». Вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать этой «ложной мысли» всѣми зависящими отъ него способами и мѣрами, совѣтъ университета все это находилъ естественнымъ, во всемъ этомъ винилъ нашъ государственный и общественный строй, терпѣлъ все время сходки и безнаказанностью поощрялъ увлеченія молодежи. «Нѣтъ сомнѣнія, говорится далѣе въ запискѣ, что при свойственной молодымъ людямъ воспріимчивости они могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, поддаваться и вліянію агитаторовъ. Но огромному большинству русской молодежи революціонныя стремленія такъ же чужды, какъ чужды они и всему русскому народу. Политическія волненія въ собственномъ смыслѣ остаются и останутся дѣломъ немногихъ лицъ, составляющихъ незамѣтное исключеніе изъ большинства». «Студенческія же волненія въ дѣйствительномъ значеніи этого слова опредѣляются иными спеціальными условіями, обстановкою учащейся молодежи». Главнѣйшимъ изъ этихъ условій представляется взглядъ на студенчество, какъ на элементъ неблагонадежный въ политическомъ отношеніи, установившійся въ послѣднее время въ администраціи и переходящій даже въ извѣстные слои общества. «Учащаяся молодежь не только взята въ подозрѣніе, но и подвергнута особому полицейскому надзору. Въ этомъ кроется источникъ многихъ прискорбныхъ явленій. Такими мѣрами сплачивается учащаяся молодежь въ нѣчто цѣлое, и въ силу этого безпорядки, напр. въ Харьковѣ или Кіевѣ, находятъ отголосокъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ, въ университетахъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тотъ же недовѣрчивый взглядъ на студентовъ способенъ натолкнуть ихъ на ложную мысль, будто они составляютъ какую-то силу и имѣютъ политическое значе-

ніе. Легко понять, что при свойственной юношеству наклонности къ самомнѣнію и чувству тщеславія такой взглядъ на себя можетъ служить источникомъ самыхъ необдуманныхъ поступковъ. Наконецъ, въ томъ же взглядѣ учащейся молодежи на себя, какъ «на опальныхъ и гонимыхъ» слѣдуетъ искать причины, почему всякое столкновеніе въ учебной средѣ, какой-нибудь споръ изъ-за репетиціи или изъ-за экзамена обращается въ общій протестъ, сопровождаемый шумными демонстраціями. Учебное начальство, которое при другихъ условіяхъ легко могло бы устранить всѣ недоразумѣнія, нерѣдко остается безсильнымъ противъ движенія, характеръ котораго зависитъ не отъ него. Изъ всѣхъ органовъ государства, съ которыми учащался молодежь находится въ ближайшемъ соприкосновеніи внѣ стѣнъ университета первое мѣсто занимаетъ полиція. По ея дѣйствіямъ и отношеніямъ молодежь начинаетъ судить и судить о томъ, что можно назвать существующимъ государственнымъ порядкомъ. Такое обстоятельство, очевидно, требовало бы особенно бережнаго и осторожнаго отношенія полицейскихъ властей къ учащейся молодежи, въ интересахъ какъ юношества, такъ и достоинства государства. Не то мы видимъ въ дѣйствительности» Упомянувъ, что общеніе съ людьми своего круга и товарищами составляетъ для всякаго молодого человѣка существеннѣйшую потребность, и что въ западныхъ университетахъ, и даже у насъ въ Дерптѣ и Гельсингфорсѣ, она легко удовлетворяется въ приноровленныхъ къ студенческимъ потребностямъ корпораціяхъ, клубахъ, ферейнахъ и пр., а у насъ и въ Петербургѣ не только нѣтъ ничего подобнаго, но даже и въ дѣлѣ домашняго общенія между собой студенты сталкиваются съ непреодолимыми препятствіями, заключающимися въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ полицейскихъ властей,—записка продолжаетъ: «Всякое собраніе нѣсколькихъ студентовъ на квартирѣ ихъ товарища тотчасъ же внушаетъ полиціи преувеличенныя опасенія. О всякомъ, даже малочисленномъ, собраніи дворники и даже квартирные хозяева обязаны сообщать полиціи, и собраніе нерѣдко разсѣевается появленіемъ полицейской власти. Совѣтъ не

можетъ считать такую мѣру цѣлесообразной, предполагая даже, что въ нѣкоторыхъ изъ такихъ собраній могутъ быть затронуты вопросы политическіе и соціальные. Когда каждый молодой человѣкъ имѣетъ возможность вполнѣ высказаться у себя дома, въ тѣсномъ кругу,—и онъ и его товарищи меньше будутъ думать о сходкахъ въ зданіи учебныхъ заведеній. Не имѣя возможности домашняго общенія для какихъ то ни было цѣлей, даже самыхъ невинныхъ, студенты не пользуются и личною безопасностью въ частной жизни. Наблюденіе, учрежденное надъ студентами, имѣетъ не только характеръ надзора, но переходитъ во вмѣшательство въ частную ихъ жизнь. Гдѣ бываетъ студентъ? Чѣмъ занимается? Когда возвращается домой? Что читаетъ? Что пишетъ? Таковы вопросы, обращаемые полиціей къ дворникамъ и квартирнымъ хозяевамъ, т.-е. людямъ обыкновенно мало развитымъ, слѣдовательно, исполняющимъ требованія полиціи съ безцеремонностью и безтактностью, раздражающею впечатлительную молодежь. Притомъ же обязанности, возлагаемыя полиціей на квартирныхъ хозяевъ, и частыя посѣщенія студенческихъ квартиръ полиціей обременяютъ хозяевъ до такой степени, что многіе изъ нихъ, притомъ лучшіе, положительно отказываются держать у себя студентовъ, во избѣжаніе непріятныхъ столкновеній съ полиціей».

Далѣе совѣтъ изъясняетъ, что всякое студенческое волненіе, каковъ бы ни былъ его поводъ, уже разсматривается внѣ-университетскими властями какъ движеніе политическое и грозящее государственному порядку, и не только исключенные университетскимъ судомъ въ мартѣ 1869 г., но и удаленные изъ университета на годъ были немедленно высланы изъ города и отданы подъ надзоръ полиціи, и въ декабрѣ 1878 г. полицейскій приставъ прислалъ непосредственно отъ себя отношеніе ректору о сообщеніи ему списка лицъ, преданныхъ университетскому суду. Временное удаленіе изъ университета нѣсколькихъ лицъ, дѣйствующихъ дурно на молодежь, было бы полезно, а иногда и необходимо; но «университетское начальство затрудняется примѣнять къ виновнымъ высшую мѣру дисци-

плинарныхъ взысканій, опасаясь, что результатомъ этой мѣры будетъ высылка осужденныхъ съ учрежденіемъ надъ ними особаго полицейскаго надзора».

Указавъ затѣмъ на нѣсколько случаевъ долговременныхъ предварительныхъ арестовъ по политическимъ дѣламъ студентовъ, оправдапныхъ впослѣдствіи рѣшеніями судебныхъ мѣстъ, а также на административныя высылки оправданныхъ по суду, Совѣтъ прибавляетъ: «Подобные случаи, конечно, не могутъ дѣйствовать на молодежь въ смыслѣ развитія уваженія къ закону и къ судебнымъ рѣшеніямъ, являясь притомъ нерѣдко непосредственнымъ источникомъ новыхъ волненій».

«Такимъ образомъ,—заключаетъ Совѣтъ,—ближайшими причинами студенческихъ безпорядковъ являются преимущественно слѣдующія:

1. Предвзятое недовѣрчивое отношеніе къ студенчеству, какъ элементу будто бы по существу своему политически неблагонадежному;

2. Значительныя полицейскія стѣсненія студенчества въ его частной жизни, лишающія молодежь не только возможности пользоваться обществомъ товарищей, но даже отнимающія отъ нея сознаніе личности;

3. Стѣсненное положеніе университетскаго начальства, лишеннаго возможности пользоваться со спокойной совѣстью дисциплинарными мѣрами для прекращенія возникающихъ безпорядковъ, и

4. Отсутствіе строгой разборчивости въ производствѣ арестовъ и примѣненіе административныхъ каръ, гибельно дѣйствующихъ на всю будущность молодого человѣка».

Какъ мѣры къ устраненію поводовъ къ студенческимъ безпорядкамъ Совѣтомъ С.-Петербургскаго университета были указаны нижеслѣдующія:

1. Полезно открыть студенчеству возможность общенія какъ у себя дома, такъ и въ особыхъ учрежденіяхъ, приспособленныхъ къ его потребностямъ. Общеніе это несомнѣнно содѣйствовало бы смягченію нравовъ учащихся и успѣшному ходу ихъ научныхъ работъ.

2. Если на основаніи § 103 унив. уст. студенты внѣ

университета подлежать полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи, т-.е., наравнѣ со всѣми обывателями, то изъ этого слѣдуетъ, что мѣры надзора должны быть общія, а не спеціально изобрѣтенныя для студентовъ.

3. Молодежь можетъ быть удержана отъ увлеченій скорѣе ласковымъ, снисходительнымъ обращеніемъ, чѣмъ какими-либо крутыми мѣрами. Спокойное отношеніе къ движеніямъ въ средѣ молодежи, безъ употребленія чрезвычайныхъ мѣръ строгости, всего лучше можетъ прекращать возникающіе безпорядки.

4. Крайне необходимо обезпечить самостоятельность и авторитетность дѣйствій университетскаго начальства и суда по прекращенію безпорядковъ въ стѣнахъ университета. Для достиженія этой цѣли должно быть устранено всякое усиленіе дисциплинарныхъ взысканій мѣрами полиціи.

5. Для своевременныхъ распоряженій со стороны университетскаго начальства и въ видахъ предупрежденія недоразумѣній, могущихъ возникать среди молодежи вслѣдствіе, напримѣръ, арестованія кого-либо изъ ея среды и т. п., необходимо, чтобы по смыслу существующихъ законовъ обязательность увѣдомленія университетскаго начальства о совершившемся задержаніи распространялась на всѣ подлежащія власти безъ исключенія.

6. Желательно устранить примѣненіе административныхъ каръ къ учащейся молодежи. Административная высылка учащагося гибельно отражается на всей его будущности, лишая возможности образованія и ставя его въ условія, нерѣдко дѣлающія его врагомъ существующаго порядка.

Совѣтъ С.-Петербургскаго университета убѣжденъ, что когда устранятся указанные выше поводы къ безпорядкамъ среди учащейся молодежи, въ ней будетъ все сильнѣе и сильнѣе развиваться уваженіе къ закону и его требованіямъ, и она будетъ несравненно менѣе доступна къ воспріятію вредныхъ ученій». Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ высказалъ увѣренность, что «министръ народнаго просвѣщенія, и какъ глава министерства, и какъ почетный членъ

университета, обратить особенное вниманіе на представляемую записку и окажетъ свое просвѣщенное содѣйствіе къ осуществленію предлагаемыхъ въ ней мѣръ».

Особое мнѣніе проф. Ленца.

Только одинъ членъ совѣта не присоединился къ этой запискѣ, подписанной ректоромъ А. Н. Бекетовымъ и всѣми профессорами, именно проф. Р. Ленцъ. Изъ приложеннаго къ ней особаго его мнѣнія отъ 25-го декабря 1878 г. видно, что почтенный профессоръ признавалъ способъ дѣйствія совѣта не соотвѣтствующимъ ни важности вопроса, ни достоинству самого совѣта. «Совѣтъ университета рѣшилъ приступить къ основательному изслѣдованію дѣла о безпорядкахъ..... но до окончательнаго обсужденія этого дѣла счелъ нужнымъ представить г. Попечителю С.-Петербургскаго округа записку съ изложеніемъ тѣхъ внѣшнихъ причинъ къ безпорядкамъ, которыхъ отмѣненіе весьма желательно, но не зависитъ отъ власти совѣта.... «Ходатайству объ отмѣнѣ какихъ-либо мѣръ должно предшествовать глубокое всестороннее обсужденіе дѣла о безпорядкахъ. Тогда, послѣ полнаго собранія фактовъ, совѣтъ будетъ въ состояніи утвердить всѣ свои предположенія о причинахъ безпорядковъ, онъ покажетъ, какія сводятся на внутренній строй учебныхъ заведеній, какія слѣдуетъ приписать невѣрному отношенію къ студенчеству, какія наконецъ недовольству и броженію общества. Имѣя въ рукахъ весь необходимый матеріалъ, совѣтъ уже не станетъ просить объ измѣненіи предвзятаго мнѣнія, онъ самъ измѣнитъ этотъ взглядъ не просьбами, а силою фактовъ и аргументовъ»... «Въ запискѣ приведены выводы, указывающіе весьма убѣдительно на крайне тяжкое положеніи учащейся молодежи. Но не это требовалось показать», доказательствъ же, что отношеніе администраціи къ студенчеству неправильное, основанное на предвзятомъ о немъ мнѣніи, въ запискѣ нѣтъ, и «покуда не приведены фактическія доказательства для этого убѣжденія, оно само можетъ быть названо предвзятымъ мнѣніемъ...» «Совѣтъ покуда еще не приступилъ къ

основательному разбору дѣла о безпорядкахъ, онъ не обсуждалъ даже вопроса—слѣдуетъ ли разсматривать причины, указанныя совѣтомъ, какъ послѣднія, не представляются ли онѣ сами послѣдствіями другихъ болѣе основныхъ; равнымъ образомъ въ совѣтѣ не разсматривался вопросъ, отчего въ однихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядки повторяются относительно часто, въ другихъ, напротивъ, представляютъ рѣдкіе случаи».... Проф. Ленцъ внесъ съ своей стороны, въ видѣ компромисса, новое предложеніе; но «совѣту не угодно было его принять». Въ чемъ заключалось это новое предложеніе, въ свое время выяснено не было. По справкѣ въ настоящее время (1890 г). оказалось, что въ журналѣ совѣта С.-Петербургскаго университета за 1878 г. никакихъ слѣдовъ этого предложенія г. Ленца не сохранилось.

Запросъ г. Попечителя Округа и отвѣтъ на него Совѣта.

29-го декабря 1878 года за № 1432, записка совѣта С.-Петербургскаго университета была представлена г. попечителю округа, который предварительно какого-либо заключенія изъ представленія записки министру предложилъ совѣту (17-го янв. 1879 г.) сообщить ему «точныя и подробныя указанія на тѣ частныя случаи, каждый въ отдѣльности, которые имѣлись въ виду при обсужденіи совѣтомъ неправильнаго отношенія полиціи къ студентамъ».

Прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ отъ университета на этотъ запросъ и дѣло было представлено министру, послѣдній получилъ отношеніе отъ шефа жандармовъ генералъ-адъютанта Дрентельна (отъ 12-го января 1879 г.) о томъ, что до свѣдѣнія Государя Императора дошло, что будто бы профессора С.-Петербургскаго университета подали министру петицію о причинахъ студенческихъ безпорядкахъ и о мѣрахъ противъ нихъ, но, что пока Его Величеству извѣстно лишь частнымъ образомъ, что объ этомъ обсуждалось въ совѣтѣ университета и состоялся

журналъ совѣта, оффиціальнаго же представленія по сему предмету онъ еще не получалъ».

Между тѣмъ записка была напечатана подпольною типографіей съ весьма хвалебнымъ предисловіемъ отъ революціонеровъ-агитаторовъ, университетскій же актъ 8-го февраля 1879 г. начался необычнымъ возгласомъ: «Студенты привѣтствуютъ совѣтъ».

15-го февраля послѣдовалъ и отвѣтъ Совѣта на запросъ попечителя. Въ немъ, между прочимъ, говоря, что «тотъ крайне стѣснительный надзоръ, которому подчинены студенты со стороны не только полиціи, но и квартирныхъ хозяевъ и даже дворниковъ, во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ, о коихъ говоритъ записка, не представляетъ чего-либо исключительнаго по отношенію къ нѣкоторымъ личностямъ, а практикуется уже нѣсколько лѣтъ по отношенію ко всѣмъ студентамъ, о чемъ не только заявляли студенты профессорамъ и ректору, но неоднократно говорилось и въ печати. Совѣтъ не считалъ необходимымъ указывать на отдѣльные случаи и называть фамиліи студентовъ уже и потому, что онъ не обвинялъ въ какихъ-либо злоупотребленіяхъ отдѣльныхъ чиновъ полиціи, а указывалъ на общій взглядъ администраціи на студентовъ со всѣми его послѣдствіями. Совѣтъ полагалъ, что чины полиціи вовсе не превышаютъ данныхъ имъ инструкцій, а считалъ именно эти инструкціи или, вѣрнѣе, систему, на которой онѣ основаны, крайне вредною для правильнаго развитія студенческой жизни. Внесеніе въ записку частныхъ случаевъ повело бы только къ безконечной перепискѣ и пререканіямъ съ отдѣльными участковыми и околодочными чинами, перепискѣ не только безполезной, такъ какъ разрѣшеніе такихъ пререканій, по самому свойству указываемыхъ фактовъ, было бы крайне затруднительно, но и вредной, такъ какъ она безъ нужды затянула бы разсмотрѣніе вопроса, имѣющаго, по мнѣнію Совѣта, настоятельную важность». Кромѣ того, «названіе фамилій студентовъ и квартирныхъ хозяевъ, заявлявшихъ о фактахъ спеціальнаго надзора за студентами, могло бы поставить ихъ въ непріятное положеніе по отношенію къ полиціи, что было бы, конечно, крайне нежелательно».

Мнѣніе г. попечителя округа по поводу записки Совѣта.

Пробѣлъ, оставленый въ запискѣ Совѣта, былъ до нѣкоторой степени восполненъ въ представленіи г. попечителя округа министру отъ 20-го февраля 1879 г. Здѣсь приведены, между прочимъ, слѣдующіе случаи: «Три студента естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета собрались для составленія лекцій по одному изъ предметовъ ихъ курса и вынуждены были по требованію полиціи разойтись. Другой разъ 7 студентовъ изъ самыхъ бѣдныхъ, желая какъ-нибудь удешевить свой и безъ того скудный столъ, договорились съ кухаркой, которая согласилась кормить ихъ у себя за дешевую цѣну; но полиція, узнавъ о томъ, воспретила студентамъ собираться. 6-го января сего года 2 студента, шедшіе по улицѣ, были по неизвѣстной имъ причинѣ остановлены и обысканы проѣзжавшимъ частнымъ приставомъ. Точно также недавно четверо студентовъ собрались у одного товарища на имянины, что вызвало появленіе между ними участковаго надзирателя, который тутъ же переписалъ ихъ фамиліи, а одного, вышедшаго вслѣдъ за тѣмъ, обыскалъ на улицѣ. Подобные случаи, прибавляетъ г. попечитель, весьма нерѣдки, они доходили до меня частнымъ образомъ, и только два изъ нихъ доведены были до моего свѣдѣнія оффиціально.» Довольно часто доходятъ до меня свѣдѣнія, продолжаетъ г. попечитель, что студенты не могутъ устроить себѣ стола, отвѣчающаго ихъ скуднымъ средствамъ, или пріискать себѣ квартиру, получая отказъ отъ хозяевъ, не желающихъ имѣть объясненій съ полиціей. Къ тому же это падаетъ на тѣхъ бѣдныхъ полуголодныхъ молодыхъ людей, которые ютятся по разнымъ подваламъ и чердакамъ, тогда какъ студенты, имѣющіе родителей, живущіе въ достаткѣ, оставляются въ покоѣ.» Г. Попечитель распространяется вслѣдъ за тѣмъ о вредныхъ послѣдствіяхъ такого образа дѣйствій полиціи, какъ подготовляющаго почву для всякихъ революціонно-агитаторскихъ посѣвовъ, и расходится съ Совѣтомъ университета только въ томъ что относитъ эти дѣй-

ствія не къ системѣ, а къ неумѣлости и излишнему рвенію нѣкоторыхъ низшихъ чиновъ полиціи, указывая, что «высшія власти полиціи не оставляли безъ выясненія, а когда слѣдовало, и безъ удовлетворенія его заявленій», а также находитъ, «что въ предубѣжденіи администраціи противъ учащейся молодежи не безъ вины и она сама, а отчасти и ея наставники». «Учащаяся молодежь, руководимая Совѣтомъ, должна путемъ строгаго исполненія всѣхъ налагаемыхъ на нее существующими постановленіями обязанностей, изгладить то мнѣніе, которое не въ пользу ея сложилось въ обществѣ».

Г. Попечитель раздѣляетъ также мнѣніе Совѣта въ пользу предоставленія молодежи способовъ общенія между собою, но находитъ, «что всякія частныя студенческія собранія съ серьезной цѣлью, а не клубы, ферейны и корпораціи, должны находиться подъ постояннымъ контролемъ одного изъ лицъ инспекціи, по выбору совѣта, и допускаются только въ томъ случаѣ, если совѣтъ и ректоръ примутъ на себя отвѣтственность за то, что собранія студентовъ не поведутъ къ какимъ либо безпорядкамъ». Высказываясь далѣе въ пользу устройства семинарій такъ, какъ бы они были простыми собраніями студентовъ для общенія между собою съ научной цѣлью, и въ пользу собраній студентовъ, въ небольшомъ, конечно, числѣ, въ домахъ тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ у своихъ родителей и родственниковъ, г. попечитель присовокупляетъ: «Кто же можетъ болѣе содѣйствовать устройству такихъ собраній, если не профессора—члены университетскаго Совѣта?»

Причина недовѣрчиваго отношенія администраціи къ студентамъ заключается, по мнѣнію г. попечителя, «въ неправильныхъ условіяхъ постановки студентовъ въ отношеніи какъ къ заведенію, въ которомъ они учатся, такъ и къ лицамъ, руководящимъ ихъ направленіемъ». Г. Попечитель даетъ понять, что ни инспекція, ни ректоръ университета, ни въ особенности университетскій судъ, не собиравшійся въ продолженіе 10 лѣтъ и имѣющій почти всю дисциплинарную власть надъ студентами (право ареста до семи дней, лишеніе стипендій, увольненія, удаленія

на опредѣленный срокъ и исключенія), ни совѣтъ и отдѣльные его члены—профессора, не исполняли надлежащимъ образомъ своихъ обязанностей. Три главныя причины—факторы волненій учащейся молодежи—стоятъ, по мнѣнію г. попечителя, впереди всѣхъ остальныхъ, а именно: дѣйствіе революціонной пропаганды, вліяніе большей части нашихъ повременныхъ изданій, а иногда даже и той общественной среды, изъ которой выходитъ учащаяся молодежь. «Коль скоро къ недовольной и раздражительной молодежи легко прививается политическая пропаганда, то кто же можетъ успѣшнѣе бороться съ нею, если не члены Совѣта, какъ помощью личнаго на студентовъ вліянія такъ и съ высоты занимаемыхъ ими каѳедръ, но не вижу я изъ нея (изъ записки совѣта) указанія на тѣ мѣры, которыя принимались бы Совѣтомъ для борьбы съ этими (вышеуказанными) тремя теченіями.»

Г. попечитель вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ совѣта, «что наложеніе еще особыхъ административныхъ взысканій на студентовъ, обвиненныхъ университетскимъ судомъ, должно крайне стѣснять университетское начальство», и что оно «равносильно отмѣнѣ университетскаго суда», а также съ мнѣніемъ о гибельномъ дѣйствіи административныхъ высылокъ.

«Высылка отнимаетъ у молодого человѣка возможность исправлять свой проступокъ, бросаетъ его въ среду, служащую ему большей частью окончательной пагубой, лишаетъ его способа продолжать свое образованіе и достигнуть обезпеченнаго положенія, наконецъ, возводитъ его въ глазахъ молодежи и извѣстной части общества, а затѣмъ въ его собственныхъ глазахъ на пьедесталъ какого-то мученика. Все это способно окончательно обратить его въ пропагандиста и врага правительству, что мы и видимъ. Вотъ почему, въ виду невозможности устранить кару, соотвѣтствующую административной ссылкѣ, мнѣ казалась бы предпочтительнѣе замѣна ея тюремнымъ заключеніемъ, съ предоставленіемъ студенту пользованія во время заключенія научными пособіями и права, по окончаніи срока задержанія продолжать курсъ ученія». По вопросу объ

отсутствіи строгой разборчивости въ производствѣ арестовъ, признавъ какъ Совѣтъ, такъ и самого себя, совершенно некомпетентнымъ, по совершенной неизвѣстности всѣхъ мотивовъ, вызывающихъ тотъ или другой арестъ, ту или другую административную кару, г. попечитель въ заключеніи своемъ признаетъ «мѣрами, ведущими къ устраненію, или по крайней мѣрѣ къ уменьшенію на будущее время, безпорядковъ» нижеслѣдующія:

«1. Постоянное дѣйствіе университетскаго суда, который долженъ собираться не только въ крайнихъ случаяхъ..., но и дѣйствовать въ тѣхъ маловажныхъ случаяхъ, которые влекутъ за собой замѣчанія, выговоры, аресты.

2. Строгое исполненіе университетскимъ судомъ всѣхъ возложенныхъ на него обязанностей.

3. Оставленіе безъ высылки изъ столицы студентовъ, которые по приговору университетскаго суда будутъ наказуемы удаленіемъ или увольненіемъ изъ университета.

4. Усиленіе инспекціи какъ численное, такъ и качественное, и болѣе дѣятельное отношеніе ея къ своимъ обязанностямъ, причемъ, насколько возможно, примѣненіе относительно инспекціи правилъ наблюденія за студентами, имѣющими общія квартиры и матеріально дурно обставленными. Правила эти отчасти могутъ быть заимствованы изъ Дерптскаго университета.

5. Усиленіе занятій студентовъ устройствомъ профессорами семинарій, въ которыхъ бы студенты обсуждали интересующіе ихъ въ наукѣ вопросы и руководились профессоромъ въ своихъ чтеніяхъ, письменныхъ работахъ, сочиненіяхъ на медали и премію, а равно и диссертаціяхъ.

6. Дозволеніе бѣднымъ и благонадежнымъ студентамъ устраивать, подъ надзоромъ инспекціи, столовыя, общія квартиры и тому подобныя учрежденія, ведущія къ облегченію житейскихъ нуждъ бѣдныхъ молодыхъ людей. Конечно, за такими учрежденіями неизбѣжно долженъ быть надзоръ полиціи», и наконецъ, одинаковость дисциплинарныхъ мѣръ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Представленіе г. попечителя заканчивается похвалами

«замѣчательному такту и умѣнью» Совѣта въ дѣлѣ студенческихъ безпорядковъ, бывшихъ въ ноябрѣ 1878 г. и оказавшихся вслѣдствіе того «скорѣе мимолетной вспышкой, чѣмъ серьезнымъ безпорядкомъ», а также «солидарности его членовъ и отсутствіе партій, всегда вредно вліяющихъ, какъ мы видимъ изъ многихъ примѣровъ, на учащуюся молодежь. Этимъ его достоинствамъ, а равно заботливости и умѣнью ректора вести дѣло, слѣдуетъ приписать, что общее направленіе студентовъ университета, въ настоящее по крайней мѣрѣ время, относительно хорошо, что нарушители порядковъ составляютъ меньшинство весьма незначительное и что Совѣтъ, когда желаетъ— какъ онъ и доказалъ это нынѣшней зимой—можетъ имѣть надлежащее на молодежь нравственное вліяніе».

Отвѣтъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія на представленіе Совѣта С.-Петербургскаго университета.

Ни представленіе г. попечителя, ни вызвавшая его записка Совѣта С.-Петербургскаго университета не были предметомъ какого-либо особаго обсужденія ни въ Ученомъ Комитетѣ, ни въ совѣтѣ министровъ, быть можетъ потому, что означенная записка окончательно вызвала рѣшимость министра внести, наконецъ, проектъ новаго устава университетовъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Попечителю же С.-Петербургскаго округа было предложено (отъ 2-го марта) «обратить вниманіе Совѣта на неумѣстность и несвоевременность представленія этой записки и поставить Совѣту на видъ, что въ сей запискѣ онъ вышелъ далеко за предѣлы предоставленныхъ ему закономъ правъ и обязанностей».

Указавъ на то, что случай, побудившій Совѣтъ «заняться теоретическимъ изученіемъ причинъ безпорядковъ между студентами и найти ихъ въ дѣйствіяхъ полиціи», не заключаетъ въ себѣ никакого столкновенія между полиціей и студентами, а «составляетъ вполнѣ внутреннее происшествіе въ жизни университета, вызванное главнымъ

образомъ тѣмъ, что университетское начальство въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ терпѣло въ университетскихъ стѣнахъ студенческія сходки, запрещенныя существующими правилами», министръ продолжаетъ: «Неумѣстность и несвоевременность такого теоретическаго разслѣдованія и представленія мнѣ результатовъ онаго именно въ настоящее время болѣе чѣмъ очевидны. Университету, конечно, не безызвѣстно, что наше время богато такими прискорбными проявленіями, которыя указываютъ скорѣе на недостаточность силы полиціи, чѣмъ на противное, и правительство, по необходимости, обращаетъ все свое вниманіе не только на усиленіе бдительности и средствъ полиціи, но и на возвышеніе въ глазахъ публики нравственнаго ея авторитета. Такому стремленію правительства не можетъ не сочувствовать и не содѣйствовать всякій вѣрноподданный, кому дороги интересы общественной безопасности и государственнаго порядка и благоустройства. Если это долгъ каждаго гражданина, то правительство вполнѣ въ правѣ ожидать того же отъ всѣхъ своихъ органовъ, дабы общими силами разыскать и уничтожить то скопище злодѣевъ, которое, не гнушаясь никакими средствами, прибѣгая то къ открытому возмущенію, то къ потаенной агитаціи и даже къ убійству, стремится къ уничтоженію всего существующаго порядка вещей. Въ такую тяжкую годину, переживаемую Россіей, ученая корпорація столичнаго университета выступаетъ съ обвиненіемъ противъ полиціи и видитъ въ ней объясненіе происходящихъ между учащеюся молодежью безпорядковъ. Не довольствуясь этимъ, та же корпорація объясняетъ въ оффиціальномъ представленіи, что зло это происходитъ отъ всей принятой правительствомъ системы, на которой основаны данныя полиціи инструкціи». Указавъ на факты заявленнаго уже со стороны части студентовъ и со стороны подпольной печати весьма естественнаго сочувствія къ такому образу дѣйствій Совѣта и обращаясь къ содержанію его записки, предложеніе министра настаиваетъ на томъ, что «такое не подтвержденное фактами обвиненіе со стороны одного изъ органовъ правительства противъ правительственной системы

въ администраціи, не останавливающееся притомъ на полиціи, но идущее далѣе и требующее отмѣны всякихъ мѣръ, принимаемыхъ администраціей для обезпеченія самихъ же университетовъ отъ вреднаго вліянія оказавшихся уже неблагонадежными личностей,—заходитъ уже за всякіе предѣлы правъ, предоставленныхъ Совѣтамъ университетовъ... Ни одна статья университетскаго устава не даетъ Совѣту права разсуждать о предметахъ внутренняго государственнаго управленія и о распоряженіяхъ высшей административной власти, образъ дѣйствій которой ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ обсужденію и критикѣ университетскаго Совѣта... Полиція не можетъ не быть особенно бдительна въ отношеніи къ учащейся молодежи въ такія времена, когда ею производятся уличные безпорядки, и въ особенности касательно личностей, возбудившихъ уже противъ себя чѣмъ-либо подозрѣніе..., но это нисколько не мѣшаетъ ректору университета въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мелочной и несправедливой придирчивости со стороны полиціи, если бы это случилось, обращаться куда слѣдуетъ, для обузданія неумѣлаго или слишкомъ усердствующаго полицейскаго чиновника..., и я убѣжденъ, что г. с.-петербургскій градоначальникъ будетъ благодаренъ за каждое такое указаніе и приметъ зависящія мѣры, если справедливость онаго подтвердится, чтобы подобные случаи не повторялись». Относительно того невыгоднаго мнѣнія, какое сложилось въ администраціи и въ самомъ обществѣ о студентахъ, въ предложеніи министра Народнаго Просвѣщенія сказано: «Весьма грустный фактъ этотъ, безспорно справедливый въ отношеніи той части молодежи, которая производитъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ постоянные безпорядки, то въ стѣнахъ заведенія, то внѣ оныхъ, не можетъ быть устраненъ ни законодательными, ни административными мѣрами, а единственно лишь самими студентами, которые своимъ добрымъ поведеніемъ заставили-бы общество перемѣнить невыгодное о нихъ мнѣніе». Впрочемъ, ни администрація, ни общество «никогда не почитали всѣхъ вообще студентовъ неблагонадежными, а всегда протягивали имъ руку помощи, гдѣ это

было нужно и возможно... Само собою разумѣется, что социалистическая агитація не имѣетъ и не можетъ имѣть своего центра между студентами, а заносится извнѣ зловредными агитаторами и находитъ себѣ почву и развитіе въ средѣ лишь нѣкоторой непадежной части молодежи. Отъ самого университета зависитъ принять мѣры, чтобы неблагонадежное меньшинство студентовъ... («добивающееся невозможныхъ правъ, терроризирующее другихъ студентовъ и мѣшающее имъ заниматься въ университетѣ тѣмъ, для чего онъ учрежденъ, т-.е. наукою и ученьемъ») «находило себѣ достаточный отпоръ въ большинствѣ несомнѣнно благонадежныхъ», но университетъ вовсе не пользуется для сего всѣми дарованными ему полномочіями. «Никто не помѣшаетъ порядочнымъ и ни въ чемъ не замѣшаннымъ и не заподозрѣннымъ студентамъ посѣщать другъ друга для занятій или для бесѣды. Что же касается какого бы то ни было корпоративнаго устройства студентовъ или студенчества, какъ выражается Совѣтъ, то печальный опытъ послѣдняго времени, какъ до изданія устава 1863 г., такъ и послѣ изданія сего устава, долженъ былъ бы, какъ я полагаю, достаточно убѣдить Совѣтъ университета въ безцѣльности и невозможности разрѣшенія чего-либо подобнаго. Во всякомъ случаѣ я съ своей стороны считаю допущеніе подобныхъ студенческихъ обществъ и сопряженныхъ съ нимъ сборищъ положительно вреднымъ для университета и для самихъ студентовъ». Предложеніе это было доведено до свѣдѣнія самого Государя Императора, и Его Императорскимъ Величествомъ было одобрено 1-го марта 1879 г., а на другой день было препровождено къ попечителю округа. Другихъ послѣдствій записка Совѣта не имѣла. Но какъ сказано, она побудила графа Д. А Толстого не медлить болѣе дѣломъ о новомъ университетскомъ уставѣ.

Участіе воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ противогосударственной пропагандѣ съ половины 1873 г. по 1 января 1877 г.

Студенты, а вслѣдъ за ними, по ихъ примѣру и подъ ихъ вліяніемъ и ученики среднихъ учебныхъ заведеній, въ значительномъ числѣ принимали участіе въ противогосударственной пропагандѣ, а именно съ половины 1873 г. и по 1 января 1877 г. воспитанниковъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, считая и выбывшихъ, было выше 50% общаго числа лицъ, прикосновенныхъ къ означенной пропагандѣ и такъ или иначе привлекавшихся къ дѣламъ объ оной, производившимся и оконченнымъ производствомъ за означенное время въ III-мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, или около 820 ч., въ томъ числѣ 523 студента (32,7% общаго числа) и 297 воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній (18,3% общаго числа). Особое Совѣщаніе, образованное для обсужденія причинъ, препятствующихъ положить предѣлъ усиливающейся противогосударственной агитаціи, и для изысканія мѣръ, которыя, было бы полезно принять къ ея ослабленію, усмотрѣвъ, что агитація эта обнаруживается и между воспитанниками среднихъ учебныхъ заведеній, скорѣе доступными исправленію, чѣмъ тѣ лица, въ которыхъ преступныя мысли успѣли пустить болѣе глубокіе корни, пришло къ предположенію о возможности учредить, въ особо избранной для того мѣстности, отдаленной отъ столицы и большихъ городовъ, учебно-исправительное заведеніе, въ которое могли бы быть отсылаемы воспитанники и ученики, подлежащіе судебному преслѣдованію или по крайней мѣрѣ исключенію изъ своихъ заведеній за участіе въ дѣлахъ противогосударственной и соціальной пропаганды.

Проектъ средняго исправительнаго учебнаго заведенія (1878—1879 года).

Первоначальный проектъ для такого заведенія былъ составленъ тайнымъсовѣтникомъ А. Л. Апухтинымъ, быв-

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

шимъ тогда начальникомъ Межеваго института, а для окончательной разработки вопроса о таковомъ учебно-исправительномъ заведеніи была, по соглашенію шефа жандармовъ и министра Народнаго Просвѣщенія, въ вѣдѣніи сего послѣдняго, учреждена комиссія подъ предсѣдательствомъ Тайнаго Совѣтника Георгіевскаго, изъ членовъ (по одному) отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и отъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Комиссія эта, начавъ свои труды 26-го іюля 1878 г., окончила ихъ 11-го апрѣля 1879 г., собравъ надлежащія свѣдѣнія о болѣе или менѣе подходящихъ исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ у насъ и заграницей (въ томъ числѣ въ особенности о такъ называемыхъ Maison Paternelle въ Метрэйской колоніи близъ Тура), и составила подробный проектъ учебно-исправительнаго института съ объяснительною къ нему запискою и штатомъ. Институтъ этотъ разсчитанъ былъ на 200 воспитанниковъ, раздѣляемыхъ для воспитательно-исправительныхъ цѣлей на 12 группъ, каждая въ вѣдѣніи особаго воспитателя-преподавателя и въ особомъ помѣщеніи, при чемъ лица, принадлежащія къ различнымъ группамъ, сходились бы между собою лишь въ церкви и въ классѣ, но не въ свободное отъ молитвы или ученія время. Далѣе, для болѣе виновныхъ или строптивыхъ предполагались совсѣмъ одиночныя помѣщенія (числомъ 10) и одиночное обученіе. Для ученія воспитанники распредѣлялись бы на отдѣленія гимназическое и реальное (по основному и коммерческому подраздѣленію) и на классы, начиная съ IV и выше. Кромѣ директора и его помощника предполагались 23 воспитателя, занимающихся вмѣстѣ съ тѣмъ и преподаваніемъ. Занятія пѣніемъ, садоводствомъ и огородничествомъ, а затѣмъ или инструментальною музыкою или мастерствомъ, были бы для всѣхъ обязательны.

Неуспѣвающіе въ предметахъ гимназическаго курса переводились бы въ какое-нибудь изъ отдѣленій реальнаго курса, неуспѣвающіе и въ семъ послѣднемъ обязательно и усиленно обучались бы ремесламъ. Вакаціоннаго времени

не предполагалось, но въ каникулярное время уменьшалось бы число уроковъ по предметамъ и языкамъ и усиливались бы занятія искусствами, ремеслами, садоводствомъ и огородничествомъ. Отпуски не дозволялись бы, кромѣ какъ въ совершенно исключительныхъ случаяхъ; дозволеніе свиданій съ посторонними лицами зависѣло бы единственно отъ дирекціи; переписка между воспитанниками и ихъ родственниками шла бы не иначе какъ черезъ воспитателей. Это учебно-исправительное заведеніе предполагалось въ вѣдомствѣ министра Народнаго Просвѣщенія, при нѣкоторомъ участіи министра Внутреннихъ Дѣлъ и шефа жандармовъ, а именно директоръ его избирался бы по соглашенію съ нимъ, и по дѣламъ о составленіи или измѣненіи правилъ о внутреннихъ порядкахъ въ институтѣ, о надзорѣ при сужденіи объ ихъ исправленіи, о допущеніи къ выпускнымъ экзаменамъ (которые держатся не въ институтѣ, а въ ближайшемъ къ нему по мѣсту соотвѣтственномъ учебномъ заведеніи), объ увольненіи и исключеніи ихъ въ педагогическомъ совѣтѣ обязательно присутствовали бы съ правомъ голоса члены отъ означенныхъ вѣдомствъ по одному отъ каждаго. Устройство подобнаго института предполагалось въ сельской мѣстности, въ одной изъ центральныхъ губерній, неподалеку отъ желѣзныхъ дорогъ.

Представляя свой проектъ, комиссія не могла не обратить особаго вниманія какъ на безпримѣрность подобнаго учебнаго заведенія, на крайнюю трудность полнаго достиженія предполагаемыхъ цѣлей, такъ и на дороговизну его содержанія (159 т. р.), на неудобство учреждать какъ бы постоянное учебное заведеніе въ виду крайне ненормальныхъ обстоятельствъ, имѣющихъ несомнѣнно лишь временный характеръ, и на предпочтительность мѣръ, которыя имѣли бы своею цѣлью оздоровленіе ненормальныхъ учебныхъ заведеній, прежде же всего университетовъ, какъ преимущественно дающихъ всѣмъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ ихъ преподавателей и сверхъ того весьма дурно вліяющихъ черезъ своихъ студентовъ на воспитанниковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній,—оздо-

ровленіе, для котораго необходимо и оздоровленіе всей вообще нашей среды.

Какъ по симъ соображеніямъ, такъ и еще болѣе по причинѣ совершенной перемѣны съ 6-го февраля 1880 г. во внутренней правительственной политикѣ, проектъ означеннаго учебно-исправительнаго заведенія не имѣлъ никакихъ послѣдствій.

Новое устройство университетской инспекціи въ 1879 г.

Но прежде чѣмъ означенная перемѣна произошла, была сдѣлана попытка преобразовать университетскій уставъ 1863 г., въ той его части, которая относится къ порядку управленія и надзора за студентами и къ устройству университетской инспекціи. Главнымъ начинателемъ этой попытки былъ временный Харьковскій генералъ-губернаторъ графъ Лорисъ-Меликовъ, который, прибывъ изъ Харькова въ С.-Петербургъ подъ впечатлѣніемъ безпрерывно возобновлявшихся въ Харьковѣ въ 1878—1879 учебномъ году студенческихъ безпорядковъ, справедливо указывалъ, что при тогдашнемъ коллегіальномъ порядкѣ управленія университетами въ нихъ нѣтъ должностныхъ лицъ, которыя дѣйствительно несли бы на себѣ отвѣтственность за соблюденіе въ нихъ порядка, и очень настаивалъ на томъ, чтобы не только всѣ чины инспекціи, но и деканы и ректоръ были, безъ всякихъ выборовъ со стороны профессорскихъ коллегій, непосредственно назначаемы правительственною властью. По Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева и при участіи министровъ народнаго просвѣщенія, финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря (нынѣ графа) И. Д. Делянова и графа Лорисъ-Меликова состоялось совѣщаніе, которое указывало на необходимость еще до начала новаго (1879—1880) учебнаго года принять мѣры для предупрежденія возможности возобновленія безпорядковъ между студентами университетовъ и послѣ продолжительныхъ преній остановилось на мысли оставить ректоровъ и дека-

новъ на прежнемъ основаніи, но совершенно измѣнить порядокъ управленія и надзора за студентами и самое положеніе университетской инспекціи. Предложенія означеннаго совѣщанія были 23-го іюля 1879 г. Высочайше одобрены и вмѣстѣ съ тѣмъ было Высочайше повелѣно объ исполнительныхъ въ отношеніи къ нимъ распоряженіяхъ ежемѣсячно доводить до Высочайшаго свѣдѣнія по 1-му Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 25-го іюля того же года уже было внесено по сему предмету министромъ народнаго просвѣщенія представленіе въ комитетъ министровъ, а 2-го августа было уже Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ о томъ, чтобы въ видѣ временной мѣры, впредь до утвержденія новаго общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ: 1. предоставить министру народнаго просвѣщенія составить, не стѣсняясь университетскимъ уставомъ 1863 г., инструкцію для университетской инспекціи, съ присовокупленіемъ правилъ о дарованіи разныхъ льготъ, пособій и стипендій, и ввести оную въ дѣйствіе во всѣхъ университетахъ, подлежащихъ дѣйствію общаго устава; 2. предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ, въ случаяхъ, если ими самими или мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ существующая нынѣ университетская инспекція будетъ признана не соотвѣтствующею своему назначенію, измѣнять ея составъ по соглашенію съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ, при чемъ объ утвержденіи инспектора (или проректора) представлять министру народнаго просвѣщенія, а помощниковъ инспектора утверждать собственною властью, и 3. предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ увеличивать составъ университетской инспекціи, по мѣрѣ надобности и возможности, назначеніемъ большаго противъ положеннаго по штатамъ числа помощниковъ инспектора, съ отнесеніемъ потребныхъ по сему предмету расходовъ на спеціальныя средства университетовъ.

Противъ предположеній, высказанныхъ въ особомъ совѣщаніи, въ представленіи министра народнаго просвѣщенія сдѣланы два измѣненія въ смыслѣ расширенія испрашивавшихся для правительственной власти полномочій, а

именно относительно правилъ о льготахъ, пособіяхъ и стипендіяхъ для студентовъ и относительно увеличенія числа помощниковъ инспектора, причемъ возникшая въ министерствѣ народнаго просвѣщенія мысль о присоединеніи къ составу инспекціи во всѣхъ университетахъ педелей была устранена самимъ министромъ. Съ другой стороны, особое совѣщаніе требовало, чтобы инструкція для университетской инспекціи была составлена и утверждена по соглашенію съ генералъ-губернаторами, министръ народнаго просвѣщенія въ видахъ ускоренія хода этого дѣла въ своемъ представленіи въ комитетъ министровъ предполагалъ ограничиться соглашеніемъ лишь съ двумя генералъ-губернаторами: С.-Петербургскимъ и Харьковскимъ; но комитетъ министровъ обошелъ этотъ пунктъ совершеннымъ молчаніемъ, за то занесъ въ свой журналъ указанія своего предсѣдателя генералъ-адъютанта графа Игнатьева 1 на тѣ полномочія, которыя самимъ уставомъ 1863 г., были предоставлены попечителямъ учебныхъ округовъ (а именно принимать всѣ нужныя, по ихъ усмотрѣнію, мѣры, чтобы принадлежащія къ университетамъ мѣста и лица исполняли свои обязанности, въ случаяхъ же чрезвычайныхъ дѣйствовать всѣми способами, хотя бы они и превышали ихъ власть; сверхъ того, дѣлать университетскому совѣту предложенія и утверждать проектируемыя совѣтомъ правила объ обязанностяхъ студентовъ и о взысканіяхъ за нарушеніе овыхъ, утверждать предположенія правленія о назначеніи пособій бѣднымъ студентамъ и по ходатайствамъ объ освобожденіи отъ платы за слушаніе лекцій, а равно и утверждать избранный совѣтомъ способъ контроля надъ занятіями студентовъ), причемъ находилъ необходимымъ, чтобы министръ народнаго просвѣщенія безъ всякаго замедленія далъ попечителямъ учебныхъ округовъ необходимыя указанія относительно пользованія принадлежащими имъ правами въ полномъ ихъ пространствѣ и объемѣ, на что графъ Д. А. Толстой тотчасъ же изъявилъ свое согласіе. Тѣмъ не менѣе графъ Д. А. Толстой считалъ необходимымъ предварительное соглашеніе какъ со всѣми генералъ-губернаторами, такъ и съ попечителями учебныхъ

округовъ относительно инструкціи инспекціи, правилъ для студентовъ и предложенія попечителямъ, проекты коихъ были по его порученію составлены т. сов. Георгіевскимъ, который былъ командированъ въ Москву, Харьковъ, Кіевъ, Одессу для скорѣйшаго и легчайшаго достиженія соглашенія съ мѣстными попечителями и генералъ-губернаторами. Хотя 15-го уже августа онъ выѣхалъ изъ Москвы съ заготовленными имъ проектами, тѣмъ не менѣе только 26-го октября 1879 г. означенныя инструкція, правила и предложеніе были окончательно установлены, подписаны и разосланы, и только въ С.-Петербургскомъ университетѣ приведены въ исполненіе съ самаго начала учебнаго года въ первоначальномъ своемъ видѣ.

Мѣры эти были направлены къ существенному измѣненію организаціи и быта университетовъ. Ими прежде всего упразднялся университетскій судъ съ его выборными судьями изъ числа профессоровъ юридическаго факультета, какъ доказавшій на дѣлѣ полную свою несостоятельность; функціи его переходили всецѣло къ правленію, съ ректоромъ во главѣ, изъ декановъ, съ непремѣннымъ и авторитетнымъ участіемъ инспектора студентовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ университета устранялся вовсе отъ участія въ судебной, карательной власти надъ студентами, тогда какъ прежде онъ разсматривалъ и утверждалъ приговоры суда; онъ же устранялся и отъ раздачи студентамъ стипендій, каковое право исключительно принадлежало ему на основаніи представленій факультетовъ, теперь же всѣ дѣла о льготахъ студентамъ должны были сосредоточиваться въ правленіи, по могли быть учиняемы только инспекторомъ на основаніи какъ собранныхъ инспекціей, такъ и доставленныхъ ей отъ профессоровъ и факультетовъ свѣдѣній, и подлежали окончательному утвержденію попечителя округа. Одновременно съ лишеніемъ карательной и милующей власти надъ студентами, совѣтъ университета лишился права располагать по своему усмотрѣнію спеціальными суммами (главнѣйше сборомъ платы за ученіе) и ограничивался въ избирательныхъ своихъ правахъ. Предполагая значительно усилить и расширить дѣятельность университетской инспек-

ціи, нельзя было не сознать необходимости значительно увеличить личный ея составъ, по указаніямъ бывшаго временнаго С.-Петербургскаго генералъ-губернатора ген.-адъютанта Гурко, по меньшей мѣрѣ, въ такомъ размѣрѣ, чтобы на каждаго помощника инспектора приходилось не болѣе 150 студентовъ, съ отнесеніемъ расходовъ по этой части на спеціальныя суммы университетовъ, почему и смѣта доходовъ и расходовъ изъ этихъ суммъ должна была представляться правленіемъ на окончательное утвержденіе не совѣта, а попечителя округа, и уже отъ усмотрѣнія сего послѣдняго зависѣло, спросить ли по этому предмету мнѣніе совѣта, или вовсе его не спрашивать. Ограниченіе же совѣта въ его избирательныхъ правахъ заключалось въ томъ, что всѣ чины инспекціи, равно какъ секретарь по студенческимъ дѣламъ и университетскій врачъ, какъ лица, обязанныя исполнять порученія инспектора относительно студентовъ, были назначаемы безъ всякихъ выборовъ попечителемъ округа—чины инспекціи по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ (а въ Казани съ губернаторомъ), и притомъ инспекторъ съ утвержденія министра, а всѣ прочіе собственною его властью по представленію инспектора. Инспекція ставилась очень твердо и совершенно независимо отъ всѣхъ прочихъ университетскихъ властей, въ непосредственное подчиненіе попечителю округа и подъ его руководство. Ректоръ обязанъ былъ имѣть общее наблюденіе за правильностью и успѣшностью ея дѣйствій, но о результатахъ своихъ наблюденій долженъ былъ доносить попечителю, не дѣлая самъ никакихъ распоряженій, замѣчаній или выговоровъ чинамъ инспекціи. Какъ лицо, наблюдающее за инспекціей и какъ предсѣдатель правленія, состоящаго изъ выборныхъ деканов, выборный ректоръ сохранялъ за собою весьма значительный авторитетъ и относительно студентовъ; впрочемъ, никакой карательной власти непосредственно ему не присвоивалось, и вчинаніе всѣхъ дѣлъ о студентахъ въ правленіи исключительно ввѣрялось инспектору, и дѣла эти, въ случаѣ разногласія между инспекторомъ и прочими членами правленія, должны были идти на окончательное рѣшеніе попечителя округа

Собственная карательная власть инспектора не шла далѣе выговора со внесеніемъ въ штрафную книгу и ареста не болѣе какъ на 7 дней; дальнѣйшія взысканія могли быть налагаемы правленіемъ, причемъ исключеніе изъ университета безъ права поступленія въ какое-либо другое учебное заведеніе—не иначе какъ съ утвержденія попечителя.

Располагая болѣе или менѣе всѣми карами, которыя могли постичь студентовъ, и всѣми милостями, какія могли быть имъ оказаны, непосредственно подчиненный только попечителю округа, имѣя голосъ въ правленіи по всѣмъ дѣламъ, и особенно вѣскій, почти рѣшающій по дѣламъ студентовъ, располагая достаточнымъ числомъ непосредственно подчиненныхъ ему помощниковъ, по меньшей мѣрѣ по 1 на каждыхъ 150 студентовъ, инспекторъ студентовъ вмѣстѣ со всѣми своими помощниками являлся властью, не только охраняющею внѣшній порядокъ во всѣхъ университетскихъ помѣщеніяхъ, не только надзирающею за студентами въ этомъ отношеніи, но и завѣдывающею ими какъ въ дисциплинарномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, властью до нѣкоторой степени нравственно-воспитательною, причемъ наблюденію ея подлежало поведеніе студентовъ не только въ университетѣ, но и внѣ его при содѣйствіи полиціи, которой вмѣнялось въ обязанность исполнять всѣ законныя требованія инспекціи и увѣдомлять ее о всякомъ дошедшемъ до ея свѣдѣнія предосудительномъ поступкѣ студентовъ.

Инспекція въ цѣломъ составѣ своемъ (т.-е. хотя бы одинъ изъ ея членовъ по принадлежности) должна была знать ввѣренныхъ ей студентовъ въ лицо и по фамиліи, а по возможности также характеръ и наклонности каждаго изъ нихъ, часто обращаясь между ними, распрашивая ихъ объ обстоятельствахъ ихъ воспитанія, о родѣ ихъ жизни и занятіяхъ, объ ихъ знакомствахъ, о способахъ существованія, посѣщая ихъ на ихъ квартирахъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые не являются на лекціи хотя бы только въ продолженіе трехъ дней, не давая знать о причинѣ неявки. Въ видахъ сближенія студентовъ съ чинами инспекціи первымъ вмѣнено было въ обязанность по всѣмъ

своимъ дѣламъ и надобностямъ обращаться къ указанному каждому изъ нихъ помощнику инспектора, для чего послѣдніе обязаны было опредѣлить ежедневно извѣстные часы пріема: сверхъ того студенты были обязаны ежемѣсячно въ указанные дни и часы являться для визировки выданныхъ имъ отъ инспекціи билетовъ на жительство: имѣлось, между прочимъ, въ виду положить этимъ конецъ отчужденію студентовъ отъ университета, проживательству нѣкоторыхъ изъ нихъ даже внѣ университетскаго города, перѣздамъ тѣхъ или другихъ изъ нихъ по разнымъ университетскимъ городамъ особенно съ цѣлью агитаціи, а, главное, усилить способы ознакомленія чиновъ инспекціи со ввѣренными имъ студентами, при чемъ предполагалось, что визировка эта будетъ происходить ежедневно и что съ этою цѣлью студенты будутъ распредѣлены по днямъ мѣсяца, такъ что на каждый день, въ особо назначенный для того часъ, помощнику инспектора придется имѣть дѣло по большей мѣрѣ съ пятью изъ ввѣренныхъ ему 150 студентовъ.

Особенному вниманію инспекціи поручались студенты, пользующіеся стипендіями, пособіями и какими-либо льготами относительно платы за ученіе. «Отнюдь не должно быть терпимо, чтобы этими преимуществами и льготами пользовались не только неисправные въ какомъ бы то ни было отношеніи студенты, но и такіе, которые по своему образу мыслей и жизни и по своему характеру и наклонностямъ неспособны служить добрымъ примѣромъ для товарищей». За полученіемъ стипендій студенты должны были являться лично къ инспектору или указанному имъ его помощнику. По отношенію къ стипендіатамъ, обнаружившимъ наклонность издерживать стипендію не надлежащимъ образомъ, предоставлялось чинамъ инспекціи разсрочивать выдачу стипендіи или же уплачивать изъ нея за квартиру студента, за его столъ, одежду и т. п. Предоставлялось также инспектору съ разрѣшенія попечителя замѣнять выдачу стипендій на руки студентамъ устройствомъ для нихъ или для нѣкоторыхъ изъ нихъ общежитій подъ непосредственнымъ надзоромъ его и одного изъ его помощ-

никовъ. «На устройство общежитій желательно обращать возможно большую часть стипендій». Одна кондуитная книга, съ занесеніемъ въ нее всѣхъ данныхъ и свѣдѣній о каждомъ студентѣ, ведется о стипендіатахъ и прочихъ, пользующихся пособіями и льготами, и другая подобная же объ остальныхъ студентахъ; факультетамъ вмѣняется въ обязанность сообщать инспектору чрезъ каждые два мѣсяца и тотчасъ же послѣ репетицій и экзаменовъ свѣдѣнія объ особыхъ занятіяхъ и трудахъ и объ успѣхахъ въ наукахъ каждаго студента; о студентахъ, замѣченныхъ профессоромъ въ неисправномъ посѣщеніи лекцій или въ уклоненіи отъ обязательныхъ для нихъ научныхъ упражненій и письменныхъ работъ, профессора обязаны немедленно сообщать декану факультета и университетской инспекціи, которая обязана и сама неослабно слѣдить всѣми зависящими отъ нея способами за исправнымъ посѣщеніемъ студентами университетскихъ лекцій и еженедѣльно доводить до свѣдѣнія попечителя, сколькими студентами каждаго курса, отдѣленія факультета и сколько лекцій въ общей сложности было пропущено. Дабы облегчить студентамъ эту обязанность, предложено попечителямъ не допускать слишкомъ неравномѣрнаго распредѣленія числа лекцій по днямъ недѣли (бывали такіе примѣры, что однимъ и тѣмъ же студентамъ приходилось слушать то по одной, то по шести лекцій въ день), а равно не допускать и оставленія промежутковъ между лекціями, литографированіе же лекцій самими студентами вновь запрещено съ тѣмъ, что инспекція обязана отбирать литографированныя лекціи, а виновныхъ въ имѣніи таковыхъ подвергать взысканію. Инспекторъ не обязанъ принимать на себя ходатайство о предоставленіи стипендій, пособій или какихъ-либо льготъ тѣмъ студентамъ, о занятіяхъ коихъ ему не доставлено никакихъ одобрительныхъ удостовѣреній ни факультетами, ни отдѣльными профессорами. Сверхъ того требовалось еще, чтобы кто-либо изъ преподавателей факультета (изъ числа указанныхъ инспекторомъ) поручился за студента, желающаго получить стипендію, пособіе или льготу, и при этомъ согласился принять его подъ свое

ближайшее руководство, попеченіе и отвѣтственность. Назначаются стипендіи, пособія и льготы не болѣе какъ на годъ и по истеченіи года возобновляются тѣмъ же порядкомъ, т.-е. по ходатайству инспектора правленіемъ съ утвержденія попечителя. Инспектору, почти въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ и въ инструкціи 1837 г., вмѣнялось въ обязанность «отличать своимъ обхожденіемъ и ходатайствомъ предъ правленіемъ и попечителемъ тѣхъ изъ учащихся, въ коихъ онъ замѣтитъ, при хорошихъ успѣхахъ, чистоту нравовъ, правильный образъ мыслей и благородство характера и поведенія»,

Въ предложеніи попечителямъ особенно указывалось на необходимость, чтобы инспекторъ былъ «непремѣнно развитою личностью», равно какъ каждый изъ его помощниковъ. «Но, говорится далѣе, достиженіе предположенной высшимъ правительствомъ цѣли прочнаго огражденія университетовъ отъ всѣхъ происковъ и усилій преступной пропаганды и агитаціи, направленныхъ главнѣше на питомцевъ какъ этихъ, такъ и другихъ разсадниковъ высшаго образованія, едва ли окажется возможнымъ безъ дружнаго и энергичнаго содѣйствія университетской инспекціи со стороны всѣхъ университетскихъ властей и отдѣльныхъ университетскихъ преподавателей. Къ таковому содѣйствію Вы (попечитель округа) и имѣете ихъ призвать, пользуясь для сего принадлежащими Вамъ правами въ полномъ ихъ пространствѣ и объемѣ». Указавъ на эти права, циркуляръ министра отъ 26 октября 1879 года продолжаетъ: «Обстоятельства настоящаго времени, когда дѣло идетъ о возстановленіи духа порядка и дисциплины между учащимися, какъ несомнѣннаго и перваго условія правильнаго и спокойнаго существованія университетовъ и прочнаго огражденія учащейся въ нихъ молодежи отъ происковъ и усилій преступной агитаціи, и потому впредь до полнаго возстановленія духа дисциплины и порядка между учащимися во ввѣренномъ Вамъ университетѣ, Вы уполномочиваетесь дѣйствовать для достиженія этой цѣли всѣми способами, хотя бы они и превышали предоставленную Вамъ власть. Вы потребуете, чтобы

всѣ университетскія власти и преподаватели оказывали всевозможное содѣйствіе инспекціи во всѣхъ случаяхъ, въ особенности же въ случаѣ какихъ-либо возникающихъ безпорядковъ и волненій между студентами, когда весь университетскій совѣтъ и всѣ отдѣльные преподаватели могутъ быть призваны Вами для предупрежденія всѣми зависящими отъ нихъ способами уклоненія учащихся съ пути долга и для предупрежденія тѣхъ бѣдствій, какія отъ этого могутъ послѣдовать какъ для нихъ самихъ, такъ и для цѣлаго университета, вслѣдствіе закрытія его въ цѣломъ составѣ или отдѣльными курсами и факультетами».

Такимъ образомъ и попечителямъ даны были неограниченныя полномочія для возстановленія духа порядка и дисциплины между студентами университетовъ, и настойчиво и неоднократно было имъ указываемо, что всѣ профессора и преподаватели должны были быть привлечены къ содѣйствію инспекціи въ этомъ важнѣйшемъ для университетовъ при данныхъ обстоятельствахъ дѣлѣ.

Въ правилахъ для студентовъ, одновременно съ инструкціей для инспекціи, разосланныхъ по всѣмъ университетамъ, большею частью были повторены уже существовавшія и прежде правила; въ виду же тѣхъ безобразій, которыя представляло тогда студенчество, были съ особенною настойчивостью предложены нѣкоторыя весьма элементарныя правила, казалось бы, совершенно излишнія для лицъ этого возраста и образованія, какъ-то: о строгомъ соблюденіи правилъ наружнаго благоприличія, о ношеніи приличной одежды общепринятаго въ образованномъ обществѣ покроя, о томъ, чтобы вездѣ вели себя скромно, вѣжливо и пристойно, ничѣмъ не нарушая тишины и порядка, чтобы ко времени прихода профессора на лекцію всѣ были на своихъ мѣстахъ въ аудиторіи и послѣ начала лекціи не позволяли себѣ ни входить въ нее, ни выходить изъ нея, при входѣ же въ нее лицъ начальствующихъ вставали предъ ними, при встрѣчѣ же съ ними въ корридорахъ давали имъ свободный проходъ, и вообще своимъ начальникамъ и преподавателямъ вездѣ оказывали знаки

уваженія, общепринятые въ отношеніяхъ младшихъ къ старшимъ, на экзаменѣ же отвѣчали стоя.

Такъ какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ и сами профессора оставляли желать весьма многаго, то въ циркулярномъ предложеніи попечителямъ было сказано: «Въ видахъ водворенія духа порядка и дисциплины между учащимися, преподаватели обязаны сами служить имъ примѣромъ точнаго и строгаго соблюденія всѣхъ своихъ обязанностей, а равно и всѣхъ предписаній закона, относящихся къ государственной службѣ, профессора и преподаватели обязаны являться на службу не иначе какъ въ присвоенной имъ форменной одеждѣ и съ старшимъ изъ пожалованныхъ имъ Монаршею милостью орденовъ. Было бы крайнею непослѣдовательностью требовать отъ учащихся соблюденія приличія въ ихъ обществѣ и дозволять учащимъ пренебрегать въ этомъ отношеніи требованіями закона. Точно также профессора и прочіе преподаватели должны служить для учащихся примѣромъ уваженія къ старшимъ и въ особенности къ начальникамъ, каковъ для нихъ прежде всего попечитель округа. Однимъ изъ знаковъ такого уваженія должно служить то, чтобы профессора и прочіе преподаватели, при назначеніи вновь въ свою должность, при повышеніи въ званіи или чинѣ, при полученіи какой-либо почетной или денежной награды, а равно и по возвращеніи изъ командировки или отпуска, непремѣнно представлялись ему лично, для чего Вы имѣете назначить особые дни и часы внѣ обычнаго времени чтенія лекцій».

Въ числѣ правилъ для слудентовъ было еще одно нововведеніе, а именно предписывалось испрашивать особое разрѣшительное свидѣтельство за подписью инспектора на право давать частные уроки, каковое свидѣтельство могло быть выдаваемо только студентамъ, вполнѣ благонадежнымъ въ нравственномъ отношеніи, при отсутствіи и со стороны полиціи отзывовъ о неблагонадежности, и исполняющимъ свои обязанности по университету; въ противномъ случаѣ выданное свидѣтельство отбирается; преподающему же безъ разрѣшенія воспрещается на все время

бытности студентомъ даваніе уроковъ, дальнѣйшее же нарушеніе этого правила подвергаетъ виновнаго удаленію изъ университета.

Предложеніе министра попечителямъ заканчивалось слѣдующими словами: «Въ заключеніе не могу не обратить вниманія Вашего Превосходительства на то, что и внѣшній порядокъ между учащимися могъ бы быть наилучше обезпеченъ съ подъемомъ научнаго духа ихъ и научныхъ стремленій. Возбудить этотъ духъ и эти стремленія и поддержать ихъ, привлечь студентовъ сколь можно болѣе къ университету и университетскимъ занятіямъ и тѣмъ отвлечь ихъ отъ дурныхъ и вредныхъ вліяній, которымъ нѣкоторые изъ нихъ поддаются, это—прямая и священная обязанность профессоровъ. А потому имѣю честь просить Васъ подвергнуть обсужденію факультетскихъ собраній, какія мѣры съ этой цѣлью могли бы быть нынѣ же приняты по каждому курсу, отдѣленію, факультету, и о мѣрахъ, которыя будутъ приняты, немедленно сообщить мнѣ». Къ этому было прибавлено уже передъ самою отправкою слѣдующее: «Вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляю Вамъ, буде признаете нужнымъ, сообщить содержаніе настоящаго моего предложенія въ совѣтѣ университета подъ Вашимъ предсѣдательствомъ, и выяснивъ при этомъ, какихъ мѣръ можетъ потребовать введеніе новыхъ порядковъ, о послѣдующемъ довести до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія».

На этотъ разъ имѣлось, повидимому, серьезное и рѣшительное намѣреніе упорядочить наши университы и оградить ихъ отъ агитаторовъ, которые съ одной стороны возбуждали въ нихъ студенческіе безпорядки, а съ другой уловляли нѣкоторыхъ студентовъ въ сѣти революціонной партіи. Инструкціи для инспекціи, правила для студентовъ и предложеніе попечителямъ были окончательно установлены по соглашенію съ генералъ-губернаторами и съ попечителями округовъ, при чемъ послѣдніе, по крайней мѣрѣ въ Одессѣ, Кіевѣ и Харьковѣ, привлекали къ совмѣстному съ тайнымъ совѣтникомъ Георгіевскимъ обсужденію всего этого дѣла во всѣхъ его подробностяхъ и

членовъ университетскаго правленія. О ходѣ всего этого дѣла ежемѣсячно доносилось Государю Императору, всѣ вышеозначенныя распоряженія были представлены на Высочайшее воззрѣніе, и Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать на нихъ: «Надѣюсь, что новыя правила будутъ добросовѣстно исполняться и принесутъ ожидаемую пользу. Ливадія. 5-го ноября 1879 года».

Причины безуспѣшности мѣръ 1879 года къ упорядоченію университетовъ.

Но надеждѣ этой не суждено было осуществиться. Въ самомъ центральномъ управленіи министерства народнаго просвѣщенія съ самаго начала уже обнаружились колебанія и какъ бы два различныя теченія, легко и естественно всегда возникающія при осуществленіи мѣръ не тѣми должностными лицами и органами, коими онѣ были обсуждаемы и установляемы. Такъ, вслѣдъ за этимъ предложеніемъ отъ 26-го октября 1879 г. по поводу утвержденныхъ въ тотъ же день правилъ для студентовъ и инструкція университетскимъ инспекціямъ и какъ бы въ дополненіе къ нему было объяснено попечителямъ учебныхъ округовъ, что «означенное предложеніе предназначено для нихъ самихъ, а потому не подлежитъ никакому опубликованію», и что даже ректору университета можетъ попечитель, «если признаетъ нужнымъ, сообщить такія изъ него выдержки, какія найдетъ для сего удобнымъ». Гдѣ инспекторская должность была исполняема профессоромъ съ званіемъ проректора, послѣдній спѣшилъ отъ нея отказаться, и возникалъ вопросъ о выборѣ новыхъ лицъ въ должность инспектора студентовъ. Многіе генералъ-губернторы, и изъ нихъ въ особенности Кіевскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Чертковъ, были въ пользу предоставленія этой должности военнымъ лицамъ, съ академическимъ образованіемъ, и въ военномъ мундирѣ, при чемъ не было недостатка въ кандидатахъ этой категоріи, вполнѣ развитыхъ и подходившихъ по своему характеру и положенію къ условіямъ,

какія требовались для этой должности. Но графъ Д. А. Толстой былъ рѣшительно противъ назначенія военныхъ офицеровъ и въ военныхъ мундирахъ, полагая, что назначеніе таковыхъ лицъ можетъ раздражить и профессоровъ, и студентовъ, и держался мнѣнія бывшаго директора департамента, что для этой должности могутъ быть наиболѣе пригодны инспекторы гимназій съ пансіономъ.

Въ виду возникшихъ въ самомъ министерствѣ раздвоенія и колебаній, и сами попечители большею частью дѣйствовали съ большою слабостью, нерѣшительностью и медлительностью. Поэтому въ Харьковскомъ университетѣ новыя правила были приведены въ дѣйствіе только 15-го декабря 1879 г., но совѣтъ университета до 22-го мая 1880 г. продолжалъ препираться съ попечителемъ округа по вопросу о разсмотрѣніи и утвержденіи смѣты расходовъ спеціальныхъ средствъ университета и противился назначенію нѣкоторой ихъ части на усиленіе инспекціи. Въ Казанскомъ университетѣ новыя правила были установлены только съ 14-го января 1880 г., въ Кіевскомъ съ 24-го января, въ Новороссійскомъ съ 31-го января, а въ Московскомъ даже съ 18-го февраля 1880 г., и только въ С.-Петербургскомъ университетѣ, для котораго, по соглашенію съ временнымъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ І. В. Гурко, правила были особо утверждены еще 29-го августа 1879 г., они были введены въ дѣйствіе съ самаго начала 1879—1880 учебнаго года.

Что всѣ университетскія власти и большая часть профессоровъ при такихъ условіяхъ отнеслись къ этимъ правиламъ съ нескрываемою враждебностью, это понятно само собою. Бывшій попечитель С.-Петербургскаго округа, нынѣ товарищъ министра народнаго просвѣщенія сенаторъ обергофмейстеръ князь М. С. Волконскій, доносилъ управлявшему министерствомъ народнаго просвѣщенія статсъ-секретарю Сабурову, отъ 5-го ноября 1880 г., что «приведеніе въ исполненіе этихъ правилъ было тѣмъ труднѣе, что помимо точности и серьезности ихъ, къ которой не привыкли студенты, правила были встрѣчены весьма несочувственно

профессорами. Такое ихъ несочувствіе къ новымъ порядкамъ должно было вызвать ропотъ и недовольство въ самихъ студентахъ».

Недостатокъ прежнихъ порядковъ по надзору за студентами и преимущества новыхъ.

«Если—прибавляетъ князь М. С. Волконскій,—при столь неблагопріятныхъ условіяхъ все-таки не послѣдовало въ теченіе всего учебнаго года безпорядковъ, то, я думаю, можно убѣдиться, что новая организація инспекціи принесла уже пользу университету, между тѣмъ какъ въ теченіе 16-ти лѣтъ со времени введенія устава 1863 г. и при существованіи правилъ, составленныхъ Совѣтомъ, безпорядки среди учащейся молодежи повторялись ежегодно и три раза—въ 1869, 1874, 1878 гг. доходили до такихъ большихъ размѣровъ, что вынуждали на крайнія мѣры». Въ донесеніи Совѣта С.-Петербургскаго университета отъ 22-го октября 1880 г. по этому поводу, между прочимъ, сказано, что не было особенныхъ безпорядковъ и волненій только потому, что значительное число вновь введенныхъ правилъ остались непримѣненными и что состоялось особое соглашеніе попечителя съ ректоромъ о томъ, что высшей инстанціей по студенческимъ дѣламъ остается ректоръ, которому инспекція должна была доносить во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Но попечитель отрицаетъ существованіе подобнаго соглашенія и говоритъ, что ректору было дѣйствительно предоставлено руководить всѣми дѣйствіями инспектора въ то весьма непродолжительное время, пока инспекторомъ состоялъ статскій совѣтникъ Антроповъ, въ виду полнѣйшаго незнанія имъ своего дѣла и совершенной безтактности, хотя онъ и былъ назначенъ въ инспекторы изъ помощниковъ по ходатайству самого ректора. Затѣмъ указанія инструкціи исполнялись вообще съ точностью, и непримѣнимыми оказались только правила о посѣщеніи лекцій всѣми студентами, ибо аудиторіи оказались недостаточными для вмѣщенія всѣхъ принятыхъ и распредѣленныхъ по курсамъ студентовъ. Одной изъ заслугъ

повой инспекціи было открытіе этого поразительнаго факта невозможности вмѣстить въ аудиторіяхъ всѣхъ принятыхъ студентовъ и обязанныхъ въ одно и то же время слушать однихъ и тѣхъ же профессоровъ,—фактъ, который оказался во всѣхъ университетахъ и противъ котораго профессорскія коллегіи не принимали никакихъ мѣръ и даже, напротивъ, по крайнему невниманію своему къ потребностямъ студентовъ сами вызывали его, нерѣдко соединяя студентовъ нѣсколькихъ курсовъ или нѣсколькихъ факультетовъ вмѣстѣ для слушанія однѣхъ и тѣхъ же лекцій въ аудиторіяхъ, которыя не могли вмѣстить и половины всѣхъ обязательныхъ слушателей. По свидѣтельству князя М. С. Волконскаго, до инструкціи 1879 г. инспекторъ и его помощники на самомъ дѣлѣ совершенно бездѣйствовали; имъ не было дано никакой инструкціи и не дѣлалось никакихъ точныхъ и обязательныхъ указаній; они должны были дѣйствовать примѣнительно къ личному взгляду избиравшагося совѣтомъ ректора, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ членовъ совѣта, какъ высшей университетской инстанціи, считалъ инспекцію въ своей зависимости и находилъ не лишнимъ по временамъ высказывать ей свои взгляды и отдавать приказанія. Въ такомъ затруднительномъ положеніи инспекторъ, не имѣя отъ совѣта и ректора никакихъ письменныхъ указаній, не пользуясь даже ни малѣйшей поддержкой и видя, что авторитетъ его всегда подрывается профессорами, относился къ своей обязанности формальнымъ образомъ; изъ 4 его помощниковъ находился въ университетѣ 1 или 2, прочіе же были при другихъ, совершенно посторонних обязанностяхъ. Если случались какія-либо столкновенія между инспекціей и студентами, то первая почти всегда оставалась виновною въ глазахъ совѣта, и ея заявленіямъ о поступкахъ студентовъ не придавалось почти никакого значенія. Будучи малочислена, она была даже лишена физической возможности слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ университетѣ; у нея не было никакихъ средствъ къ ознакомленію со студентами; никакихъ билетовъ, никакихъ ихъ визировокъ («столь полезныхъ какъ для сближенія инспекціи со студентами, такъ

и для провѣрки, находятся ли студенты на лицо») не было, и въ университетъ входилъ свободно всякій. Поэтому не удивительно, что на сходкахъ, бывшихъ въ ноябрѣ 1878 г., было нѣсколько рабочихъ съ фабрики Торнтона. «Отсутствіемъ надзора и возможностью проникать въ университетъ людямъ всякаго сброда я позволяю себѣ объяснять многіе изъ тѣхъ безпорядковъ и шумныхъ сходокъ, которые были причиною гибели многихъ, можетъ быть, достойныхъ студентовъ». Хотя по университетскимъ правиламъ 1878 г., попечитель С.-Петербургскаго округа, инспекторъ и былъ обязанъ выдавать свидѣтельства о поведеніи студентовъ для полученія ими какихъ-либо льготъ, но это была только формальность, ибо инспекторъ не зналъ и не могъ знать о поведеніи студентовъ. «Изъ списка студентовъ, уволенныхъ за безпорядки 20-го и 21-го марта 1869 г., видно, что многимъ изъ нихъ въ февралѣ того же года была назначена Императорская стипендія, а другимъ выдано пособіе въ размѣрѣ отъ 40 до 100 руб. изъ суммъ, дарованныхъ Государемъ Императоромъ по случаю исполнившагося (8-го февраля 1869 г.) пятидесятилѣтія университета. Это показываетъ, насколько мало были извѣстны студенты со стороны ихъ благонадежности». До какой степени чины инспекціи были излишни въ глазахъ совѣта, видно изъ того, что съ 1870 г. отпускалось изъ государственнаго казначейства содержаніе на 5 помощниковъ инспектора, но совѣтъ неизвѣстно почему никогда не избиралъ пятаго.

При дѣйствіи инструкціи 1879 г. въ теченіе 1879—1880 учебнаго года не было безпорядковъ и въ другихъ университетахъ. Исполнялась она вообще довольно слабо, да едва ли и было бы благоразумно разомъ перейти отъ прежней распущенности къ строгой дисциплинѣ. Тѣмъ не менѣе и правило о ежемѣсячной явкѣ студентовъ къ чинамъ инспекціи для визированія билетовъ исполнялось всѣми за весьма немногими и уважительными исключеніями (въ университетѣ Св. Владиміра изъ 1050 студентовъ на долю не являющихся ежемѣсячно приходилось не болѣе 10 студентовъ, и то исключительно по уважительнымъ причинамъ).

Но прежде чѣмъ новые порядки могли утвердиться и принести всѣ ожидаемые отъ нихъ плоды, произошла рѣшительная перемѣна въ направленіи и образѣ дѣйствій высшаго правительства: 12-го февраля 1880 г. послѣдовало призваніе графа Лориса-Меликова къ главной распорядительной дѣятельности, а 22-го апрѣля министерство народнаго просвѣщенія было ввѣрено статсъ-секретарю А. А. Сабурову, и начались «новыя вѣянія», при которыхъ новая инспекція могла сохраняться въ университетахъ еще нѣкоторое время лишь по имени. И дѣйствительно, 25-го іюля 1880 г. было предложено правленіемъ университетовъ, по разсмотрѣніи отдѣльныхъ случаевъ, вызывавшихъ какіе-либо вопросы по поводу примѣненія правилъ для студентовъ на практикѣ, сообщить отзывъ относительно дополненія или измѣненія сихъ правилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ управляющій министерствомъ обращался и къ попечителямъ и къ генералъ-губернаторамъ съ просьбою сообщить ихъ мнѣнія о новыхъ дисциплинарныхъ порядкахъ.

Безпорядки и смуты въ университетахъ послѣ 1-го марта 1881 г.

Но дѣло не дошло до законодательнаго разсмотрѣнія этого проекта. 1-го марта 1881 года не стало Императора Александра II; вслѣдъ за тѣмъ въ университетахъ начались безпорядки и смуты самаго прискорбнаго характера. Такъ, между прочимъ, въ Казанскомъ университетѣ 13-го марта утромъ было усмотрѣно на стѣнахъ объявленіе, по донесенію управляющаго округомъ помощника попечителя М. А. Малиновскаго, «преступнаго содержанія, приглашавшее студентовъ на сходку по преступному дѣлу на 15-ое марта, день погребенія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, и потомъ было найдено вторичное такого же содержанія объявленіе». Объ этомъ ректоръ и прокуроръ дважды сообщали начальнику губерніи, «ни однимъ словомъ, ни одною строкою не сообщивъ о такомъ экстренно-тревожномъ происшествіи управляющему окру-

гомъ». 14-го марта самъ совѣтъ Казанскаго университета постановилъ просить объ отмѣнѣ временной инструкціи (1879 г.) для инспекціи и о разрѣшеніи собраній студентовъ для обсужденія вопросовъ внутренняго ихъ быта на основаніи правилъ, которыя имѣютъ быть выработаны совѣтомъ университета. Управляющій округомъ счелъ за должное присоединиться къ этому ходатайству, полагая, что подобныя собранія должны быть безусловно разрѣшаемы, смотря по характеру ихъ задачъ, властью ректора, или проректора, или декана, или вообще однимъ изъ профессоровъ, «подъ личнымъ руководствомъ и отвѣтственнымъ наблюденіемъ того или другого изъ поименованныхъ лицъ». «Эти мѣропріятія, присовокупилъ дѣйст. ст. сов. М. А. Малиновскій, проектируются университетскимъ совѣтомъ для улучшенія настроенія учащейся молодежи». Послѣ этого постановленія о разрѣшеніи студентамъ сходокъ, совѣтомъ университета въ томъ же заявленіи было составлено и вывѣшено на стѣнахъ университета объявленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что, «въ послѣднее время, вопреки существующимъ правиламъ, созываются нерѣдко въ стѣнахъ университета сходки, принимающія характеръ, не соотвѣтствующій цѣлямъ и достоинству университета, а равно и интересамъ самихъ гг. студентовъ». Поэтому совѣтъ «единодушно обращается къ здравомыслію и добрымъ чувствамъ казанскихъ студентовъ, приглашая ихъ рѣшительно воздержаться отъ всякихъ проявленій, несоотвѣтственныхъ университетской жизни. Совѣтъ университета, взывая къ благороднымъ и законнымъ чувствамъ гг. студентовъ, надѣется, что они и впредь не измѣнятъ себѣ. Для профессоровъ Казанскаго университета было бы поразительно и неожиданно-прискорбно убѣдиться, что они ошибались въ своихъ высокихъ представленіяхъ о благородномъ настроеніи юношества, пришедшаго въ университетъ готовиться къ высокому служенію на разныхъ поприщахъ ко благу отечества и во славу Государя».—По свидѣтельству М. А. Малиновскаго, объявленіе было читано студентами «сочувственно-покорно».

Въ Московскомъ университетѣ сходки не прекращались.

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ происходили и съ доброй цѣлью. Такъ, 5-го марта на сходкѣ юридическаго факультета была объявлена подписка на вѣнокъ въ Бозѣ почившему Государю Императору, но во время рѣчи одного изъ собиравшихъ деньги раздался свистокъ, вызвавшій изгнаніе свиставшаго. На другой день на сходкѣ историко-филологическаго факультета предложеніе вести ту же подписку понизило вызвало неудовольствіе со стороны нѣкоторыхъ студентовъ, при чемъ одинъ студентъ порвалъ подписной листъ. На сходкѣ 7-го марта студентъ Заіончковскій произнесъ по этому поводу рѣчь въ добромъ направленіи, но вызвавшую неудовольствіе его товарищей. Разрѣшенная проректоромъ на 10 марта сходка обратилась въ судилище надъ Заіончковскимъ, при чемъ было выражено ему нравственное порицаніе, и онъ лишенъ былъ голоса въ студенческихъ дѣлахъ. 12 марта была разрѣшена сходка для выбора студентовъ, которые должны были отправиться въ Петербургъ для возложенія вѣнка на гробъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора. Сходка приняла бурный характеръ и не разошлась по требованію инспекціи. Зала была очищена при помощи университетской прислуги. 14 марта 1881 г. ст.-секр. Сабуровъ былъ замѣненъ ст.-секр. барономъ Николаи, а 27 марта въ Московскомъ университетѣ, при защитѣ магистромъ Иванюковымъ докторской его диссертаціи: «Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени», студентъ-медикъ Викторовъ, возражая ему. доказывалъ связь научнаго соціализма съ революціоннымъ, и когда рѣчь его приняла агитаціонный характеръ, былъ остановленъ деканомъ, а послѣ возраженія лишенъ слова. Рѣчь Викторова была покрыта рукоплесканіями. По окончаніи диспута около 100 человѣкъ остались въ залѣ для обсужденія поступка декана и разошлись лишь тогда, когда начальствомъ университета послано было за полиціей. Викторовъ былъ исключенъ изъ университета безъ суда въ виду очевидности его проступка. Слухъ о преданіи суду 14-ти студентовъ вызвалъ броженіе среди студентовъ, выразившееся въ сходкѣ 2-го апрѣля. Послѣ неповиновенія

и грубостей, оказанныхъ инспекціи, было послано за полиціей, и всѣ участники (до 250 человѣкъ) были переписаны. Виновные въ безпорядкахъ, происходившихъ въ Московскомъ университетѣ съ 5-го марта по 1-е апрѣля, были преданы суду, по приговору коего: 2 исключены съ правомъ поступить въ другое учебное заведеніе не ранѣе двухъ лѣтъ; 35 съ правомъ поступить тотчасъ же въ другія учебныя заведенія и 165—временно удалены изъ Московскаго университета. О томъ, что въ то же время происходило въ стѣнахъ С.-Петербургскаго университета, сохранилось лишь одно письменное донесеніе: въ день погребенія въ Бозѣ почившаго Государя Императора 15-го марта 1881 г. въ стѣнахъ университета происходила недозволенная сходка; виновные въ ней были преданы суду, и изъ нихъ 91 подвергнуты выговору, 33 аресту на 3 дня, 25 аресту на 7 дней, 13 таковому же аресту, но съ предвареніемъ объ исключеніи ихъ въ случаѣ дальнѣйшаго нарушенія правилъ, 13 уволены на годъ безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія,—всего при этомъ подверглись взысканіямъ 175 ч.

Совѣщаніе гг. министровъ 20-го ноября 1882 г.

Такъ какъ происходившіе осенью 1882 г. безпорядки въ С.-Петербургскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ отразились шумной сходкой 12-го ноября въ С.-Петербургскомъ Лѣсномъ Институтѣ, то по всеподданнѣйшему о семъ докладу г. министра Государственныхъ имуществъ статсъ-секретаря М. Н. Островскаго Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: «Вопросъ о томъ, какія общія мѣры могутъ быть приняты къ устраненію на будущее время подобныхъ прискорбныхъ явленій въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, разсмотрѣть въ совѣщаніи гг. министровъ: Народнаго Просвѣщенія, Военнаго, Внутреннихъ Дѣлъ, Путей Сообщенія и Государственныхъ Имуществъ, а также управляющаго морскимъ министерствомъ и оберъ-прокурора Св. Синода». На этомъ совѣщаніи 10-го ноября 1882 г. оберъ-прокуроромъ Св.

Синода К. П. Побѣдоносцевымъ было предложено отдавать въ дисциплинарные батальоны и роты тѣхъ изъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые за свое дерзкое поведеніе и грубое неповиновеніе начальству не только заслуживаютъ исключенія, но и требуютъ особыхъ мѣръ для ихъ исправленія. Предложеніе это было сдѣлано уже послѣ того, какъ первопачальная мысль, на которой останавливалось совѣщаніе, именно о принудительномъ привлеченіи къ отбыванію воинской повинности, съ лишеніемъ всѣхъ льготъ по оной, молодыхъ людей, уволенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, встрѣтило сильнѣйшія возраженія со стороны представителей Военнаго и Морского вѣдомствъ—генералъ-адъютантовъ П. С. Ванновскаго и И. А. Шестакова. Совѣщаніе гг. министровъ постановило поручить особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ товарища министра Народнаго Просвѣщенія, изъ представителей отъ министерства Народнаго Просвѣщенія, Государственныхъ Имуществъ, Военнаго и Внутреннихъ Дѣлъ подробно разсмотрѣть и окончательно разработать вышеозначенную мѣру. Комиссія эта, состоявшая подъ предсѣдательствомъ князя М. С. Волконскаго, изъ тайныхъ совѣтниковъ В. И. Вешнякова и А. И. Георгіевскаго, генеральнаго штаба генералъ-маіора Н. И. Петрова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника (нынѣ товарища министра, сенатора, тайнаго совѣтника) В. К. Плеве, въ засѣданіяхъ 27-го ноября, 1-го, 3-го, 7-го и 15-го декабря 1882 г., подвергла обстоятельному разсмотрѣнію вопросъ объ отдачѣ уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній за безпорядки въ дисциплинарные баталіоны, нашла эту мысль непримѣнимою, особенно же къ массѣ участниковъ въ студенческихъ безпорядкахъ, выяснила, благодаря особенно заявленіямъ тайнаго совѣтника В. К. Плеве (приведеннымъ выше сего въ началѣ настоящей записки), весь вредъ, причиняемый студенческими безпорядками и ихъ послѣдствіемъ—исключеніемъ виновныхъ изъ учебныхъ заведеній, и подвергла подробному разсмотрѣнію мысль о привлеченіи исключаемыхъ за безпорядки студентовъ тотчасъ же къ исполненію воинской повинности, съ лишеніемъ льготъ, которыя вообще установлены уставомъ объ оной.

Вопросъ о лишеніи всѣхъ льготъ по воинской повинности уволенныхъ за безпорядки изъ учебныхъ заведеній.

Отклонивъ мысль объ отдачѣ уволенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки въ дисциплинарные баталіоны, комиссія испросила себѣ разрѣшеніе разсмотрѣть вопросъ о привлеченіи означенныхъ лицъ въ ряды войскъ для отбыванія общей для всѣхъ гражданъ воинской повинности, но безъ вынутія жребія, хотя и на положеніи жеребьевыхъ. Мысль эта возникла въ министерствѣ Народнаго Просвѣщенія еще въ 1879 г. при обсужденіи вопроса объ устройствѣ университетской инспекціи на предположенныхъ въ то время основаніяхъ. Она была заявлена тайнымъ совѣтникомъ Георгіевскимъ тѣмъ изъ генералъ-губернаторовъ, которые командовали и войсками соотвѣтственныхъ военныхъ округовъ, и нѣкоторые изъ нихъ не были противъ осуществленія этой мѣры, особенно въ мѣстахъ казарменнаго расположенія войскъ. Затѣмъ въ 1880 г. главнымъ начальникомъ верховной распорядительной комиссіи графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ былъ возбужденъ довольно близко соприкасающійся съ этою мѣрою вопросъ объ образованіи изъ лицъ, подлежащихъ, вслѣдствіе своей политической неблагонадежности, надзору полиціи, особыхъ военныхъ командъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи; но военное министерство признало неудобнымъ учреждать команды изъ нижнихъ чиновъ, завѣдомо неблагонадежныхъ, такъ какъ подобныя команды не могутъ быть полезны ни для какого рода военной службы, не говоря уже о томъ, что собранныя въ такія команды лица, оставаясь постоянно въ обществѣ людей одинаковаго превратнаго образа мыслей, могутъ не только поддерживать, хотя и въ тайнѣ, эти убѣжденія, но и измышлять систематическія правила для преступнаго осуществленія ихъ убѣжденій по окончаніи службы. Въ концѣ 1880 г., именно 24-го декабря, состоялось Высочайшее повелѣніе, установившее слѣдующія временныя правила о порядкѣ отбыванія воинской повинности лицами, высланными, за

участіе въ революціонной пропагандѣ, административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи: 1. лица эти не принимаются на службу ни въ сухопутныя войска, ни во флотъ, на правахъ вольноопредѣляющихся, но привлекаются къ исполненію воинской повинности исключительно жеребьевымъ порядкомъ; 2. тѣ изъ означенныхъ лицъ, которыя, по доставшемуся имъ нумеру жребія, будутъ подлежать поступленію на службу, зачисляются въ части войскъ отдаленныхъ округовъ, при чемъ наиболѣе упорные изъ пропагандистовъ назначаются въ войска, расположенныя въ Туркестанскомъ краѣ; 3, за ними вообще устанавливается особо бдительный надзоръ со стороны военнаго начальства и 4. начальники частей, при увольненіи въ запасъ означенныхъ лицъ, сообщаютъ о томъ мѣстному губернатору, вмѣстѣ со свѣдѣніями о ихъ поведеніи во время состоянія на службѣ. Губернаторъ со своей стороны входитъ въ сношеніе съ гражданскимъ начальствомъ тѣхъ мѣстностей, куда отправляются такія лица, для установленія надъ ними негласнаго наблюденія въ теченіе одного года, не стѣсняя ихъ, однако, ни въ свободѣ передвиженія, ни въ способахъ пріисканія занятій и средствъ къ жизни.

Высочайшее повелѣніе это не было обнародовано во всеобщее свѣдѣніе и повлекло за собою лишь секретныя распоряженія. Высочайше назначенная 25-го мая 1881 г. комиссія подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова, со своей стороны, «признавая, что высшую, во многихъ случаяхъ неизбѣжную и единственную мѣру наказанія, зависящую отъ власти учебнаго начальства, составляетъ удаленіе виновныхъ изъ учебнаго заведенія, обратила вниманіе на опасность и вредъ праздпаго блужданія удаленныхъ, и высказала желаніе, чтобы приняты были мѣры для своевременнаго и даже ускореннаго отбыванія таковыми лежащей на нихъ воинской повинности, касательно же лишенія наиболѣе виновныхъ такихъ льготъ, которыя имъ предоставлены и сосредоточенія таковыхъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ государства предполагала войти въ дальнѣйшее обсужденіе; но въ виду заявленія одного изъ своихъ членовъ, что вопросъ этотъ уже обсуждается въ министер-

ствѣ внутреннихъ дѣлъ, комиссія воздержалась отъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. И дѣйствительно, 19-го сентября 1881 г. министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало на этомъ пути дальнѣйшій шагъ, войдя, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ сношеніе съ военнымъ министерствомъ объ отбываніи поднадзорными воинской повинности на правахъ вынувшихъ жребій, съ лишеніемъ ихъ льготъ по образованію и семейному положенію. Проводя то начало, что высланный за политическую неблагонадежность, тѣмъ самымъ лишается нѣкоторыхъ правъ, министерство внутреннихъ дѣлъ полагало вполнѣ соотвѣтственнымъ измѣнить, по отношенію къ административно ссыльнымъ, общеустановленную форму отбытія воинской повинности въ томъ смыслѣ, что всякое лицо, подвергнутое за политическую неблагонадежность полицейскому надзору и подлежащее отбытію воинской повинности, перестаетъ пользоваться льготами, указанными въ уставѣ по воинской повинности, по семейному положенію, а также по образованію, и обязательно зачисляется, на правахъ вынувшихъ жребій, въ опредѣленныя военнымъ начальствомъ части войскъ или же въ особыя военныя команды въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Со введеніемъ такой мѣры, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, правительство имѣло бы возможность, съ одной стороны, сократить въ значительной степени весьма обременительную для него административную ссылку, а съ другой—сдѣлать военную службу для упомянутыхъ лицъ наилучшимъ средствомъ исправленія.

Военное м-во не сочло возможнымъ согласиться съ такимъ предположеніемъ м-ва внутр. дѣлъ въ виду того, что лишеніе поднадзорныхъ, отбывающихъ воинскую повинность, дарованныхъ закономъ правъ на льготы по образованію и семейному положенію, имѣя характеръ карательной мѣры, обратитъ тѣмъ самымъ военную службу въ наказаніе. Въ такомъ видѣ предполагаемая мѣра должна поколебать законъ о воинской повинности въ самомъ существенномъ основаніи его, ибо эта повинность не есть наказаніе, а священная обязанность каждаго русскаго подданнаго (ст. 1 уст. о воин. пов.) и притомъ такая обязанность, къ ис-

полненію которой не допускаются порочные люди, лишенные правъ состоянія, или особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ (№ 16 уст. о воин. пов.). Сверхъ того означенная карательная мѣра была бы въ противорѣчіи со ст. 2115 ч. кн. 1 св. воен. пост., на основаніи которой состоящіе на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ сохраняютъ права состоянія и присвоенныя имъ преимущества по образованію и учеными степенями пріобрѣтенныя. Кромѣ того военное министерство указало на то, что по ст. 36 правилъ, приложенныхъ къ указу правительствующему сенату отъ 4-го сентября 1881 г., административная ссылка назначается на время отъ одного года до пяти лѣтъ, по уставу же о воинской повинности срокъ службы въ войскахъ, расположенныхъ въ Европейской Россіи, опредѣленъ въ 6 лѣтъ, а въ дальнихъ областяхъ въ 7 лѣтъ, а потому, при отбываніи воинской повинности высланными административнымъ порядкомъ безъ права на сокращенные сроки, всѣ они, оставаясь одинаковые сроки въ рядахъ войскъ, подверглись бы такимъ образомъ одинаковому наказанію, не смотря на различіе своей виновности. Отклоняя затѣмъ вопросъ объ образованіи особыхъ военныхъ командъ изъ лицъ, политически неблагонадежныхъ, по соображеніямъ, которыя были приведены выше, генералъ-адъютантъ Ванновскій высказалъ, что если, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, военная служба для означенныхъ лицъ признается средствомъ исправленія, то было бы послѣдовательнѣе сформировать изъ нихъ не обыкновенныя воинскія команды, а дисциплинарныя или, по крайней мѣрѣ, одинаково съ дисциплинарными организованныя команды, съ особымъ наблюдательнымъ составомъ изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, что, кромѣ увеличенія военныхъ расходовъ, не можетъ представить какихъ-либо особыхъ затрудненій. Впрочемъ, въ томъ же отношеніи отъ 6-го октября 1881 г. за № 419, приводя доводы противъ образованія изъ политически неблагонадежныхъ лицъ особыхъ командъ (обыкновенныхъ), военное министерство высказывало ту мысль, что «лица, полити-

чески неблагонадежныя, при распредѣленіи ихъ по различнымъ частямъ войскъ, подъ строгимъ надзоромъ и подъ вліяніемъ войсковой среды, скорѣе могутъ измѣнить свои неразумныя убѣжденія», нежели будучи собраны въ отдѣльныя, только изъ нихъ однихъ составленныя команды. Какъ бы то ни было, однако же, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ, въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 25-го октября 1881 г. высказался въ томъ смыслѣ, что «будучи поставленъ въ необходимость не настаивать на своемъ предположеніи объ обращеніи въ ряды войскъ лицъ поднадзорныхъ, въ видѣ карательной для нихъ мѣры», онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ полезнымъ осуществленіе предположенія относительно зачисленія подвергнутыхъ полицейскому надзору лицъ, поступившихъ уже въ военную службу на общемъ основаніи, въ особыя дисциплинарныя команды, сформированныя въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи съ тѣмъ, чтобы мѣра эта была примѣнена также ко всѣмъ, состоящимъ подъ надзоромъ полиціи за политическую неблагонадежность лицамъ, которыя впредь будутъ поступать въ войска. Эту же мѣру, въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 4-го декабря 1881 г., графъ Игнатьевъ считалъ полезнымъ распространить и на увольняемыхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній. «Характеръ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, писалъ графъ Игнатьевъ, нерѣдко бываетъ таковъ, что эти безпорядки являются результатомъ дѣятельности тѣхъ злоумышленниковъ, которые стремятся къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка и находятъ между воспитанниками учебныхъ заведеній лицъ, имъ не только сочувствующихъ, но и начинающихъ проявлять свое сочувствіе въ формѣ подстрекательствъ къ различнымъ волненіямъ среди своихъ сотоварищей, причемъ волненія эти служатъ для многихъ первымъ шагомъ на пути къ дѣятельности, направленной прямо къ колебанію существующаго порядка. Посему къ воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, замѣшаннымъ въ подобныя волненія, вполнѣ примѣнима мѣра, соотвѣтствующая вышеприведенной, а

именно для молодыхъ людей, уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній за участіе въ безпорядкахъ или признанныхъ въ университетахъ университетскимъ судомъ въ сихъ безпорядкахъ виновными въ качествѣ зачинщиковъ или подстрекателей, данныя имъ для окончанія образованія отсрочки немедленно прекращаются, и они немедленно, не ожидая общаго срока, призываются въ войска. Мѣра сія, для осуществленія своего, требуетъ лишь, чтобы военное министерство для подобныхъ молодыхъ людей, назначало особыя части, образованныя по типу, указанному въ отношеніи военнаго министра отъ 6-го октября 1881 г. за № 419, и отданныя подъ управленіе особо надежныхъ начальниковъ способныхъ къ тому особому надзору, который необходимъ для командованія частями, пополняемыми вышеозначеннымъ порядкомъ». Наконецъ, министромъ народнаго просвѣщенія 14 мая 1882 г. были утверждены правила, въ силу коихъ 1. воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, арестованные по какому-либо политическому дѣлу и затѣмъ освобожденные безъ всякихъ послѣдствій съ выдачею о томъ удостовѣренія подлежащей властью, безпрепятственно допускаются къ продолженію курса ученія; 2. признанные участвовавшими въ тайныхъ сообществахъ, но по легкомыслію, безъ обдуманнаго намѣренія, могутъ быть по усмотрѣнію начальства высшаго учебнаго заведенія, уволены изъ заведенія на одинъ, на два или на три года, съ правомъ или безъ права тотчасъ же вступить въ другое учебное заведеніе, и, наконецъ, 3. изобличенные въ злонамѣренномъ участіи въ тайномъ противоправительственномъ сообществѣ или въ политической противоправительственной агитаціи, и притомъ или преданные въ обычномъ порядкѣ суду и признанные въ какомъ либо государственномъ преступленіи виновными, или за преступленія того же свойства подвергнутые взысканію въ административномъ порядкѣ, т.-е. по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, удостоенному Высочайшаго утвержденія, или понесшіе за доказанную политическую ихъ неблагонадежность взысканіе въ порядкѣ закона о государственной охранѣ, подвергаются со стороны

учебнаго начальства исключенію навсегда изъ учебнаго заведенія, съ лишеніемъ права поступать въ какія бы то ни было учебныя заведенія, но могутъ быть вновь приняты въ то же или въ другое высшее учебное заведеніе равно, какъ и лица вышеозначенной 2-й категоріи, по сношенію подлежащаго министра съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и по испрошеніи на то Высочайшаго соизволенія и при соблюденіи еще двухъ слѣдующихъ условій: а) если исключенный изъ заведенія въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ послѣ окончательнаго освобожденія отъ наложеннаго на него подлежащею властью взысканія и притомъ непремѣнно послѣ отбытія воинской повинности докажетъ, что онъ вполнѣ раскаялся и порвалъ всякія связи съ сообщниками, и б) если кто-либо изъ преподавателей или чиновъ инспекціи приметъ его подъ ближайшій свой надзоръ и руководство. Отбытіе воинской повинности во всѣхъ подобныхъ случаяхъ признавалось какъ бы средствомъ къ исправленію и какъ бы ручательствомъ, что исправленіе дѣйствительно достигнуто; такую силу и значеніе придаютъ вообще правительственныя лица, болѣе, впрочемъ, гражданскаго, чѣмъ военнаго вѣдомства, военной дисциплинѣ и военной средѣ, какъ бы способнымъ отрезвить и охладить самыя разгоряченныя головы. Лица же военнаго вѣдомства, скорѣе напротивъ, опасаются, какъ бы отъ вліянія этихъ сравнительно весьма немногочисленныхъ горячихъ головъ не пострадало нравственное здоровье самой этой среды. Такъ, между прочимъ, и въ комиссіи конца 1882 г. при министерствѣ народнаго просвѣщенія, представитель военнаго министерства, генералъ-маіоръ Н. И. Петровъ высказывался все время самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ принудительнаго привлеченія въ армію студентовъ, уволенныхъ за участіе въ безпорядкахъ, и, по приказанію г. военнаго министра, отказался отъ участія въ обсужденіи подробностей этой мѣры и отъ подписанія относящагося къ сему журнала, но изъявилъ готовность быть въ самомъ засѣданіи и давать объясненія комиссіи по вопросамъ, касающимся военнаго вѣдомства.

Совѣщаніе гг. министровъ 18-го марта 1883 г.

Убѣждаясь доводами комиссіи, особое совѣщаніе гг. министровъ, съ участіемъ въ этотъ разъ министра юстиціи, въ засѣданіи своемъ 18-го марта 1883 г., отказалось отъ первоначальной своей мысли отдавать въ дисциплинарные баталіоны и роты всѣхъ исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за дерзкое поведеніе и грубое неповиновеніе начальству и рѣшилось предложить эту мѣру лишь для случаевъ исключительныхъ, когда проступокъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и требуетъ примѣрнаго наказанія, распространивъ ту же мѣру взысканія и въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ и на воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, если они не моложе 18-ти лѣтъ. По отношенію же къ массѣ молодыхъ людей, увольняемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, управляющій морскимъ министерствомъ ген.-ад. предложилъ, а военный министръ ген.-ад. П. С. Ванновскій, съ своей, стороны, одобрилъ нижеслѣдующую мѣру: «Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемые изъ оныхъ за дерзкое поведеніе, за грубое неповиновеніе начальству, за подготовленіе безпорядковъ или производство ихъ скопомъ въ стѣнахъ заведеній и внѣ оныхъ, если при этомъ они не изобличаются въ участіи въ противозаконныхъ тайныхъ сообществахъ или въ политической противоправительственной агитаціи, лишаются всѣхъ пріобрѣтенныхъ уже ими льготъ по образованію, и хотя бы даже они вынули по жеребью освобождающій отъ повинности нумеръ, обращаются къ вынутію жеребья, при чемъ въ случаѣ поступленія на службу обязаны прослужить шесть лѣтъ; но военному начальству предоставляется ходатайствовать, въ случаѣ одобрительнаго поведенія, о сокращеніи этого срока». Хотя нѣкоторые члены совѣщанія оставались неизмѣнно при томъ убѣжденіи, которое было высказано ими еще 20-го ноября 1882 г., что «обязательное привлеченіе участниковъ въ безпорядкахъ къ отбыванію воинской повинности безъ вынутія жеребья болѣе всего могло бы воздерживать и постороннихъ агитаторовъ, и болѣе испорченныхъ изъ студентовъ отъ организаціи безпорядковъ въ высшихъ

учебныхъ заведеніяхъ, а всѣхъ другихъ студентовъ отъ участія въ оныхъ, въ случаѣ же принятія въ нихъ участія и затѣмъ исключенія изъ учебнаго заведенія могло бы наиболѣе содѣйствовать ихъ отрезвленію и огражденію отъ окончательнаго вовлеченія въ ряды крамольниковъ», и большинство совѣщанія было того же мнѣнія, тѣмъ не менѣе, «желая по возможности достигнуть соглашенія съ военнымъ министромъ и съ управляющимъ морскимъ министерствомъ, совѣщаніе рѣшилось воспользоваться для настоящаго времени, впредь до указанія дальнѣйшаго опыта, предложенною генералъ-адъютантами Ванновскимъ и Шестаковымъ мѣрою. Особое совѣщаніе не отрицало возможности, что опасеніе подвергнуться лишенію льготъ по образованію и по семейному положенію, а въ случаѣ особенно дерзкихъ поступковъ и быть отдану въ дисциплинарные батальоны, до нѣкоторой степени въ состояніи будетъ образумить учащуюся молодежь и воздержать ее отъ безпорядковъ скопомъ или заговоромъ. Но при этомъ совѣщаніе не скрывало отъ себя многихъ неудобствъ этой полумѣры, а именно, что по жеребью поступаютъ въ армію не болѣе 1/4 всѣхъ вынимающихъ оный, что обстоятельство это, извѣстное и всѣмъ учащимся, значительно будетъ ослаблять дѣйствіе на нихъ этой мѣры, что положеніе трехъ четвертей всѣхъ привлеченныхъ къ жеребью и оставшихся свободными отъ поступленія въ армію, будетъ представлять все тѣ же неудобства и опасности, какъ и нынѣшнее положеніе исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, что жребій можетъ поблагопріятствовать наиболѣе участвовавшимъ въ организаціи и производствѣ безпорядковъ и напротивъ оказаться неблагопріятнымъ для лицъ, наименѣе виновныхъ. Тѣмъ не менѣе и эта мѣра въ видѣ опыта могла быть испробована».

Порядокъ отдачи въ дисциплинарные батальоны.

Совѣщаніе затѣмъ опредѣлило, что отдача въ дисциплинарные батальоны или роты можетъ состояться лишь по рѣшенію особаго совѣщанія, состоящаго при департа-

ментѣ полиціи изъ представителей отъ министровъ юстиціи, военнаго, внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и того вѣдомства, къ которому принадлежитъ исключаемый (п. 1-й) при чемъ постановленіе сего совѣщанія подлежитъ утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ тѣмъ изъ министровъ, въ вѣдѣніи коего находится учебное заведеніе, къ коему принадлежитъ исключаемый (п. 6-й); что порядокъ содержанія исключенныхъ молодыхъ людей въ этихъ батальонахъ опредѣляется особыми правилами, которыя устанавливаются военнымъ министромъ примѣнительно къ общему положенію о дисциплинарныхъ батальонахъ (п. 2); что дѣла по разсмотрѣнію проступковъ, подвергающихъ воспитанниковъ исключенію изъ учебныхъ заведеній, съ обращеніемъ ихъ въ дисциплинарные батальоны и роты или къ отбыванію воинской повинности съ лишеніемъ всѣхъ льготъ разсматриваются порядкомъ, указаннымъ комиссіей кн. Волконскаго въ п. 6-мъ ея положеній (см. выше стр. 123), и что мѣры эти распространяются и на всѣхъ нынѣ состоящихъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (п. 4-й). На журналѣ особаго по сему предмету совѣщанія гг. министровъ Государю Императору благоугодно было Собственноручно написать (въ Москвѣ, 27-го мая 1883 г.): «*Я согласенъ* на эти мѣры въ *видѣ опыта*, но полагаю, что онѣ будутъ *недостаточны* и не принесутъ той пользы, которую ожидаютъ», и возвратить оный министру государственныхъ имуществъ. При этомъ, въ виду выраженнаго статсъ-секретаремъ Островскимъ сомнѣнія, чтобы комитетъ министровъ рѣшился принять предлагаемыя особымъ совѣщаніемъ мѣры, когда они Самимъ Государемъ Императоромъ признаются недостаточными, а также и вслѣдствіе заявленія, что и большинство совѣщанія рѣшилось принять мѣры, предложенныя военнымъ министромъ и управляющимъ морскимъ министерствомъ лишь во избѣжаніе разногласія съ этими, а не по убѣжденію въ ихъ достаточности и практичности, Его Императорское Величество Всемилостивѣйше разрѣшилъ особому совѣщанію подвергнуть вновь эти вопросы обсужденію, не стѣсняясь положенною на журналѣ Высочайшею резолюціей,

и объ окончательномъ заключеніи совѣщанія представить на Высочайшее усмотрѣніе.

Совѣщаніе гг. министровъ 10-го іюня 1883 года.

Такимъ образомъ 20-го іюня 1883 г. состоялось третье совѣщаніе гг. министровъ, которое, за исключеніемъ лишь военнаго министра и управляющаго морскимъ министерствомъ, въ замѣнъ сдѣланнаго имъ 18-го марта предложенія, постановило, что «воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній за нанесеніе оскорбленія начальству дѣйствіемъ подвергаются отдачѣ въ дисциплинарные батальоны и роты» (п. 1-й); «воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемые изъ оныхъ за грубое неповиновеніе начальству и за производство безпорядковъ скопомъ въ стѣнахъ заведеній и внѣ оныхъ, если притомъ они не изобличаются въ принадлежности къ противозаконнымъ тайнымъ сообществамъ, лишаются всѣхъ пріобрѣтенныхъ уже ими льготъ по образованію, а равно и принадлежащихъ имъ по семейному положенію, и хотя бы даже они вынули уже по жеребью освобождающій отъ повинности нумеръ, обращаются принудительно, вслѣдъ за исключеніемъ, къ отправленію воинской повинности, безъ вынутія жеребья, и на положеніи жеребьевыхъ правилъ они обязаны прослужить въ военной службѣ шесть лѣтъ; но военному начальству предоставляется ходатайствовать, въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія, о сокращеніи имъ этого срока» (п. 2-й). «О принужденныхъ къ обязательному отбыванію воинской повинности, безъ жеребья, съ лишеніемъ пріобрѣтенныхъ уже льготъ по образованію и по семейному положенію, сообщаются подробные списки подлежащимъ министромъ военному министру съ обозначеніемъ именъ, отечествъ, фамилій и проступковъ каждаго лица, дабы военное начальство могло установить должное наблюденіе за поведеніемъ таковыхъ молодыхъ людей въ арміи». Прочіе пункты были сохранены въ прежней ихъ редакціи (см. выше). По прочтеніи журнала совѣщанія по сему предмету и приложеннаго къ нему особаго мнѣнія

генералъ-адъютантовъ Ванновскаго и Шестакова, Его Императорское Величество 30-го января 1884 г. Высочайше повелѣть соизволилъ разсмотрѣть это дѣло въ комитетѣ гг. министровъ съ приглашеніемъ въ это засѣданіе Великихъ Князей Владиміра Александровича, Алексѣя Александровича и Николая Николаевича Старшаго. Засѣданіе по сему дѣлу состоялось въ февралѣ 1884 г. 14 особъ (Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Владиміръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Николай Николаевичъ Старшій и Михаилъ Николаевичъ, генералъ-адъютантъ графъ Барановъ, статсъ-секретари: баронъ Николаи, Сольскій и Гротъ, дѣйств. тайн. совѣт. Стояновскій, ген.-ад. Ванновскій, дѣйст. тайн. совѣт. Фришъ, ген.-ад. Шестаковъ и тайные совѣтники Бунге и Вланганли) высказались противъ предложенной большинствомъ совѣщанія мѣры, а предсѣдатель комитета гг. министровъ графъ М. Хр. Рейтеръ и 5 членовъ (дѣйст. тайн. совѣт. графъ Толстой, статсъ-секретари Деляновъ и Набоковъ, ген.-ад. Посьетъ и статсъ-секретарь Островскій) за оную.

Доводы противъ принудительнаго отбыванія воинской повинности уволенными за безпорядки изъ учебныхъ заведеній.

Противъ отбыванія воинской повинности увольняемыми за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній лицами съ лишеніемъ ихъ при семъ всѣхъ льготъ, въ томъ числѣ и выниманія жеребья, приводятся вообще нижеслѣдующіе доводы: 1. Въ дѣйствующемъ уставѣ о воинской повинности, въ отличіе его отъ прежняго рекрутскаго устава, съ строгою послѣдовательностью проводится то начало, что отбываніе воинской повинности въ рядахъ арміи есть не только повинность, но и нравственный долгъ, «священная обязанность» каждаго русскаго подданнаго и отнюдь не можетъ быть наказаніемъ. Посему лица, опороченныя по суду, какъ лишенныя всѣхъ правъ состоянія, такъ и лишенныя всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ лично и по состоянію присвоенныхъ, вовсе не допускаются къ жребію

и на военную службу. Ст. 158, 217 и 218 уст. о воинской повинности, опредѣляющія для лицъ, уклоняющихся отъ воинской повинности, принудительное поступленіе въ армію безъ вниманія жеребья, не состоятъ въ противорѣчіи съ вышеозначеннымъ: за уклоненіе отъ воинской повинности виновные подвергаются особымъ наказаніямъ, установленнымъ общимъ положеніемъ о наказаніяхъ, а затѣмъ зачисленіе ихъ въ ряды арміи безъ вниманія жеребья есть естественное послѣдствіе ихъ попытки уклониться отъ призыва или поступленія въ ряды арміи и тѣмъ нарушить справедливость въ отношеніи къ согражданамъ и къ равномѣрному распредѣленію между ними экономическаго бремени, сопряженнаго съ отбываніемъ воинской повинности. Между тѣмъ, принудительное обращеніе въ войска извѣстнаго разряда лицъ, виновныхъ въ производствѣ скопомъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не можетъ быть разсматриваемо иначе, какъ мѣра карательная или исправительная, а признаніе, что военная служба можетъ служить для кого бы то ни было наказаніемъ или средствомъ исправленія, было бы оскорбленіемъ для каждаго военнаго, привыкшаго считать военную службу высшей честью. Когда тягость воинской повинности лежала исключительно на низшихъ сословіяхъ, нравственное начало не играло въ арміи той роли, какъ нынѣ; нынѣ же невозможно поддерживать дисциплину одной грубою силою безъ одухотворяющаго ее начала чести. Обращеніемъ военной службы въ мѣру карательную или исправительную былъ бы поколебленъ основной принципъ столь важнаго для всего государства учрежденія, какъ его армія.—2. Принудительное обращеніе на военную службу молодыхъ людей, исключенныхъ за участіе въ безпорядкахъ по легкомыслію и горячности, было бы мѣрою несправедливою, ибо, будучи соединено со лишеніемъ льготъ по семейному положенію и образованію, права метанія жребья и увольненія отъ службы по физическимъ недостаткамъ, оно не можетъ быть признано тяжкимъ уголовнымъ наказаніемъ, которое слѣдовало бы налагать только въ судебномъ порядкѣ, ограждающемъ соразмѣрность наказанія со степенью вины. Въ данномъ

случаѣ несоразмѣрность наказанія съ виною тѣмъ болѣе очевидна, что за свою вину участники въ безпорядкахъ уже потерпѣли наказаніе—въ видѣ удаленія изъ учебнаго заведенія, въ которомъ они находились. При томъ же наказаніе это падаетъ не только на самихъ виновныхъ, но и на ихъ семьи: многія изъ нихъ лишатся такимъ образомъ, быть можетъ, единственнаго своего кормильца.—3. Вина участниковъ въ безпорядкахъ различна, и потому они удаляются изъ учебнаго заведенія по нынѣ дѣйствующимъ правиламъ на различные сроки: на годъ, на два на три. Предлагаемою же мѣрою всѣ безъ различія вины сдаются въ военную службу на шесть лѣтъ, и уже отъ усмотрѣнія военнаго начальства, отъ личныхъ, а потому болѣе или менѣе случайныхъ и произвольныхъ его воззрѣній будетъ зависѣть сокращеніе этого срока.—4. Самая сила этого особаго наказанія, не установленнаго уголовными законами и налагаемаго не судомъ, а учебнымъ начальствомъ, въ одинаковой степени за весьма различные проступки, при томъ не указанные въ уложеніи о наказаніяхъ, и состоящаго въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми условіями и гарантіями истиннаго правосудія,— самая сила этого наказанія была бы также неодинакова: лица, физически неспособныя къ военной службѣ, вовсе не могутъ быть приняты въ нее, хотя бы были признаны наиболѣе виновными, а число такихъ лицъ въ призывномъ возрастѣ доходитъ до $^1/_6$; лица, вынимавшія же жребій и подлежащія по доставшимся имъ нумерамъ поступленію въ войска на общемъ основаніи, въ сущности будутъ наказаны лишь удлиненіемъ срока ихъ службы; напротивъ тѣ, которыя по доставшимся имъ нумерамъ уже прямо зачислены въ ополченіе и считаются уже отбывшими воинскую повинность, будутъ за ту же или меньшую вину особенно тяжко наказаны и, наконецъ, лица, еще не достигшія призывнаго возраста и по своему недостаточному физическому развитію неспособныя нести тягостей солдатской службы, будутъ и сами въ наиболѣе тягостномъ положеніи, не безопасномъ для ихъ здоровья и жизни, и будутъ также бременемъ для той части, въ которую поступятъ

А, между тѣмъ, такія-то лица, находящіяся на младшихъ курсахъ учебнаго заведенія, чаще всего могутъ по легкомыслію и слабости характера попасть въ категорію исключенныхъ за безпорядки.—5. Мѣра эта, состоящая въ такомъ вопіющемъ противорѣчіи со всѣми требованіями справедливости и правосудія, не можетъ не возбудить въ подвергнутой ей молодежи сильнѣйшаго озлобленія противъ правительства, и наиболѣе виновнымъ и зараженнымъ анархическимъ духомъ предоставить обширное поприще самымъ разлагающимъ образомъ дѣйствовать на новую свою среду, участвовавшихъ въ безпорядкахъ исключительно по легкомыслію и горячности ожесточить и сдѣлаетъ доступными всякому тлетворному вліянію и мышленью для успѣнія анархической партіи, которая не замедлитъ пріобрѣсти въ нихъ весьма дѣятельныхъ и чрезвычайно полезныхъ для себя агентовъ. Нынѣшняя армія далеко не та, чѣмъ была она при императорѣ Николаѣ I; въ то время, при 25-лѣтнемъ срокѣ военной службы, молодой человѣкъ, отданный въ солдаты, попадалъ въ среду людей не молодыхъ, закаленныхъ въ военной обстановкѣ и тогдашней суровой дисциплинѣ и глубоко съ нею сроднившихся, на которыхъ онъ никакого вліянія имѣть не могъ. Теперь же отданный въ солдаты юноша очутится въ средѣ своихъ однолѣтковъ, которые никакой силы убѣжденій или привычекъ не могутъ ему противопоставить, а времени и способовъ дѣйствій на нихъ у такого образованнаго и развитого юноши будетъ весьма много: ежедневныя, подъ ближайшимъ надзоромъ офицеровъ, упражненія и занятія ни въ какомъ случаѣ не превышаютъ 6 часовъ въ сутки, остальное время эти молодые люди будутъ проводить въ сообществѣ нижнихъ чиновъ при весьма недостаточномъ надзорѣ унтеръ-офицеровъ; особое за ними наблюденіе еще возможно въ тѣхъ частяхъ, которыя расположены казарменнымъ способомъ; во множествѣ же частей, расположенныхъ на такъ называемыхъ широкихъ квартирахъ, наблюденіе это было бы совершенно номинальнымъ: въ частяхъ этихъ присмотръ офицеровъ за нижними чинами ограничивается только ученьями, про-

изводимыми повременно съ болѣе или менѣе значительными промежутками времени. Безъ того уже армія несетъ тяжкую обязанность по отношенію къ пріему въ среду свою лицъ, не осужденныхъ по суду, но высланныхъ административнымъ порядкомъ за участіе въ революціонной пропагандѣ. Опасность отъ этихъ лицъ ослабляется зачисленіемъ ихъ въ части войскъ отдаленныхъ округовъ и ближайшимъ за нимъ наблюденіемъ военныхъ чиновъ офицерскаго званія. Но безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ возобновляются почти ежегодно: исключаемая за нихъ массами молодежь, озлобленная противъ правительства и открытая пропагандѣ, въ нѣсколько лѣтъ проникнетъ во всѣ части арміи, къ явной для нея опасности. Весьма прискорбные, хотя по счастью весьма рѣдкіе, факты показываютъ, что и солдатская среда можетъ быть доступная революціонной пропагандѣ. Наполнять ее лицами во всякомъ случаѣ весьма сомнительной благонадежности значило бы прямо дѣйствовать въ интересахъ революціонной пропаганды. Возможное устраненіе отъ арміи означенной опасности тѣмъ больше имѣетъ значенія для всего строя государственнаго, что армія призвана преслѣдовать высшія въ государствѣ цѣли—защиту престола и отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ и конечно, не менѣе если не болѣе другихъ учрежденій, содѣйствуетъ сохраненію въ странѣ порядка.—
6. Полагать, что съ установленіемъ разсматриваемой мѣры прекратятся безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или сдѣлаются крайне рѣдкими, едва ли есть достаточное основаніе, ибо болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы мѣра эта была примѣняема съ надлежащею строгостью и послѣдовательностью учебными начальствами столь многихъ и различныхъ вѣдомствъ,—начальствами, личный составъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ университетахъ, по самому закону можетъ быть совершенно измѣняемъ чрезъ каждые четыре года. Духъ дисциплины и порядка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не исчезъ бы въ такой мѣрѣ, если бы ихъ преподаватели были настоящими наставниками учащагося у нихъ юношества и если бы избираемыя или назначаемыя изъ нихъ или ими начальства пользовались

надлежащимъ образомъ принадлежащею имъ дисциплинарною властью, хотя бы заключеніемъ ослушниковъ въ карцеръ. Но, если учебныя начальства не рѣшаются пользоваться такимъ сравнительно мягкимъ наказаніемъ, какъ карцеръ, то молодежь всегда въ правѣ будетъ разсчитывать, что эти учебныя начальства еще менѣе рѣшатся исключить изъ учебнаго заведенія участниковъ въ безпорядкахъ и тѣмъ лишить ихъ всякихъ льготъ по воинской повинности и сдавать ихъ на шесть лѣтъ въ солдаты. Въ разсчетѣ на такую слабость своего начальства студенты по-прежнему будутъ устраивать безпорядки, и армія, правда, не будетъ принимать въ свой составъ нежелательныхъ для нея элементовъ, но принципъ чести, на которомъ она зиждется, все-таки будетъ нарушенъ: будетъ признано, что служба въ рядахъ арміи можетъ быть карою и мѣрою для исправленія лицъ виновныхъ. Но болѣе всего слѣдуетъ опасаться въ данномъ случаѣ крайней непослѣдовательности учебнаго начальства, которое дозволитъ молодежи разсчитывать на возможность безнаказаннаго участія въ безпорядкахъ или даже въ устройствѣ ихъ, а между тѣмъ эта непослѣдовательность иной разъ и въ иномъ учебномъ заведеніи проявится неожиданно исключеніемъ и обращеніемъ въ ряды арміи чрезвычайно большого числа участниковъ въ безпорядкахъ. При послѣдовательномъ и разумномъ воспитательномъ воздѣйствіи на молодыхъ людей ихъ наставниковъ и при такомъ же охраненіи въ ихъ средѣ духа дисциплины и порядка ихъ начальниками едва ли бы оказалась надобность въ столь экстраординарной мѣрѣ, какъ принудительное привлеченіе виновныхъ въ безпорядкахъ къ выполненію воинской повинности; безъ разумной же строгости и послѣдовательности и эта экстраординарная мѣра окажется недѣйствительной и можно даже опасаться, что въ разсчетѣ на нее учебныя начальства еще уменьшатъ свою заботу о развитіи и поддержаніи въ учащейся молодежи духа порядка и дисциплины. Во всякомъ случаѣ предлагаемая мѣра не представляется единственно возможною въ видахъ предупрежденія дальнѣйшихъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, прежде

всего учебныя заведенія, начиная съ низшихъ своихъ классовъ и кончая высшими курсами, должны настолько воспитывать ввѣряемыхъ имъ дѣтей, юношей и молодыхъ людей, чтобы они не имѣли надобности въ довоспитаніи ихъ въ дисциплинарномъ отношеніи въ рядахъ арміи, проходя въ ней принудительно солдатскую службу въ продолженіи шести лѣтъ. Нигдѣ въ мірѣ учебныя вѣдомства не слагаютъ съ себя и не возлагаютъ на армію таковой воспитательной задачи, а сами выполняютъ ее и ограждаютъ свои учебныя заведенія отъ производства въ нихъ безпорядковъ скопомъ. И у насъ военно-учебное вѣдомство вполнѣ справилось съ этой задачей, и тогда какъ недавно еще Медико-Хирургическая Академія была очагомъ безпрерывныхъ почти студенческихъ безпорядковъ, въ настоящее время замѣнившая ее Военно-Медицинская Академія оказывается почти вовсе къ нимъ непричастною, и наружный видъ ея студентовъ, вообще довольно строгое соблюденіе ими формы, свидѣтельствуетъ несомнѣнно о возстановленіи въ ихъ средѣ духа порядка и дисциплины. Вообще въ случаѣ надлежащей разработки вопроса о мѣрахъ къ предупрежденію дальнѣйшихъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ несомнѣнно оказались бы другія менѣе рискованными, чѣмъ предлагаемая нынѣ, мѣры, способныя привести дисциплинарныхъ командъ изъ увольняемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, объ учрежденіи для нихъ особыхъ мѣстъ заключенія и разобщеніи со всѣмъ міромъ, кромѣ немногихъ лицъ, призванныхъ вліять на нихъ воспитательно и руководить ихъ научными занятіями, насколько то возможно,— словомъ, объ учрежденіи для нихъ такого же исправительнаго заведенія, какъ Maison Paternelle въ Меттрэ близъ Тура, гдѣ съ этой цѣлью устроено 50 отдѣльныхъ келій (cellules) и, наконецъ, какъ обязательство для всѣхъ поступающихъ въ высшее учебное заведеніе, отбыть по окончаніи курса воинскую повинность вольноопредѣляющимися, при чемъ исключаемые за безпорядки естественно тотчасъ же привлекались бы въ ряды арміи, быть можетъ, съ лишеніемъ присвоенныхъ этому званію льготъ и на

сроки, соотвѣтствующіе времени, на которое они подверглись увольненію изъ учебнаго заведенія (т.-е., отъ одного до трехъ лѣтъ).—Наконецъ, 7, разсматриваемая здѣсь мѣра, нарушая основаніе устава о воинской повинности, представляя опасность для арміи, не отрезвляя, а лишь ожесточая и озлобляя учащуюся молодежь противъ правительства, не предупреждая и самихъ студенческихъ безпорядковъ безъ устраненія тѣхъ причинъ, которыя ихъ порождаютъ и которыя коренятся въ нынѣшнихъ учебно-воспитательныхъ нашихъ порядкахъ, вызывая сильное неудовольствіе въ семействахъ осужденныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не встрѣтитъ никакого сочувствія и въ самой массѣ общества, которая въ подобной мѣрѣ усмотритъ только ея суровость, не вознаграждаемую никакими добрыми послѣдствіями, ни даже необходимыми условіями всякой кары—безпристрастною справедливостью.

Доводы въ пользу принудительнаго отбыванія воинской повинности уволенными за безпорядки изъ учебныхъ заведеній.

Въ пользу разсматриваемой здѣсь мѣры приводятся обыкновенно нижеслѣдующіе доводы и соображенія: 1. Воинская повинность, будучи всеобщею, по самому существу своему, равномѣрно для всѣхъ обязательна, и какъ бы ни было во всѣхъ отношеніяхъ тягостно ея отбываніе и съ какимъ бы экономическимъ ущербомъ для самихъ отбывающихъ ее и для ихъ семействъ ни было сопряжено оно, тѣмъ не менѣе отбываніе воинской повинности никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни для кого наказаніемъ: изъ всѣхъ повинностей, лежащихъ на подданныхъ государства, это несомнѣнно самая тягостная, но вмѣстѣ съ тѣмъ также несомнѣнно, что это не есть наказаніе, а есть высокая честь, есть нравственный долгъ и болѣе того есть

священная обязанность всякаго вѣрноподданнаго. Поэтому и для исключенныхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній поступленіе въ ряды нашей доблестной арміи не было бы наказаніемъ, а было бы, какъ и для всѣхъ прочихъ гражданъ, великою честью, и вопросъ могъ бы быть скорѣе лишь о томъ, заслуживаютъ ли они этой чести. Наказаніемъ при этомъ было бы не привлеченіе ихъ къ военной службѣ, а только лишеніе всѣхъ льготъ, которыя у насъ оказалось возможнымъ въ большомъ числѣ и разнообразіи предоставить всѣмъ подданнымъ при установленіи всеобщей воинской повинности. Первая и главнѣйшая изъ этихъ льготъ заключается въ томъ, что далеко не всѣ несутъ дѣйствительную военную службу для защиты Престола и отечества, а что для пополненія рядовъ нашей арміи и флота оказывается достаточнымъ одной четверти всего мужскаго населенія, достигшаго 20-лѣтняго возраста, а $^3/_4$ его увольняется отъ поступленія подъ знамена и зачисляется въ ополченіе. Поступленіе въ ряды арміи или увольненіе опредѣляется жеребьемъ, отсюда участіе въ вынимании жеребья является первою льготою, и этой льготы естественно лишаются уличенные въ умышленномъ уклоненіи отъ воинской повинности. Затѣмъ являются льготы по семейному положенію и по образованію — послѣднія, заключающіеся въ отсрочкѣ поступленія въ ряды арміи до времени окончанія полнаго образованія, въ сокращеніи срока дѣйствительной службы и въ возможности отбыть воинскую повинность на болѣе льготномъ положеніи вольноопредѣляющихся. Вотъ этихъ-то всѣхъ льготъ предполагается лишать исключаемыхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Лишеніе всѣхъ этихъ льготъ есть несомнѣнно тяжкая кара, которая благодаря своей тяжести имѣетъ дѣйствительно устрашающій характеръ, а потому и признается способною положить конецъ всѣмъ студенческимъ безпорядкамъ, то-есть, оказать существенно важную услугу государству, обществу и самимъ молодымъ людямъ, ищущимъ высшаго образованія, и нынѣ, по несчастью, усиленно и всѣми способами сбиваемымъ съ толку. Но сама военная служба отнюдь не потеряетъ сво-

его въ высшей степени почетнаго характера отъ того, что нѣкоторымъ лицамъ пришлось бы проходить ее безъ тѣхъ льготъ, которыхъ они лишились бы по собственной своей винѣ и неразумію, какъ не теряетъ она этого почетнаго характера отъ того, что къ ней нынѣ принудительно привлекаются даже тѣ, которые старались отъ нея уклониться, хотя бы даже и посредствомъ членовредительства. Этотъ почетный характеръ, присущъ военной службѣ благодаря тѣмъ высокимъ цѣлямъ, ради которыхъ она установлена: но было бы большимъ заблужденіемъ полагать, что воинская повинность выполняется огромнымъ большинствомъ подлежащаго ей населенія только ради соединенной съ нею чести, или по сознанію тѣхъ высокихъ цѣлей, для которыхъ она установлена, и даже вообще охотно, по доброй волѣ и безъ всякаго принужденія. Въ основѣ всякой повинности лежитъ принужденіе, безъ чего повинность и не была бы повинностью, и если принудительное привлеченіе къ отбыванію воинской повинности даже лицъ, которыя старались съ помощью членовредительства уклониться отъ нея, не наноситъ ни малѣйшаго ущерба почетному характеру военной службы, то тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о подобномъ ущербѣ отъ принудительнаго привлеченія къ военной службѣ молодыхъ людей, виновныхъ въ большинствѣ случаевъ только въ горячности, въ необдуманности, въ ложномъ пониманіи товарищескаго долга и въ недостаточной дисциплинировкѣ. Принудительное привлеченіе такихъ лицъ въ ряды арміи нисколько не поколеблетъ основного принципа столь важнаго для всего государства учрежденія,— какъ армія, и не можетъ причинить ни малѣйшаго ущерба ея чести: это не воры, не мошенники, не порочные и безчестные люди, не опозоренные по суду, не заговорщики; это горячія не обдуманныя увлекающіяся головы.—2. Тѣмъ не менѣе это люди, причиняющіе своею горячностью и необдуманностью огромный вредъ всей странѣ: себѣ самимъ, своимъ семьямъ, своимъ товарищамъ, своему учебному заведенію, правильному ходу ученія, авторитету власти, а потомъ, будучи выброшены изъ учебнаго заведенія и ставъ сначала мишенью для усилій крамольниковъ, а потомъ и

ихъ пособниками, являются уже настоящими врагами всего общественнаго и государственнаго строя. Не даромъ крамольная партія съ особенною настойчивостью стремится къ возбужденію съ помощью этихъ горячихъ головъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Безпорядки эти служатъ ей самымъ удобнымъ и сподручнымъ средствомъ къ пополненію ея рядовъ, къ распространенію, при помощи исключенныхъ и никуда не пристроившихся юношей, заразы крамольныхъ ученій, къ захвату учащагося юношества въ свои руки и къ удостовѣренію всѣхъ и каждаго въ безсиліи правительства въ борьбѣ съ анархіей. Зло это громадное и для всѣхъ близко знакомыхъ съ развитіемъ въ нашемъ отечествѣ крамолы несомнѣнное и очевидное: оградить отъ него всѣми мѣрами и способами государство и подростающія поколѣнія есть священный долгъ правительства. Наиболѣе дѣйствительною мѣрою къ сему представляется лишеніе участниковъ въ безпорядкахъ всѣхъ льготъ по воинской повинности. Кара эта, безъ сомнѣнія, очень тяжкая, далеко превышающая мѣры умышленной и сознательной виновности этихъ молодыхъ людей, но вполнѣ соотвѣтствующая размѣрамъ того зла и вреда, кототорые, они большей частью безсознательно и неумышленно, какъ слѣпыя орудія крамолы, причиняютъ странѣ, и потому не можетъ не быть признана вполнѣ справедливою и вполнѣ заслуженною. Совершенно справедливо, что она падаетъ и на ихъ семьи, какъ и вообще всякое болѣе или менѣе тяжкое наказаніе, постигающее кого-либо изъ членовъ семьи; но семьи въ этомъ случаѣ должны сѣтовать на этихъ своихъ членовъ, а быть можетъ, отчасти, на самихъ себя, за то, что не успѣли или не хотѣли надлежащимъ образомъ воспитывать, вести и дисциплинировать младшихъ своихъ членовъ и допустили ихъ стать слѣпыми орудіями крамолы.—Двойственность кары—удаленіе изъ учебнаго заведенія и лишеніе всѣхъ льготъ по воинской повинности—не можетъ говорить противъ ея справедливости, ибо подобная же двойственность наказанія встрѣчается и въ самомъ уставѣ о воинской повинности (ст. 217 и 218) и во многихъ другихъ отдѣлахъ

нашего законодательства—наложеніе же въ данномъ случаѣ наказанія не судебнымъ, а административнымъ порядкомъ вполнѣ оправдывается характеромъ самой вины и положеніемъ виновныхъ, какъ воспитанниковъ учебнаго заведенія: невозможно предавать формальному судоговоренію тѣ частныя бытовыя стороны жизни учебнаго заведенія, справедливая оцѣнка которыхъ доступна лишь лицамъ, которыя сами вращаются въ этой средѣ.—3. Одинаковость наказанія при возможномъ различіи вины участниковъ въ безпорядкахъ не составляетъ сущности предлагаемой мѣры: наказаніе это весьма легко можетъ быть приведено въ соотвѣтствіе съ мѣрою вины, напримѣръ, предоставленіемъ однимъ отбыть воинскую повинность на положеніи вольноопредѣляющихся 1-го или 2-го разряда, другимъ на положеніи жеребьевыхъ 1-го, 2-го или 3-го разрядовъ, не говоря уже о томъ, что срокъ службы можетъ быть соразмѣренъ съ поведеніемъ и усердіемъ къ службѣ этихъ служащихъ.—4. Совершенно справедливо, что уголовное наше законодательство не знаетъ ни такого преступленія, какъ студенческіе безпорядки скопомъ, ни такого наказанію, какъ лишеніе всѣхъ или нѣкоторыхъ льготъ по отбыванію воинской повинности и не должно ихъ вовсе знать и на будущее время, ибо только вслѣдствіе случайныхъ, временныхъ, можно надѣяться—имѣющихъ скоро прекратиться обстоятельствъ и условій недавняго прошлаго, породившихъ въ странѣ нашей гнусную крамолу, такіе въ сущности школьническіе проступки, какъ студенческіе безпорядки, могли по своимъ послѣдствіямъ принять размѣры важнаго и крайне пагубнаго преступленія и потребовать такой чрезвычайной мѣры, какъ предлагаемая нынѣ во всякомъ случаѣ на короткое время, сначала въ видѣ опыта, хотя бы только на три года. Подобная мѣра можетъ и должна быть принята только въ административномъ порядкѣ, а не въ законодательномъ, и не должна входить въ составъ постояннаго законодательства. Что сила этого наказанія не для всѣхъ одинакова, а для однихъ окажется болѣе, для другихъ менѣе тяжкою, это примѣнимо и ко всякому другому наказанію: каждое изъ нихъ различно

поражаетъ подвергающихся ему лицъ, смотря по индивидуальнымъ свойствамъ и особенностямъ каждаго лица и его положенія въ данное время. Что же касается до физически неспособныхъ къ строевой службѣ или недостаточно для нея развившихся, то они могутъ проходить свою службу въ нестроевыхъ должностяхъ и командахъ (фельдшеровъ, буде медики, писарей и т. д.).—5. Карательныя мѣры, принимаемыя внезапно, по личному усмотрѣнію и произволу, въ данныхъ лишь случаяхъ, безъ всякаго предваренія о возможности ихъ наложенія, конечно, могутъ ожесточить и озлобить противъ правительства тѣхъ, на кого онѣ падаютъ. Но въ данномъ случаѣ предполагается, что учащіеся будутъ неоднократно предупреждаемы, что за участіе въ безпорядкахъ скопомъ виновные будутъ не только удаляемы изъ учебнаго заведенія, но и лишаемы всѣхъ вообще льготъ по воинской повинности, и если подобная кара дѣйствительно ихъ постигнетъ, они будутъ должны пенять только на самихъ себя и сѣтовать на своихъ подстрекателей, а вовсе не на правительство, предостерегавшее ихъ отъ участія въ безпорядкахъ и указывавшее на тѣ послѣдствія, которыя оно должно повлечь за собою. Впрочемъ пришлось бы отмѣнить всѣ наказанія за проступки и преступленія, если бы правительству слѣдовало руководствоваться опасеніемъ, что наказанія эти могутъ озлобить и ожесточить противъ него наказываемыхъ. Хочешь не подвергаться наказанію, не совершай проступка или преступленія, за которое оно налагается. Впрочемъ, огромное большинство учащихся вовсе не въ пользу безпорядковъ и будетъ только благодарно правительству, что наконецъ-то оно рѣшилось на мѣру, способную воздержать подстрекателей, отрезвить и образумить горячія головы, слишкомъ легко имъ поддающіяся, и придать силу внушеніямъ болѣе разумнаго и спокойнаго большинства. Какъ уже сказано выше, увольняемые изъ учебныхъ заведеній за безпорядки въ огромномъ большинствѣ въ самый моментъ своего увольненія не могутъ считаться людьми, зараженными крамолою или ея гнусными и тлетворными ученіями, или же принадлежащими къ тайнымъ револю-

ціонным сообществамъ: если бы въ средѣ ихъ оказалис
таковые, то, по предложеніямъ большинства совѣщанія ми
нистровъ, они не подлежали бы разсматриваемой здѣс
мѣрѣ. Слѣдовательно, въ армію поступали бы лица, вин
коихъ заключается въ легкомысліи, въ неразуміи, въ не
пониманіи своего долга, своей пользы и своего положенія
какъ учащихся, въ способности увлекаться дурными вну
шеніями, весьма часто въ превратномъ пониманіи своег
товарищескаго долга, въ горячности, наконецъ, просто в
желаніи пошумѣть, побуянить и конечно, въ недостаточ
номъ развитіи чувства законности и духа дисциплины
Могутъ быть между ними, конечно, и люди съ шаткимъ
не установившимся и даже превратнымъ образомъ мыслей
въ религіозномъ, политическомъ и соціальномъ отношеніи
какихъ не мало поступаетъ и всегда поступало въ армію
ежегодно изъ всевозможныхъ учебныхъ заведеній, не исклю
чая даже военноучебныхъ, притомъ даже офицерами
Хотя въ настоящее время армія наша по составу ниж
нихъ чиновъ своихъ далеко не та, какою была она пр
Императорѣ Николаѣ I, тѣмъ не менѣе и при сокращен
ныхъ слишкомъ вчетверо срокахъ службы и при несрав
ненно менѣе суровомъ обращеніи съ нижними чинами
армія наша, благодаря Бога, и въ настоящее время пред
ставляетъ собою среду вполнѣ здоровую въ религіозно
нравственномъ и соціально-политическомъ отношеніи, про
никнутую духомъ беззавѣтной преданности Престолу
отечеству и вполнѣ дисциплинированную. Попадающіе
имѣющіе и впредь попадать въ эту среду молодые люд
съ шаткимъ и даже превратнымъ образомъ мыслей н
только не въ состояніи сами воздѣйствовать на нее в
дурномъ смыслѣ, но обыкновенно, напротивъ, подпадают
доброму ея вліянію, вліянію всего строя военной жизни
службы, вліянію непреклонно-твердой дисциплины, и сам
весьма скоро вполнѣ отрезвляются. То же, несомнѣнно, был
бы и съ молодыми людьми, уволенными за безпорядки из
учебныхъ заведеній, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ и был
съ превратнымъ образомъ мыслей.

Чтобы, поступивъ въ ряды арміи, они могли стать ми

шенью для вліяній крамольниковъ, это представляется совершенно невѣроятнымъ. Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что армія, служа самою надежною основою и охраною для всего государственнаго и общественнаго порядка, сама самымъ бережнымъ образомъ охраняется отъ посягательствъ на нее крамольниковъ и можетъ быть легко охраняема, благодаря всему своему строю и господствующему въ ней духу дисциплины. Нѣтъ сомнѣнія, что не менѣе были бы охраняемы отъ козней крамольниковъ и эти нижніе чины, о которыхъ здѣсь рѣчь, и даже еще болѣе, ибо на нихъ, какъ на бывшихъ участниковъ въ безпорядкахъ, смотрѣли бы болѣе подозрительно и дѣйствительно должны были бы имѣть за ними особенно тщательное наблюденіе, такъ чтобы ни на нихъ не могла дѣйствовать крамола, ни они сами не могли бы дѣйствовать на своихъ сослуживцевъ какимъ-либо нравственно-растлѣвающимъ образомъ. Поэтому и слѣдовало бы распредѣлять ихъ въ тѣхъ частяхъ войскъ, которыя пользутся казарменнымъ размѣщеніемъ.

Ни подобное распредѣленіе ихъ, ни особое наблюденіе за ними не представляли бы большихъ затрудненій, ибо самое число этихъ лицъ весьма незначительно. Если бы предположить даже нѣчто совсѣмъ невозможное, а именно, что разсматриваемая здѣсь мѣра нисколько не уменьшила бы безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то и тогда оказалось бы, что подлежали бы ей ежегодно изъ обучающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія 69 человѣкъ (такъ было въ среднемъ выводѣ за 18 лѣтъ, съ 1864 по 1882 г.), изъ другихъ же учебныхъ заведеній по большей мѣрѣ человѣкъ 11, всего, значитъ, въ годъ около 80, а черезъ 6 лѣтъ, предполагая для всѣхъ ихъ 6-лѣтній срокъ службы, численность этихъ нижнихъ чиновъ во всей нашей арміи дошла бы всего до 480 человѣкъ. Въ виду такого ничтожнаго числа этихъ лицъ сравнительно съ численностью нашей арміи едва ли можно опасаться, что черезъ нѣсколько лѣтъ эти лица проникли бы во всѣ части ея (разумѣя подъ частями роты и эскадроны), что ни сами они, при го-

сподствующихъ въ нашей арміи порядкахъ и дисциплинѣ, не могли бы быть достаточно ограждены отъ происковъ и вліянія крамольниковъ ни тѣ части, въ которыя они поступили бы отъ предполагаемаго худого вліянія этихъ 480 молодыхъ людей. Чтобъ эти 480 молодыхъ людей (примѣрно по 1 на каждую изъ избранныхъ для сего 480 ротъ или эскадроновъ), большею частью совершенно неиспорченныхъ и безвредныхъ могли испортить собою и своимъ вліяніемъ нашу армію, это представляется совершенно невозможнымъ. Если бы съ обсуждаемою здѣсь мѣрою была связана хотя бы малѣйшая тѣнь подобной опасности, то, конечно, ее отнюдь не рѣшились бы предложить тѣ лица, которыя нынѣ ее предлагаютъ, и которыя вполнѣ проникнуты сознаніемъ всего величія такого по истинѣ національнаго учрежденія, какъ армія,—учрежденія, которое представляетъ собою самый надежный оплотъ противъ всѣхъ враговъ Престола и Отечества, враговъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ; но именно благодаря этому своему великому національному и историческому значенію и призванію, армія, казалось бы, должна оказать Престолу и Отечеству и эту немаловажную услугу въ борьбѣ съ внутреннею крамолою, спасая отборную, но сбиваемую съ толку молодежь отъ собственныхъ ея увлеченій и отъ сѣтей, разставляемыхъ ей крамолою. Оказывая подобную услугу обществу и государству, армія не только не вредитъ себѣ и не подвергнетъ себя опасности какой-либо нравственно-политической порчи, а, напротивъ, вмѣстѣ со всею страною обезпечитъ и себя отъ нея въ будущемъ, ибо лишитъ крамолу возможности самымъ легкимъ и удобнымъ образомъ вербовать своихъ адептовъ и агентовъ среди выбрасываемыхъ за безпорядки изъ учебныхъ заведеній молодыхъ людей, предоставляемыхъ въ жертву праздности и сопутствующимъ ей всякаго рода дурнымъ вліяніямъ. Армія есть только часть всего населенія; все, что вредно отражается на населеніи вообще, то неблагопріятно дѣйствуетъ и на армію, пополняющую свои ряды изъ населенія. Поэтому всякая мѣра, направленная къ искорененію распространяющейся среди населенія пропаганды

крамолы, тѣмъ самымъ предупреждаетъ распространеніе этого зла и въ самой арміи. Поэтому и армія не должна оставаться безучастною въ принятіи мѣръ къ уничтоженію крамолы.

Что она служила бы оздоровляющею средой для извѣстной части нашей учащейся молодежи, нынѣ усиленно сбиваемой съ толку, это послужило бы только къ вящей чести и славѣ арміи. Впрочемъ, вездѣ вполнѣ благоустроенная и доблестная армія признается школою высшей дисциплины для всего населенія страны, и этой великой ея задачѣ нисколько не противорѣчило бы привлеченіе въ ея ряды ищущихъ высшаго образованія молодыхъ людей, но тѣмъ не менѣе еще нуждающихся въ довоспитаніи своемъ въ дисциплинарномъ отношеніи, и, конечно, это нисколько не могло бы причинить ущерба чести арміи, и что довоспитаніе было бы блистательно совершено, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Нельзя, конечно, отрицать, что и самая лучшая, самая разумная и дѣйствительная мѣра окажется недѣйствительною и безполезною, если ея не будутъ вовсе примѣнять или если ею будутъ пользоваться непослѣдовательно и потому крайне неразумно. Но это уже дѣло тѣхъ вѣдомствъ, въ коихъ состоятъ высшія учебныя заведенія, не допускать ни бездѣйствія въ этомъ отношеніи ближайшаго учебнаго начальства, ни такихъ его дѣйствій, которыя своимъ неразумѣемъ и непослѣдовательностью являли бы отъ времени до времени только безцѣльную суровость законодателя, не обращая разсматриваемой здѣсь мѣры къ дѣйствительному устраненію студенческихъ безпорядковъ и къ возстановленію въ учащейся молодежи духа порядка и дисциплины. Студенческіе безпорядки не такое зло, которое легко было бы сокрыть какъ отъ своего высшаго начальства, такъ и отъ постороннихъ гражданскихъ и военныхъ властей и отъ всего мѣстнаго общества, а потому едва ли и возможно ожидать какого-либо попустительства въ этомъ отношеніи какъ отъ ближайшихъ учебныхъ властей, такъ и отъ стоящихъ подъ ними вѣдомствъ. Притомъ же, какъ только учебныя власти были бы надѣлены

такимъ могучимъ средствомъ къ водворенію духа дисциплины во ввѣренной имъ учащейся молодежи, то на нихъ, очевидно, должна быть возложена строгая и точно опредѣленная отвѣтственность за ихъ бездѣйствіе и безпечность въ этомъ отношеніи, и въ случаѣ надобности одновременно съ разсматриваемою здѣсь мѣрою должны быть установлены и особые способы наблюденія за дисциплинарнымъ состояніемъ каждаго высшаго учебнаго заведенія. Дѣло отнюдь не идетъ о томъ, чтобы снять съ наставниковъ, съ учебныхъ начальствъ и учебныхъ вѣдомствъ ту заботу о нравственно-дисциплинарномъ отношеніи высшихъ учебныхъ заведеній, которая должна лежать на нихъ, и возложить эту задачу на военное вѣдомство, на армію: совершенно напротивъ, дѣло можетъ и должно итти только о томъ, чтобы, вооруживъ учебныя власти такими неотразимыми способами дѣйствія на учащуюся молодежь, сдѣлать лежащую на нихъ нравственно-дисциплинарную задачу вполнѣ разрѣшимою, вмѣнить имъ въ обязанность подъ строжайшею отвѣтственностью непремѣнное и безотлагательное разрѣшеніе оной.

Дѣйствительно, дисциплина и порядокъ не упали бы въ такой мѣрѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ это оказывается нынѣ на дѣлѣ, если бы всѣ ихъ наставники и начальники отъ низшихъ и до высшихъ исполняли какъ слѣдуетъ свои обязанности и пользовались въ надлежащей мѣрѣ тѣми дисциплинарными полномочіями, которыя имъ и доселѣ были предоставлены. Но съ другой стороны, нельзя отрицать, что въ прошедшее царствованіе правительство какъ бы отступилось само отъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и предоставило ихъ и учащуюся въ нихъ молодежь въ безконтрольное почти завѣдываніе профессорскихъ коллегій и ими избираемыхъ должностныхъ лицъ, а самимъ этимъ коллегіямъ предоставило управляться и пополняться, какъ знаютъ и умѣютъ. Въ своемъ отчужденіи отъ власти, а нерѣдко и въ борьбѣ съ нею, болѣе всего опасаясь ея вмѣшательства въ свои дѣла и потому не ища въ ней опоры, а, по возможности, и скрывая отъ нея все, что происходитъ въ

учебномъ заведеніи, профессорскія коллегіи и избираемыя ими должностныя лица мало-по-малу и неминуемо должны были утратить всѣ тѣ дисциплинарныя полномочія, которыя по закону и по правиламъ были имъ предоставлены. Вся сила и мощь оказались въ рукахъ не начальниковъ и наставниковъ, не профессорскихъ коллегій, стоявшихъ надъ ними, а въ рукахъ учащейся молодежи, которая, дѣйствуя скопомъ и заговоромъ, устраивая сходки и всякаго рода демонстраціи, всегда вдвойнѣ могла напугать всѣ эти выборныя власти—какъ самими безпорядками и безчинствами, такъ чуть ли еще не болѣе необходимостью прибѣгнуть къ вмѣшательству посторонней учебному заведенію власти, какою въ университетахъ считалась даже и власть попечителя округа. Не только помощники инспектора или проректора, не только профессора, но и самъ инспекторъ или проректоръ и ректоръ всячески избѣгали поводовъ и случаевъ дѣлать какія бы то ни было замѣчанія, а тѣмъ паче выговоры студентамъ, чтобы не возбуждать «студенческихъ исторій». Могъ ли при этомъ сохраниться бывшій прежде грозою для студентовъ академическій карцеръ? Такимъ образомъ мало-по-малу всѣ основы порядка и дисциплины въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были подорваны, и нынѣ не представляется возможности возстановить ихъ иначе, какъ съ помощью такой экстраординарной мѣры, какъ принудительное привлеченіе виновныхъ въ студенческихъ безпорядкахъ къ отбыванію воинской повинности; ибо только возможность прибѣгнуть къ такой мѣрѣ даетъ твердую и надежную опору нынѣ столь расшатанной и поколебленной дисциплинарной власти учебныхъ начальствъ, малѣйшее проявленіе которой въ настоящее время способно вызвать сильнѣйшій отпоръ со стороны отдѣльныхъ студентовъ, а затѣмъ и со стороны болѣе или менѣе значительной ихъ массы.

Всякаго рода другія мѣры не представляются сами по себѣ дѣйствительными, ибо онѣ или непримѣнимы къ массамъ, или не заключаютъ въ себѣ никакихъ гарантій оздоровленія, отрезвленія и дисциплинированія молодыхъ людей, способныхъ черезчуръ разгорячаться и разбушевы-

ваться. Дѣйствительно, духъ неповиновенія начальству, наиболѣе проявляющійся въ студенческихъ безпорядкахъ, питается главнѣйшее тѣмъ разсчетомъ, что, чѣмъ болѣе окажется участниковъ въ этихъ безпорядкахъ, тѣмъ большею безнаказанностью будутъ они пользоваться: отсюда всѣ усилія зачинщиковъ и подстрекателей направлены бываютъ къ тому, чтобы вовлечь въ эти безпорядки сколь можно большее число товарищей. Никакихъ карцеровъ, если бы они и существовали, и никакихъ мѣстъ заключенія не хватило бы на всю эту толпу участниковъ въ безпорядкахъ, и это тѣмъ болѣе, что болѣе или менѣе всѣ высшія учебныя заведенія бываютъ солидарны въ этомъ отношеніи между собою, и безпорядки, начавшіеся въ Харьковѣ или Одессѣ, тотчасъ отзываются въ Кіевѣ и въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ Казани, и наоборотъ. Положимъ, что для отрезвленія этой разбушевавшейся молодежи было бы учреждено нѣчто въ родѣ Maison Paternelle, хотя бы съ сотнею келій (вмѣсто 50-ти), очевидно, что стоило бы только употребить усилія и вовлечь въ безпорядки 200, 300 и болѣе человѣкъ, чтобы учрежденіе это оказалось недѣйствительнымъ, не говоря уже о томъ, сколько времени и какихъ расходовъ потребовало бы его устройство и содержаніе, какъ не легко было бы найти для него руководителей и какъ сомнительно, чтобъ это одиночное заключеніе могло содѣйствовать довоспитанію молодыхъ людей въ дисциплинарномъ отношеніи. Во Франціи «Maison Paternelle» предназначенъ, правда, отчасти и для строптивыхъ учениковъ лицеевъ и коллегій (нашихъ гимназій), которые совершенно вышли изъ повиновенія родителямъ, наставникамъ и начальникамъ (во Франціи, какъ и у насъ, тѣлесныя наказанія не употребляются), но главнымъ образомъ для неисправимыхъ лѣнтяевъ, для юношей, попавшихъ въ дурную компанію и предающихся кутежамъ, распущенности и мотовству. Какъ мѣра карательная, учрежденіе это ближе всего подходитъ къ карцеру и отчасти къ одиночному тюремному заключенію; какъ мѣра исправительная, оно какъ нельзя болѣе пригодно противъ лѣности и распущенности, но въ весьма малой мѣрѣ противъ

духа неповиновенія, ибо почти вовсе не представляетъ случаевъ упражнять свою волю въ безусловномъ подчиненіи волѣ старшихъ. Особыя военныя команды, учрежденныя для исключаемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, конечно, могли бы вмѣстить всѣхъ, кто только подвергся бы этому взысканію, но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы онѣ могли содѣйствовать ихъ отрезвленію и дисциплинированію, и несомнѣнно потребовалось бы огромное число унтеръ-офицеровъ и офицеровъ, чтобы хоть сколько-нибудь держать эти команды въ дисциплинѣ и порядкѣ, и можно опасаться самаго тлетворнаго вліянія другъ на друга этихъ молодыхъ людей болѣе или менѣе одинаковаго образованія, одинаковаго направленія и въ одинаковомъ положеніи, особенно же если бы между ними оказались лица съ превратнымъ образомъ мыслей или даже зараженныя ученіями крамолы: въ послѣднемъ случаѣ возможно было бы возникновеніе весьма опаснаго тайнаго революціоннаго сообщества съ опредѣленными планами и замыслами на будущее время по увольненіи изъ такихъ командъ. Притомъ же подобныя команды ни для какихъ военныхъ цѣлей не были бы пригодны и въ сущности никакой службы не несли бы, а были бы въ родѣ существующихъ нынѣ дисциплинарныхъ ротъ и баталіоновъ. Напротивъ, къ отбыванію воинской повинности въ рядахъ арміи можетъ быть привлечено столько лицъ, сколько окажется имѣющихъ надобность въ подобномъ довоспитаніи въ дисциплинарномъ отношеніи. Увеличивать число участниковъ въ безпорядкахъ въ разсчетѣ на безнаказанность окажется уже невозможнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сколько бы ихъ ни было, всѣ они попали бы въ среду вполнѣ здоровую, отрезвляющую и способную всѣмъ строемъ своимъ дѣйствовать за нихъ самымъ дисциплинирующимъ образомъ.

Притомъ же лишеніе всѣхъ льготъ по воинской повинности представляетъ собою кару, устрашающій характеръ которой несомнѣнно побудитъ и самихъ молодыхъ людей и ихъ семейства, а также ихъ наставниковъ и ихъ начальниковъ, стать въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ

теперь, на стражѣ противъ усилій злоумышленниковъ, подстрекателей и зачинщиковъ студенческихъ безпорядковъ.

Быть можетъ, въ разсчетѣ на непослѣдовательность и слабодушіе учебныхъ начальствъ кое-гдѣ и на первыхъ порахъ возникали бы еще студенческіе безпорядки; но и тогда они не содѣйствовали бы пополненію рядовъ крамольной партіи и разносу по странѣ ея ученій, ибо виновные въ безпорядкахъ были бы немедленно привлекаемы къ отбыванію воинской повинности: крамола убѣдилась бы въ безполезности для нея этихъ безпорядковъ, а два-три примѣра лишенія за участіе въ нихъ всѣхъ льготъ по воинской повинности не замедлили бы отрезвить и образумить учащихся и положить конецъ безпорядкамъ, а временемъ дѣйствія этой мѣры и наставники юношества, и учебныя начальства должны были бы воспользоваться для окончательнаго и твердаго водворенія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ духа дисциплины и порядка.

Указываютъ на Военно-Медицинскую Академію, которая и безъ вышеозначенной мѣры стала почти непричастна въ настоящее время къ студенческимъ безпорядкамъ. Мѣры, которыя были съ этою цѣлью употреблены военнымъ вѣдомствомъ, совершенно невозможны для другихъ вѣдомствъ, и особенно для министра народнаго просвѣщенія по отношенію къ университетамъ. а) Въ Военно-Медицинской Академіи могли быть упразднены, хотя и временно, два низшіе курса въ разсчетѣ на эти курсы въ медицинскихъ и физико-математическихъ факультетахъ въ университетахъ. Очевидна совершенная невозможность этой мѣры для университетовъ. б) Молодые люди, удостоенные пріема въ Военно-Медицинскую Академію, сначала всѣ, а нынѣ двѣ трети всего числа, обращены въ стипендіатовъ правительства и считаются уже состоящими на военной службѣ со всѣми соотвѣтственными правами, обязанностями и требованіями дисциплины. Какъ ни велико число правительственныхъ и частныхъ стипендій въ нашихъ университетахъ, оно далеко не соотвѣтствуетъ двумъ третямъ всего числа ихъ студентовъ и никто изъ стипендіатовъ не считается состоящимъ на службѣ. Едва ли желательно и

едва ли возможно какъ увеличеніе числа стипендій въ университетахъ, такъ и зачисленіе стипендіатовъ на службу. в) Привлеченіе на службу по инспекціи въ Военно-Медицинской Академіи военныхъ штабъ-офицеровъ, распространеніе на ея студентовъ нѣкоторыхъ требованій военной дисциплины, возможность располагать для ихъ обузданія въ случаѣ надобности военною силою, а для ихъ наказанія военными гауптвахтами,—все это такія условія, которыя сравнительно съ вышеозначенными, конечно, имѣютъ лишь второстепенную важность, но которыхъ лишены всѣ другія вѣдомства. Что Медико-Хирургическая Академія могла быть очагомъ непрерывныхъ студенческихъ безпорядковъ, находясь въ военномъ вѣдомствѣ, это было обстоятельствомъ по истинѣ удивительнымъ и чрезвычайнымъ .Наконецъ, г) въ вопросахъ, имѣющихъ несомнѣнную государственную важность, едва ли было бы умѣстно оцѣнивать ту или другую мѣру по тому, насколько она будетъ популярна или непопулярна. Несравненно вѣрнѣе и основательнѣе другой критерій, а именно, полезна ли, необходима ли, удобоисполнима ли и справедлива ли данная мѣра. Всѣми этими качествами, какъ выше изъяснено, отличается разсматриваемая здѣсь мѣра, а потому ее слѣдовало бы принять въ принципѣ, хотя бы въ видѣ опыта на 3 года, и разработать подробныя правила относительно порядка примѣненіи ея на дѣлѣ.

Когда журналъ засѣданія комитета гг. министровъ по сему предмету былъ представленъ Государю Императору, на немъ послѣдовала 20-го февраля 1884 г. Собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція: «Не раздѣляя опасеній и мнѣній 14-ти особъ, полагаю отложить окончательное рѣшеніе этого дѣла до утвержденія новаго университетскаго устава».

Новый университетскій уставъ дѣйствительно былъ Высочайше утвержденъ 23-го августа 1884 г., но дѣло о лишеніи виновныхъ въ студенческихъ безпорядкахъ льготъ по воинской повинности болѣе не возобновлялось.

Дѣло 1-го марта 1887 г. и мѣры къ болѣе осмотрительному пріему въ высшія учебныя заведенія.

1887-й годъ ознаменовался событіями въ высшей степени прискорбными: злоумышленіемъ противъ жизни Государя Императора, въ которомъ участниками оказались 11 студентовъ С.-Петербургскаго университета: Петръ Горкунъ, Василій Генераловъ, Михаилъ Канчеръ, Василій Осипановъ, Пахомій Андреюшкинъ, Александръ Ульяновъ, Брониславъ Пильсудскій, Іосифъ Лукашевичъ, Петръ Яковлевъ Шевыревъ, Говорухинъ Орестъ и Рудевичъ Николай—скрывшійся, и студенческими безпорядками въ концѣ ноября и началѣ декабря, которые повели къ временному закрытію 5-ти университетовъ, Харьковскаго технологическаго института и Казанскаго ветеринарнаго института.

Гнусное дѣло 1-го марта послужило къ обнаруженію, между прочимъ, что въ С.-Петербургскомъ университетѣ продолжали существованіе не только разныя тайныя землячества, но и явныя quasi-литературныя общества, и студенческая читальня, и университетскій буфетъ, — учрежденія, служившія, между прочимъ, для уловленія въ сѣти крамолы безхитростныхъ провинціаловъ, наѣхавшихъ въ Петербургъ изъ захолустьевъ; но за то отсутствовалъ вовсе карцеръ.

Дѣло это побудило профессора философіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ и декана историко-филологическаго факультета М. И. Владиславлева представить г. министру Народнаго Просвѣщенія записку, въ которой указывалось, хотя и съ большой осторожностью, на вышеозначенныя бросающіяся въ глаза нарушенія устава и правилъ, и предлагались мѣры къ очищенію С.-Петербургскаго университета отъ вредныхъ элементовъ. Записка эта замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Она не осталась безъ довольно серьезныхъ послѣдствій, выдвинула ея автора на первый планъ и побудила г. министра назначить его ректоромъ С.-Петербургскаго университета. Поэтому при-

знается не излишнимъ сообщить здѣсь подробное извлеченіе изъ этой записки.

Зло, говоритъ М. П. Владиславлевъ, въ университетѣ есть; но относительно массы студентовъ революціонная партія въ немъ не велика и даже менѣе, чѣмъ была до введенія устава 1884 года. Много-ли, мало-ли въ немъ анархистовъ, объ этомъ можно спорить, но нельзя отрицать, послѣ 1 марта 1887 г., что они въ немъ есть, что ихъ болѣе, чѣмъ взято полиціей, и что они могутъ еще нарости въ немъ же. Огромное, скажемъ подавляющее, большинство студентовъ не сочувствуетъ этой партіи, но есть колеблющіеся и почти наготовѣ пристать къ ней. Матеріалъ для нея, несомнѣнно, есть. Она можетъ вербовать далѣе себѣ сторонниковъ изъ бѣдняковъ университетскаго пролетаріата, который, перебиваясь изо дня въ день, ища всякихъ знакомствъ, въ надеждѣ воспользоваться ими для заработковъ, рыская по городу въ погонѣ за уроками, всегда подвергается опасности встрѣчи съ революціонерами, готовыми помогать, лишь бы потомъ вовлечь жертву въ свое преступное сообщество. Можетъ эта партія ловить въ свои сѣти и тѣхъ не малочисленныхъ праздныхъ студентовъ, которые, охладѣвъ къ наукѣ и заболтавшись о политикѣ, легко попадаютъ въ притоны, надъ которыми выставленъ флагъ такъ-называемаго народолюбія. Въ столичномъ университетѣ, въ мѣстопребываніи Государя Императора, въ которомъ залогъ спокойствія и благоденствія государства, рѣшительно невозможно оставить студенчество въ настоящемъ его составѣ. Мѣры къ измѣненію состава студенчества должны имѣть двѣ цѣли: во-первыхъ, возможное устраненіе всѣхъ, дающихъ болѣе или менѣе основательный поводъ предполагать хотя нѣкоторую ихъ прикосновенность къ партіи безпорядка, и во-вторыхъ, освобожденіе университета отъ мало и плохо или совсѣмъ не учащагося пролетаріата, не имѣющаго ни въ какомъ отношеніи яснаго положенія. Для сихъ цѣлей слѣдуетъ: послѣ зачета полугодій первымъ 6-ти семестрамъ, признать всѣхъ студентовъ С.-Петербургскаго университета выбывшими изъ него, при чемъ объявить, что могутъ

быть обратно приняты въ него лишь тѣ, которые признаются особою комиссіей того заслуживающими. Выбывшимъ студентамъ должно быть объявлено, что желающіе изъ нихъ быть принятыми обратно должны подать (иногородніе по почтѣ) о томъ прошеніе въ комиссію и при этомъ собственноручно изложить свое curriculum vitae въ теченіе университетскаго пребыванія: у кого кто жилъ и какія откуда получалъ средства, чѣмъ предполагаетъ жить далѣе въ Петербургѣ, принадлежалъ ли къ землячеству и къ какому, дать подписку о непринадлежности ни къ какимъ не допущеннымъ правительственною властью товариществамъ. Не подавшіе своевременно прошенія считаются выбывшими изъ университета, и таковымъ высылаются на мѣсто ихъ жительства документы. Комиссія, назначенная министромъ не изъ профессоровъ, но съ участіемъ въ ней университетской инспекціи въ полномъ ея составѣ, должна выдѣлить ненадежный элементъ изъ среды студентовъ и рѣшительно отклонить прошеніе лицъ, такъ или иначе ею замѣченныхъ въ разныхъ проступкахъ, всѣхъ кажущихся подозрительными по нѣкоторымъ основаніямъ, не посѣщавшихъ лекцій вообще или весьма рѣдко, стоящихъ на замѣчаніи у полиціи, отъ которой въ семъ случаѣ должно просить указаній, всѣхъ живущихъ безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ и въ то же время уроженцевъ отдаленныхъ мѣстностей, какъ и тѣхъ, кто вообще не можетъ указать, чѣмъ они жили. За исключеніемъ явно неблагонадежныхъ, всѣмъ выбывшимъ студентамъ и непринятымъ обратно слѣдуетъ дозволить учиться въ другихъ университетахъ (кромѣ московскаго). Если бы, по разборѣ, составъ студентовъ уменьшился на цѣлую треть нынѣшняго, (около 2000 ч.), то это количество какъ разъ соотвѣтствовало бы тому числу, которое здѣшній университетъ можетъ дѣйствительно обучать и надъ которымъ можетъ имѣть хотя нѣкоторое наблюденіе. Относительно пріема вновь студентовъ въ С.-Петербургскій университетъ М. И. Владиславлевъ замѣчаетъ: необходимо прежде всего установить то положеніе, что совершенно неосновательно, какъ многіе воображаютъ, что на обученіе въ университетѣ, и притомъ

въ любомъ русскомъ, существуетъ у каждаго окончившаго гимназическій курсъ неотъемлемое, какъ бы прирожденное право. Это есть совершенная иллюзія. При ненормальныхъ обстоятельствахъ, каковы нынѣ, правительство можетъ сузить условія, на которыхъ оно дозволяетъ поступать въ университетъ, и обставить поступленіе въ извѣстный университетъ, напримѣръ, въ здѣшній, такъ, какъ оно считаетъ то нужнымъ. Именно теперь оно должно поставить вопросы: 1. Надо ли гимназистовъ, кое-какъ окончившихъ курсъ и, очевидно, бездарныхъ, вести непремѣнно черезъ университетъ, гдѣ они безпомощно, какъ бы въ туманѣ, проведутъ нѣсколько лѣтъ, забывая, что знали и ничему серьезному не выучиваясь? 2. Слѣдуетъ ли сзывать въ университетъ лицъ, которыя, по бѣдности своей, должны перебиваться изо дня въ день копѣечными уроками или перепиской, учиться, съ одной стороны, подъ страхомъ голодной смерти, а съ другой,—отдавая наибольшую часть времени постороннимъ и чуть не механическимъ занятіямъ, безъ средствъ на руководства и пособія, безъ возможности посѣщать лекціи болѣе или менѣе аккуратно, и т. д.) Конечно, нѣтъ. 3. Спеціально въ примѣненіи къ С.-Петербургскому университету есть ли какая-нибудь надобность, говоря вообще, кубанцу или донцу и т. п. итти для образованія непремѣнно въ здѣшній университетъ? Если будущій студентъ тронутъ въ революціонномъ смыслѣ (читалъ книжки, встрѣчался съ мыслящими реалистами), то по пріѣздѣ въ Петербургъ similibus gaudet, сближается съ ними, можетъ быть привозитъ рекомендаціи, и въ скоромъ времени вступаетъ въ банду. Надобно сказать, что именно бѣдняки льнутъ къ петербургскому университету, думая скорѣе тутъ устроиться, чѣмъ въ провинціальномъ городѣ, и легче получить стипендію, такъ какъ ихъ здѣсь много. Попавъ въ Петербургъ, такой студентъ оглушается шумомъ большого города, его глаза разбѣгаются на жизнь, которая несется мимо его, онъ чувствуетъ себя одинокимъ, забытымъ, никому ненужнымъ; даже въ университетѣ имъ никто не интересуется, развѣ для полученія отъ него денегъ и исполненія разныхъ формальностей. Между тѣмъ

крамола ловитъ его въ читальнѣ, въ университетскомъ буфетѣ, сначала черезъ мѣченаго земляка, съ которымъ онъ естественно желаетъ сблизиться и отъ котораго думаетъ получить совѣтъ и практическія указанія, въ публичномъ скверѣ, гдѣ уныло слоняясь, такъ какъ никакихъ знакомствъ нѣтъ, онъ иногда встрѣчается съ добрыми людьми готовыми подслужиться уроками, полезнымъ, развивающимъ чтеніемъ и, наконецъ, знакомствомъ съ радѣтелями о благѣ народномъ, на особыхъ квартирахъ съ женщинами. Не такова ли исторія этихъ двухъ казаковъ, взятыхъ послѣ 9-ти мѣсячнаго пребыванія студентами здѣшняго университета, съ бомбами въ рукахъ на Невскомъ проспектѣ Развѣ не можетъ она повториться и съ другими студентами, если не принять послѣ того мѣры? Изъ сказаннаго можно вывести относительно набора новыхъ студентовъ въ С.-Петербургскій университетъ: а) Принимать въ него съ разборомъ гимназистовъ даже здѣшняго округа. Мѣстное начальство о каждомъ таковомъ аспирантѣ должно доставить свѣдѣнія: не былъ ли онъ въ чемъ нравственно дурномъ замѣченъ, благонадеженъ ли по развитію и способностямъ къ высшему образованію, имѣетъ ли какія средства для жизни, отъ кого ихъ получаетъ. б) Могутъ встрѣтиться случаи, когда гимназистъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни въ Петербургѣ, обѣщаетъ съ большимъ успѣхомъ пройти университетскій курсъ и по нравственнымъ своимъ качествамъ заслуживаетъ полной поддержки. Вотъ такимъ-то лицамъ и слѣдуетъ давать стипендіи съ момента поступленія ихъ въ университетъ. О казенныхъ стипендіяхъ слѣдуетъ узаконить, что они даются преимущественно гимназистамъ здѣшняго округа, что будетъ вполнѣ справедливо. в) Что же касается до воспитанниковъ гимназій другихъ округовъ, то слѣдовало бы въ принципѣ постановить, что пріемъ ихъ есть не правило а исключеніе. Кромѣ свидѣтельства о нравственныхъ качествахъ, имущественномъ положеніи и всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, какія долженъ представить воспитанникъ здѣшняго округа, необходимо требовать отъ новопоступающаго другого округа еще подробной мотивировки, почему, вмѣсто

лижайшаго, онъ желаетъ поступить въ здѣшній университетъ. При рѣшеніи должны приниматься въ разсчетъ олько уважительныя причины; всего менѣе надежды найти ъ столицѣ уроки и платныя занятія. Сокращеніе числа тудентовъ дастъ возможность осуществить мысль, къ которой рано или поздно должно придти министерство Наодnаго Просвѣщенія: устроить при здѣшнемъ университетѣ, на глазахъ власти, нѣчто въ родѣ профессорскаго института или сосредоточить здѣсь молодыхъ людей, оставляемыхъ при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, и здѣшнія научныя силы направить, между прочимъ, на службу и этому дѣлу. При надлежащемъ подборѣ студентовъ и профессоровъ, С.-Петербургскій университетъ можетъ получить такой характеръ и достигнуть такой нравственной высоты, что всякаго рода либеральная болтовня, а тѣмъ болѣе разрушительныя идеи станутъ въ немъ невозможностью. Но и подборъ студентовъ не достигнетъ желаемой цѣли, если не будетъ обращено вниманіе на подъемъ дисциплины въ студенческой средѣ и на правильное, неуклонное исполненіе правительственныхъ предписаній и указаній всѣми университетскими властями. Первая настоятельнѣйшая нужда университета въ настоящее время есть дѣйствительная постановка инспекціи въ духѣ новаго устава. Въ лицѣ инспектора и помощниковъ его, она должна быть въ большинствѣ случаевъ дѣятельною, самостоятельною, строго относиться ко всѣмъ случаямъ нарушенія дисциплины, порядка, установленныхъ правилъ и... карцеръ не долженъ бездѣйствовать. Можетъ быть, составъ инспекціи недостаточенъ и его слѣдуетъ увеличить, но прежде всего слѣдуетъ оживить ее и особенно внушить ей, что она должна слушаться прежде всего своей инструкціи, неотступно требовать отъ студентовъ исполненія ими своихъ обязанностей и неуклонно штрафовать ихъ при всякомъ нарушеніи ими правилъ. Большинство студентовъ живетъ на случайныхъ квартирахъ, занимая комнаты и даже иногда только углы: у многихъ нѣтъ ни порядочнаго знакомства, ни средствъ на книгу, никто о нихъ не заботится, съ кѣмъ они знакомы и что дѣлаютъ. Вотъ

утъ-то и долженъ университетъ оказать нравственну
услугу студенту. Инспекція должна знать, какъ и гдѣ он
живетъ, особенно пріѣхавшій изъ отдаленной мѣстности
съ кѣмъ онъ знакомъ. Должно быть обращено внимані
на посѣщеніе лекцій студентами. Когда студентъ не занят
дѣломъ, то онъ, если не бѣгаетъ съ утра до ночи по уро
камъ, бездѣльничаетъ, и тутъ какъ разъ—самообразованіе
образованіе въ кружкахъ, поступленіе въ общество. І
виду важности дѣла и высокой цѣли—сдѣлать С.-Пете
бургскій университетъ достойнымъ милости Монарха, в
роятно, профессора и нѣкоторые преподаватели охот
послѣдуютъ приглашенію министерства участвовать въ этом
дѣлѣ нравственной помощи студенчеству. Небольшія груп
учащихся могли бы ввѣриться спеціальному надзору пр
фессора, который обращалъ бы вниманіе на жизнь и учеб
студента и могъ бы отъ многаго предостеречь его и
многомъ направить его къ доброму. Русскій студентъ,
добно сознаться, нуждается въ побужденіи къ труду и
постоянномъ контролѣ, иначе онъ легкомысленно отклады
ваетъ свои занятія ad calendas, Въ принципѣ такимъ
тивомъ и контролемъ служатъ для него зачеты полуго
и такъ оно будетъ на самомъ дѣлѣ, когда они стан
правдою. Быть можетъ, полезно будетъ завести при э
какіе-либо способы различенія: блестяще ли, хорошо
только удовлетворительно зачтенъ семестръ, что во всяко
случаѣ станетъ побуждать даровитыхъ молодыхъ люде
изъ уваженія въ себѣ и соревнованія, въ виду будущих
экзаменовъ въ комиссіяхъ, ревностнѣе заниматься свои
дѣломъ.

Послѣдствіемъ записки дѣйствительно были удале
изъ С.-Петербургскаго университета нѣкотораго числа с
дентовъ, бывшихъ на дурномъ замѣчаніи у полиціи и
у инспекціи и затѣмъ установленіе на будущее время
лѣе осмотрительнаго пріема въ студенты этого универс
тета на основаніи тѣхъ правилъ, которыя выше приведен
подъ пп. а) и в) изъ записки М. И. Владиславлева, та
что число студентовъ С.-Петербургскаго университета умен
шилось съ 1906 (къ 1-му января 1887 г.) до 1759 (к

1-му января 1890 г.). Впрочемъ, какъ записка М. П. Владиславлева, такъ и въ особенности событіе 1-го марта 1887 г. не могли не напомнить министру Народнаго Просвѣщенія о циркулярномъ предложеніи, состоявшемся еще 12-го января 1880 г. при графѣ Д. А. Толстомъ, о томъ, чтобы начальства гимназій доставляли въ подлежащіе университеты свѣдѣнія о воспитанникахъ гимназіи, заявившихъ желаніе по окончаніи гимназическаго курса поступить въ университетъ, съ возможно полною характеристикой каждаго изъ сихъ молодыхъ людей какъ относительно хода ихъ ученія въ гимназіи, такъ и относительно нравственныхъ ихъ качествъ и внѣклассной жизни. Съ того времени смѣнились три министра Народнаго Просвѣщенія, и означенное распоряженіе, хотя и не отмѣненное, было предано забвенію, а затѣмъ изъ судебныхъ разбирательствъ и изъ дознаній касательно распространенія между учащимися противоправительственной пропаганды оказалось, что въ студенты университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній принимаются нерѣдко молодые люди, которые еще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ заявляли себя вредными наклонностями и даже принадлежали къ тайнымъ кружкамъ, такъ называемымъ «кружкамъ саморазвитія или самообразованія», и нерѣдко привлекались къ дознаніямъ въ качествѣ обвиняемыхъ или какъ свидѣтели. Этого, конечно, не могло бы быть, если бы вышеозначенный циркуляръ не былъ забытъ, или «если бы начальники среднихъ учебныхъ заведеній относились къ исполненію указанной въ немъ мѣры не формально, а съ сердечнымъ участіемъ и въ твердомъ сознаніи, что полная и вѣрная характеристика молодыхъ людей, поступающихъ въ университеты и другія высшія школы, необходима сколько для предотвращенія поступленія въ нихъ негодяевъ, изъ коихъ впослѣдствіе образуются злодѣи, столько вообще для упорядоченія состава студентовъ», и тогда «высшія учебныя заведенія были бы избавлены отъ присутствія лицъ вредныхъ, а молодые люди съ характеромъ, не вполнѣ установившимся, были съ самаго начала подчинены болѣе строгому надзору и могли бы исправиться и успѣшно

окончить курсъ». Руководясь этими соображеніями и назвавъ неосмотрительностью или же неумѣстною и даже преступною снисходительностью обозначеніе въ увольнительныхъ свидѣтельствахъ отличными по поведенію такихъ молодыхъ людей, которые вовсе этого не заслуживаютъ, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія въ циркулярномъ предложеніи отъ 7-го іюня 1887 г., признавъ точное исполненіе вышеозначенной мѣры дѣломъ весьма важнымъ, особенно въ настоящее время и, «имѣя въ виду, что педагогическій персоналъ среднихъ учебныхъ заведеній, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ учениками въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, иногда въ теченіе всего курса, при должной заботливости о нравственномъ развитіи и добромъ направленіи учащихся, не можетъ не составить себѣ яснаго понятія объ ихъ образѣ мыслей и направленіи», предложилъ чрезъ попечителей учебныхъ округовъ начальствамъ среднихъ учебныхъ заведеній сообщать университетамъ, и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, по принадлежности, полныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ образѣ мыслей и направленіи желающихъ поступить въ нихъ молодыхъ людей, объ ихъ склонностяхъ, условіяхъ матеріальнаго быта и общественной среды, къ коей принадлежатъ ихъ родители, а также доставлять такіе же, по возможности, свѣдѣнія и о посторонникъ лицахъ, кои получатъ свидѣтельства зрѣлости и заявятъ о желаніи своемъ продолжать образованіе; «тѣхъ же молодыхъ людей, которые, хотя и получатъ аттестаты или свидѣтельства зрѣлости, но почему-либо подаютъ мало надежды на успѣшное занятіе науками, лучше отклонять отъ поступленія въ высшія учебныя заведенія, рекомендуя имъ избрать для себя другія занятія».

Распоряженіе это было дополнено другимъ отъ 26-го іюля 1887 г. о томъ, чтобы начальства университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній зачисляли въ студенты лишь тѣхъ, о которыхъ доставлены необходимыя свѣдѣнія отъ директоровъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ они обучались и выдержали выпускной экзаменъ, директоры же должны предупреждать абитуріентовъ, что

въ случаѣ перемѣны заявленнаго ими намѣренія они должны своевременно сообщать о томъ директору, дабы онъ могъ принять мѣры къ пересылкѣ упомянутыхъ характеристикъ изъ одного высшаго заведенія въ другое. За мѣсяцъ передъ тѣмъ (26-го іюня 1887 г.) плата за ученіе въ пользу собственно университета, независимо отъ гонорара, была увеличена съ 10 до 50 рублей въ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ состоялось назначеніе Владиславлева ректоромъ университета. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ серьезно озабоченъ усиленіемъ дисциплины и надзора за студентами и искорененіемъ того зла, которое, очевидно, гнѣздилось въ университетѣ, и потому въ Петербургѣ студенческіе безпорядки были направлены противъ ректора Владиславлева въ такой же мѣрѣ, какъ въ Москвѣ, Харьковѣ, Казани и Одессѣ они были направлены противъ инспекторовъ Брызгалова, Алякритскаго, Потапова, Балдина и вообще противъ инспекціи.

Студенческіе безпорядки въ Казани.

Въ дни, предшествовавшіе безпорядкамъ, студентовъ въ университетѣ бывало немного, что не представляло, впрочемъ, чего-нибудь ненормальнаго, ибо и въ прежніе годы съ началомъ репетицій для зачета полугодій студентовъ тоже бывало немного; къ тому же съ 30-го ноября по 3-е декабря не читали своихъ лекцій профессора Загоскинъ (исторія русскаго права) и Ермолаевъ (анатомія), у которыхъ бываетъ обыкновенно много слушателей, а между бывшими въ университетѣ студентами не замѣчалось никакого возбужденія и не было ничего предосудительнаго, ни въ поведеніи, ни въ ихъ разговорахъ, такъ что всѣ эти студенты или огромное ихъ большинство были вполнѣ чужды духу безпорядковъ.

Приготовлялись они, очевидно, внѣ университета въ разныхъ землячествахъ и ихъ органахъ. Такъ, въ ночь съ 29-го на 30-е ноября, было замѣчено полиціей большое сборище студентовъ въ домѣ на улицѣ Георгіевской

но что тамъ происходило осталось невыясненнымъ. Къ числу самыхъ вредныхъ членовъ Симбирско-Самарскаго землячества принадлежали студенты Португаловъ, сынъ ссыльнаго въ Самарѣ врача, и Полянскій, и оба были выбраны въ судьи этого землячества. У перваго изъ нихъ, по указанію попечителя, былъ произведенъ въ ночь со 2-го на 3-е декабря жандармскій обыскъ, и были найдены гектографъ, и набранные листы вышедшаго гектографированнаго приговора, и письмо его сестры, съ поздравленіемъ по случаю выбора его въ студенческіе судьи, что при настоящихъ обстоятельствахъ, говорится въ письмѣ, представляетъ обширное поле для дѣятельности. Какъ несомнѣнно уличенный въ принадлежности къ землячеству, Португаловъ тотчасъ же былъ удаленъ, что, конечно, не помѣшало ему принимать дѣятельное участіе въ подготовкѣ безпорядковъ. Изъ посторонникъ лицъ, мутившихъ студентовъ, въ то время были замѣчены особенно присяжный повѣренный Гиршфельдъ и ученицы фельдшерскихъ земскихъ курсовъ дочь генералъ-маіора Балль и мѣщанка Амбарова. Попечитель округа телеграфировалъ въ Петербургъ о необходимости немедленно ихъ выслать изъ Казани, что и было исполнено по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ.

Сигналомъ къ взрыву и здѣсь послужило письмо—изъ Москвы. Гектографированная копія съ одного такого письма, полученнаго студентомъ изъ Москвы, о томъ, что тамъ происходило, была найдена помощникомъ инспектора Виноградовымъ въ среду 2-го декабря, въ 6 часовъ вечера, въ одномъ изъ столовъ 12-й аудиторіи, гдѣ около 7 часовъ должны были собраться нѣкоторые изъ студентовъ юридическаго факультета для практическихъ занятій по гражданскому судопроизводству. Письмо это читалось 2-го декабря на такъ-называемомъ общемъ студенческомъ судѣ и тамъ рѣшено было произвести одновременно безпорядки 4-го декабря и въ ветеринарномъ институтѣ, и въ университетѣ, и были установлены всѣ подробности дѣла. Безпорядки были такимъ образомъ подготовлены въ земляскихъ учрежденіяхъ, объединявшихъ студентовъ и уни-

верситета, и ветеринарнаго института, и въ обоихъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были въ точности выполнены рѣшенія «общаго студенческаго суда».

Дѣло началось въ ветеринарномъ институтѣ, гдѣ 4-го декабря долженъ былъ защищать свою диссертацію ветеринаръ Третьяковъ. На этотъ диспутъ изъ предосторожности не были допущены ни студенты университета, ни посторонніе лица. Передъ самымъ началомъ диспута одинъ изъ студентовъ института подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли директоръ и члены совѣта, и подалъ директору листъ, говоря, что это петиція студентовъ, и прося тотчасъ же прочесть. Директоръ, не читая листа, сказалъ, что если студенты имѣютъ какія нужды, то пусть переговорятъ о нихъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ. Тогда вся толпа студентовъ поднялась съ своихъ мѣстъ и подошла къ столу. Директоръ, закрывъ засѣданіе совѣта, потребовалъ отъ студентовъ немедленнаго удаленія. Нѣкоторые послушались, но человѣкъ 40 остались въ залѣ и шумно требовали объясненія по поводу поданной петиціи. Послѣ вторичнаго требованія директора, толпа, правда, перешла въ другую аудиторію, но продолжала шумѣть и оказывать явное неповиновеніе. Директоръ поѣхалъ къ попечителю и отъ него, по его указанію, въ 1-ю полицейскую часть, а тѣмъ временемъ студенты-ветеринары направились въ университетъ, гдѣ также начались безпорядки. Несомнѣнные признаки ихъ наступленія въ университетѣ обнаружились къ 10 часамъ утра 4-го декабря. Еще въ $8^1/_2$ часовъ служитель инспекціи Михайловъ передалъ инспектору письмо на имя ректора съ городскою маркою, но принесенное неизвѣстнымъ мальчикомъ отъ Ферлюдина (фамилія одного изъ студентовъ-юристовъ). Письмо было тотчасъ же отправлено къ ректору, и, какъ оказалось, было анонимное отъ 4-го декабря слѣдующаго содержанія: «Желая предотвратить зло, могущее произойти отъ предполагаемаго возстанія студентовъ университета и ветеринарнаго института, я рѣшился извѣстить васъ, что сегодня, или завтра, или вообще на этихъ дняхъ студенты сговорились устроить общую сходку въ университетѣ, не очень миролюбиваго

характера, и такъ какъ отъ этого не будетъ никакого толку, а только безполезно погибнутъ молодыя силы, могущія впослѣдствіи принести несравненно большую пользу обществу, то не мѣшало бы предупредить и не допустить до этого, не прибѣгая къ крайнимъ мѣрамъ и не дѣлая никому зла. Сегодня же будьте осторожны». Въ одинадцатомъ часу инспектора извѣстили изъ вѣрнаго источника, что студенты юридическаго факультета, которымъ въ этотъ день долженъ былъ читать лекцію ректоръ отъ 12 до 1 ч., при самомъ входѣ его въ аудиторію намѣревались пригласить его вмѣстѣ съ ними пойти въ залъ для собесѣдованія, о чемъ инспекторъ тотчасъ же увѣдомилъ ректора запиской, а затѣмъ, когда студенты въ очень возбужденномъ настроеніи стали собираться въ шинельной и курильной, и одинъ изъ нихъ входя, въ курильную, громко сказалъ: «скоро ждемъ грозной бури», что тотчасъ же было сообщено инспектору однимъ изъ помощниковъ, то инспекторъ въ $11^1/_2$ часовъ отправился самъ къ ректору, который только тогда далъ ему прочесть вышеприведенное анонимное письмо и заявилъ, что онъ въ залъ толковать со студентами не пойдетъ, а будетъ имъ читать лекцію. Возвратясь въ канцелярію, инспекторъ нашелъ въ ней уволеннаго изъ университета Португалова, который довольно дерзко спрашивалъ, скоро ли ему выдадутъ его документы, на что Н. Г. Потаповъ отвѣтилъ ему, что по дѣйствующимъ правиламъ онъ получитъ ихъ черезъ полицію. Выйдя изъ канцеляріи за 10 минутъ до 12 часовъ и пройдя нѣсколько шаговъ по корридору, Португаловъ, какъ передавали инспектору, громко закричалъ: «готово». Немедленно изъ шинельной и курильной быстро двинулась толпа съ шумомъ, крикомъ и свистомъ; слышались возгласы: «въ залу», «ректора», «долой инспектора», «къ черту инспектора», «идите, братцы». Нѣкоторые, отдѣляясь отъ толпы, забѣгали въ аудиторіи, настежъ растворяли въ нихъ двери и, не стѣсняясь присутствіемъ профессоровъ, кричали: «На сходку! на сходку!« Студенты-филологи, которымъ въ это время профессоръ Нагуевскій дѣлалъ репетицію по римскимъ древностямъ, спокойно остались на своихъ мѣстахъ и продолжали заниматься, несмотря на

весь шумъ и гамъ, а затѣмъ согласно съ его увѣщаніями, по окончаніи своихъ занятій, вмѣстѣ съ нимъ вышли изъ университета и отправились по своимъ квартирамъ. Составилась вскорѣ толпа человѣкъ въ 150—200, которая съ крикомъ подвигалась къ актовому залу. Услышавъ эти крики студентовъ, инспекторъ немедленно вышелъ изъ канцеляріи навстрѣчу толпѣ и усиленно убѣждалъ ее разойтись, вернуться назадъ, не губить себя. Но все напрасно: толпа неудержимо стремилась въ залъ, а за нею вошелъ и инспекторъ, сопровождаемый своимъ помощникомъ Войцеховичемъ и двумя служителями инспекціи. Инспекторъ продолжалъ въ залѣ увѣщевать студентовъ, а они, расположась около него полукругомъ, кричали и махали какими-то листками, которые содержали ту же самую «петицію», какая ветеринарами была подана ихъ директору, и сверхъ того воззваніе къ студентамъ; обѣ записки были гектографированы. Воззваніе гласило: «Товарищи! Тяжкимъ бременемъ легъ новый университетскій уставъ. Васъ, питомцевъ дорогой alma mater, васъ, представителей молодой интеллигентной мысли, онъ отдалъ во власть шпіонствующей инспекціи, онъ сузилъ и низвелъ на «нѣтъ» значеніе профессорской коллегіи, сдѣлалъ изъ нихъ учителей-чиновниковъ, онъ ограничилъ доступъ въ университетъ сыновьямъ бѣдныхъ отцовъ, увеличивъ взносъ за право слушанія лекцій, установилъ тяжелыя условія для полученія стипендій и т. д. Но еще не все: циркуляръ министра Народнаго Просвѣщенія отъ 18-го іюня 1887 года лишилъ вашихъ юныхъ братьевъ возможности даже получить гимназическое образованіе. Наконецъ, въ событіяхъ московскихъ 23-го, 24-го, 25-го ноября текущаго года, когда лилась кровь нашихъ товарищей (два студента было убито), когда нагайки свистали надъ головами ихъ, въ этихъ событіяхъ нанесено было позорное оскорбленіе всей русской молодежи. Казанскіе студенты! неужели мы не встанемъ на защиту попранныхъ правъ нашихъ университетовъ, неужели мы не выразимъ нашего протеста предъ разыгравшеюся во всю ширь реакціей? Мы вѣримъ въ казанское студенчество и зовемъ его на открытый протестъ въ

стѣнахъ университета». А вотъ и текстъ гектографированной петиціи: «Собрало насъ сюда не что иное, какъ сознаніе невозможности всѣхъ условій, въ которыя поставлена русская жизнь вообще и студенческая въ частности, а также желаніе обратить вниманіе общества на эти условія и предъявить правительству нижеслѣдующія требованія. Мы пришли къ заключенію, что:

I. Реформы наивозможно-ближайшаго будущаго по отношенію къ университетамъ должны быть слѣдующія:

a) Для всѣхъ россійскихъ университетовъ уставъ долженъ быть одинъ и тотъ же;

b) Университетомъ должна завѣдывать коллегія профессоровъ совершенно самостоятельно;

c) Никакого контроля со стороны университета надъ частною жизнью студента не должно быть;

d) Студентамъ должно быть предоставлено право сходокъ для обсужденія дѣлъ, касающихся студенчества, а также и право коллективной подачи петицій;

e) Право имѣть свои библіотеки, читальни, кассы взаимной помощи, кухмистерскія и управлять ими черезъ своихъ выборныхъ;

f) Долженъ быть гласный студенческій судъ, рѣшенія котораго профессорская коллегія не можетъ игнорировать;

g) Студенты получаютъ право распредѣлять стипендіи и пособія по усмотрѣнію выборныхъ отъ студенчества лицъ.

II. Уничтоженіе сословности и всякаго рода препятствій, затрудняющихъ доступъ въ учебныя заведенія (напримѣръ, высокая плата, форма и т. д.).

III. Справедливость требуетъ, чтобы наши товарищи—всѣхъ университетовъ—исключенные за студенческія волненія, были приняты вновь.

IV. Для удовлетворенія возмущеннаго нашего и общественнаго мнѣнія необходимо, чтобы были наказаны тѣ лица, по приказанію или недосмотру которыхъ были совершены въ 20-хъ числахъ прошедшаго мѣсяца звѣрскія насилія и даже убійства, оффиціально скрываемыя, надъ нашими товарищами, московскими студентами.—Казанскіе студенты».

Сообщая эти «воззванія» и «петицію» г. министру Народнаго Просвѣщенія, попечитель Казанскаго учебнаго округа П. Н. Масленниковъ совершенно справедливо указалъ не только на «отсутствіе практическаго смысла въ дерзкихъ студенческихъ требованіяхъ», но и на то, что требованія эти рѣшительно не имѣютъ никакого мѣстнаго характера или оттѣнка, а, «судя по IV-му пункту этихъ требованій, были редактированы въ Москвѣ», а не въ Казани, а потому и безъ малѣйшаго вниманія къ пособникамъ взбунтовавшихся студентовъ Казанскаго университета—ветеринарамъ, хотя послѣдніе безсмысленно усвоили себѣ вполнѣ эту «петицію».

Между тѣмъ въ актовомъ залѣ Казанскаго университета было совершено гнусное насиліе надъ достопочтеннымъ инспекторомъ студентовъ. На слова его: «замолчите же наконецъ и скажите толкомъ, что вамъ надо», изъ переднихъ рядовъ толпы выступили двое студентовъ, Іоповъ и Алексѣевъ, и приблизились къ Н. Г. Потапову, который, полагая, что они желаютъ ему сообщить желанія студентовъ, спокойно оставался на своемъ мѣстѣ, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, только что поступившій въ августѣ 1887 года на юридическій факультетъ, Константинъ Алексѣевъ, поднялъ правую руку, быстро ударилъ его кулакомъ въ лѣвую щеку около глаза и вслѣдъ затѣмъ вся толпа стала надвигаться на Н. Г. Потапова, который замѣтилъ въ рукахъ двухъ или трехъ студентовъ обломки отъ кресла. Защищая голову руками, инспекторъ началъ подвигаться къ выходной двери, оберегаемый отъ дальнѣйшихъ ударовъ своимъ помощникомъ и двумя служителями инспекціи. Буйная толпа, проводивъ его до дверей, осталась въ залѣ, и Н. Г. Потаповъ могъ свободно пройти корридоромъ второго этажа и немедленно отправился къ ректору сообщить ему о всемъ случившемся. Возвратясь въ университетъ съ ректоромъ, онъ отправился къ себѣ на квартиру, не чувствуя себя способнымъ, послѣ столь сильнаго нервнаго потрясенія, явиться вновь къ сборищу студентовъ для исполненія своихъ обязанностей. Сборище это межъ тѣмъ увеличилось: вслѣдъ за удаленіемъ инспектора часть

толпы бросилась изъ актоваго зала въ шинельную съ криками: «Ректора сюда, ректора», «подавайте намъ инспекцію», «наша взяла», и къ этимъ крикамъ присоединилась новая толпа студентовъ. Помощникъ инспектора Войцеховичъ не имѣлъ возможности войти въ залъ, такъ какъ двери къ нему студенты затворили, но, оставаясь въ коридорѣ, уговаривалъ студентовъ, шедшихъ въ залъ, не идти туда, но безуспѣшно. Онъ же встрѣтилъ ректора Н. А. Кремлева и проводилъ его въ актовый залъ, но въ самый залъ не вошелъ, потому что ректоръ сказалъ, что ему нѣтъ надобности быть въ залѣ, и остался въ коридорѣ, куда пришелъ и другой помощникъ Виноградовъ. Собесѣдованіе ректора со сходкою студентовъ «происходило при закрытыхъ дверяхъ, оберегаемыхъ отъ входа инспекціи студентами». Какъ и когда произошла передача Алексѣева въ руки полиціи, объ этомъ обстоятельныхъ свѣдѣній не имѣется; на первомъ донесеніи попечителя сказано только, что ректоръ распорядился передачею Алексѣева полиціи. Вѣроятно, это было первымъ дѣйствіемъ ректора по входѣ его въ актовый залъ, и оно было, вѣроятно исполнено безъ всякаго сопротивленія со стороны Алексѣева или другихъ студентовъ, при помощи г. Войцеховича. Какъ бы то ни было, но въ передаваемыхъ самимъ ректоромъ увѣщаніяхъ и наставленіяхъ, обращенныхъ имъ къ сходкѣ, нѣтъ и помину объ этомъ возмутительномъ актѣ насилія противъ столь почтеннаго должностного лица, какъ Н. Г. Потаповъ. Прибытіе ректора было возвѣщено студентамъ криками ихъ товарищей: «Тише, ректоръ идетъ». Затѣмъ ректору стоило большого труда и терпѣнія установить и поддерживать хоть какой-нибудь порядокъ и тишину, чтобы можно было держать рѣчь къ студентамъ; но возгласы вожаковъ: «всѣ студенты долой съ каѳедры» (на которую теперь взошелъ ректоръ) и «очистить мѣсто около каѳедры и передъ каѳедрой» были тотчасъ же исполнены. Ректоръ объявилъ собравшуюся сходку противузаконной, присовокупивъ, что всѣ, кто по его требованію не разойдутся, будутъ переданы во власть полиціи и войска. Студенты отвѣтили, что они сами разойдутся, но предварительно

просятъ выслушать причину сходки и ихъ просьбы, что просьбы эти изложены въ «петиціи», на бумагѣ, которую они тутъ же и положили передъ ректоромъ на каѳедрѣ, и что они просятъ дать ходъ этой ихъ просьбѣ. Ректоръ отвѣтилъ, что бумага не можетъ не быть имъ предоставлена по начальству, такъ какъ подача ея есть новое нарушеніе ими установленныхъ для нихъ правилъ, что въ ней, безъ сомнѣнія, рѣчь идетъ о давно извѣстныхъ вещахъ—о разрѣшеніи сходокъ, депутацій, читаленъ, ссудныхъ кассъ, кухмистерскихъ и о распредѣленіи самими студентами между собою стипендій и пособій,—словомъ, о вещахъ, которыя были уже не разъ предметомъ обсужденія для университетовъ и для правительства, «и если такія учрежденія не существуютъ, значитъ, правительство признало ихъ существованіе ненужнымъ, и это есть твердое рѣшеніе правительства, и поэтому, продолжалъ ректоръ Н. А. Кремлевъ, я не буду подавать студентамъ никакихъ ложныхъ надеждъ: «я привыкъ говорить со студентами прямо и безбоязненно!» Эти послѣднія слова были прерваны аплодисментами. Когда они прекратились, то изъ среды студентовъ послышался голосъ, что въ петиціи выражены и другія желанія. Ректоръ взялъ лежавшую передъ нимъ петицію и началъ ее читать. «Отказать рѣшительно, рѣзко въ просьбѣ» (ознакомиться съ петиціей), «выраженной въ формѣ вполнѣ благопристойной»—пишетъ ректоръ въ своемъ донесеніи попечителю отъ 19-го декабря 1887 г.,—«притомъ при условіяхъ, которыя давали мнѣ надежду на добровольный уходъ студентовъ, это значило бы не смирить толпу, а еще болѣе взволновать ее и, слѣдовательно, вызвать необходимость прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, на которую я былъ уполномоченъ Вашимъ Превосходительствомъ,—къ введенію войска и, слѣдовательно, къ допущенію всѣхъ случайныхъ послѣдствій такой мѣры. По моимъ соображеніямъ, принять тотчасъ же эту мѣру было бы несогласно съ пользою и интересами ни университета и правительства, ни общества и семействъ, къ составу которыхъ принадлежатъ собравшіеся студенты».

Какъ бы то ни было, «петиція» студентовъ была при

нята ректоромъ, и начало ея, гдѣ говорится о «невозможности всѣхъ условій, въ которыя поставлена русская жизнь вообще», и о «предъявленіи студентами правительству требованій», подало ректору случай «возможно понятнѣе объяснить основные принципы общежитія, ознакомить вкратцѣ съ основными началами государственной и общественной жизни, при которыхъ только и возможно пользоваться благотворными плодами жизни людей въ обществѣ и безнаказанное нарушеніе которыхъ отняло бы у человѣчества возможность дальнѣйшаго усовершенствованія. Я указалъ на необходимость существованія органовъ, спеціально уполномоченныхъ завѣдываніемъ той или другой стороной, той или другой функціей общественной жизни, заявленіемъ о тѣхъ или другихъ нуждахъ и ходатайствомъ о соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ въ существующихъ законахъ и правилахъ, и что самый интересъ общежитія требуетъ, чтобы правительство пресѣкало всякую попытку отдѣльныхъ людей или группъ людей самовольно вмѣшиваться въ такую дѣятельность, которая по закону имъ не предоставлена, что такое противозаконное вмѣшательство наноситъ вредъ обществу и потому не можетъ быть терпимо. Отсюда сдѣлалъ выводъ о противозаконности настоящаго поведенія устроившихъ сходку для подачи петиціи и о необходимости наказанія за такое поведеніе, о томъ, что такое самозванное принятіе на себя студентами не усвоенной имъ закономъ роли есть нарушеніе правъ того самаго общества, о которомъ они якобы принимаютъ на себя заботу, и крайне вредно для успѣховъ народнаго образованія, которые должны быть особенно близки студентамъ университета. Словомъ, мнѣ пришлось прочитать цѣлую лекцію. И долгъ совѣсти побуждаетъ засвидѣтельствовать, что аудиторія, затихнувшая уже въ самомъ началѣ обращенной къ ней рѣчи, все съ возрастающимъ вниманіемъ относилась къ моимъ словамъ, какъ будто предъ ней раскрывалось новое, дотолѣ невѣдомое ей, міровоззрѣніе».

Лекція профессора римскаго права при столь необычной обстановкѣ произвела на слушателей не совсѣмъ то впечатлѣніе, какое онъ предполагалъ. По крайней мѣрѣ,

въ гектографированной прокламаціи по поводу исключенія и высылки изъ Казани нѣкоторыхъ студентовъ говорится: «Но навстрѣчу намъ шла та «наука для науки», которую такъ яростно защищали нѣкоторые изъ гг. профессоровъ на сходкѣ 4-го декабря, та наука, благодаря которой, говорили они, мы, студенты, могли бы спокойно и безстрастно смотрѣть на гнетъ и страданія дорогой родины... Мы не пошли за нашими учителями». Неблагопріятное впечатлѣніе эта лекція ректора произвела и на попечителя округа. «Я вообще, и по моимъ убѣжденіямъ, и по опыту всѣхъ извѣстныхъ мнѣ прежнихъ студенческихъ безпорядковъ, нахожу»,—говоритъ П. Н. Масленниковъ въ одномъ изъ своихъ донесеній,—«бесѣды со студентами профессоровъ университета, а тѣмъ болѣе ректора, во время самаго разгара этихъ безпорядковъ, совершенно неумѣстными, если эти лица не пользуются сильнымъ нравственнымъ авторитетомъ среди студентовъ, и въ этомъ смыслѣ хотѣлъ дать предложеніе ректору еще до начала безпорядковъ, но не успѣлъ. Его же бесѣды и бывшихъ съ нимъ профессоровъ тѣмъ болѣе неумѣстны и даже противозаконны, что онѣ слѣдовали за нанесеніемъ тяжкаго оскорбленія инспектору студентовъ, и при этомъ ректоръ самъ нанесъ новое оскорбленіе инспекціи, не позволивъ чинамъ ея присутствовать въ залѣ во время этихъ собесѣдованій со студентами. По слухамъ, которые, безъ сомнѣнія, идутъ отъ самихъ же студентовъ, въ рѣчахъ ректора и нѣкоторыхъ профессоровъ сильно проглядывало нерасположеніе и злорадство по отношенію къ инспектору студентовъ и стремленіе выставить дѣйствія инспекціи и попечителя діаметрально противоположными дѣйствіямъ профессорской коллегіи».

Но еще въ началѣ обращенія ректора къ студентамъ оно дважды было прервано на нѣкоторое время. Часу во второмъ подошла къ университету толпа человѣкъ во сто студентовъ ветеринаровъ, а изъ нихъ сорока удалось проникнуть въ университетъ, и они съ крикомъ побѣжали по корридору по направленію къ актовому залу. Помощники инспектора Виноградовъ и Войцеховичъ употребили всѣ усилія, чтобы

задержать ихъ предъ стеклянною дверью, ведущею во 2-й этажъ; но часть ихъ, оттолкнувъ Войцеховича, успѣла прорваться, на помощь же другой, все еще сдерживаемой Виноградовымъ, подоспѣлъ студентъ Подбѣльскій съ другой стороны двери: онъ началъ палкою бить въ ней стекла и грозить ею Виноградову. Этимъ воспользовались задерживаемые имъ ветеринары и вмѣстѣ съ товарищами проникли въ актовый залъ, гдѣ ихъ радостно и шумно привѣтствовали студенты университета. Затѣмъ «лекція» ректора была прервана заявленіемъ, что и въ другомъ мѣстѣ, въ главной швейцарской, собралась также толпа студентовъ, которая также желала бы его выслушать. За этою толпою отправился самъ ректоръ, но предварительно хотѣлъ зайти къ инспектору, чтобы наскоро освѣдомиться о характерѣ этого сборища. Инспектора онъ встрѣтилъ, не доходя еще до его квартиры, вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ, который сказалъ ректору: «Къ вашимъ услугамъ. Я сейчасъ пойду, если считаете нужнымъ, въ залъ и предложу студентамъ удалиться». Но ректоръ отклонилъ это предложеніе, сказавъ, что надѣется уговорить студетовъ добровольно удалиться. При этомъ онъ узналъ отъ инспектора, что толпа въ главной швейцарской весьма незначительна, и чрезъ посредство экзекутора (такъ какъ никакихъ чиновъ и служителей инспекціи тутъ не было, кромѣ самого инспектора) пригласилъ и эту толпу въ актовый залъ, полиціймейстера же просилъ распорядиться, чтобы съ улицы никого изъ студентовъ въ университетъ болѣе не пускали.

Когда ректоръ вернулся въ залу, «гдѣ, дѣйствительно, засталъ порядокъ, котораго не нарушали и вновь прибывшіе изъ швейцарской студенты», сходка стала просить его, чтобы онъ «пригласилъ гг. профессоровъ, которые выслушали бы ихъ самихъ о цѣли ихъ сходки, а эта цѣль, по словамъ ихъ, состояла въ томъ, чтобы университетъ представилъ правительству ходатайство о представленіи студентамъ университета льготъ, изложенныхъ въ петиціи. Въ отвѣтъ на это ректоръ «указалъ, 1) что совмѣстное собраніе студентовъ и профессоровъ для обсужденія студенческихъ желаній было бы опять новымъ нарушеніемъ

закона, что такое собраніе, какъ противозаконное, не можетъ имѣть никакихъ иныхъ послѣдствій, кромѣ преслѣдованія и наказанія участниковъ его, и все, что бы ни было принято въ этомъ собраніи, было бы признано незаконнымъ и, слѣдовательно, недѣйствительнымъ, а 2) просьба эта и фактически невыполнима, такъ какъ однихъ профессоровъ 60, и если бы сейчасъ была имъ послана пригласительная повѣстка, то пришлось бы ихъ слишкомъ долго ждать». Послышался голосъ: «мы готовы ждать цѣлый вечеръ».

Между тѣмъ въ читальной комнатѣ университета были уже въ сборѣ 16 профессоровъ и 5 приватъ-доцентовъ, и между ними шла рѣчь, что вотъ уже около двухъ часовъ, какъ ректоръ совершенно одинъ предъ возбужденною толпою студентовъ, «что стыдно въ такую опасную для университета минуту оставаться нейтральнымъ, что долгъ и совѣсть, а также и непосредственныя предписанія министерства обязываютъ насъ, профессоровъ,—пишетъ одинъ изъ нихъ, деканъ медицинскаго факультета Щербаковъ къ ректору,—употребить все отъ насъ зависящее для того, чтобы убѣдить студентовъ разойтись, что мѣсто наше не здѣсь, а около васъ, что мы должны сколько возможно помочь вамъ уговорить и успокоить возбужденную толпу. Нѣкоторые изъ профессоровъ тутъ же выразили желаніе, чтобы я, продолжаетъ Щербаковъ, взялъ на себя высказать студентамъ мнѣніе всѣхъ присутствовавшихъ моихъ товарищей о незаконности поступка университетской молодежи и напомнить ей ея прямыя обязанности». Дѣйствительно, всѣ 16 профессоровъ и 5 приватъ-доцентовъ пришли въ актовый залъ, и д. с. с. Щербаковъ отъ имени всѣхъ держалъ слѣдующую рѣчь: «По порученію пришедшихъ сюда моихъ товарищей, а вашихъ учителей, я, старѣйшій изъ нихъ, убѣдительно прошу васъ разойтись. Въ этомъ храмѣ чистой науки нѣтъ мѣста безпорядкамъ, подобнымъ настоящему. Вы пришли сюда учиться, учиться и только учиться. Въ теченіе университетской жизни васъ должны поэтому занимать только чисто-научные интересы, рѣшать же интересы общественные вы не призваны, да и

не можете. Для этого нѣтъ ни надлежащей степени подготовки, ни надлежащей степени зрѣлости. Только вполнѣ закончивъ свое образованіе, вы можете быть полезными гражданами, только тогда можете съ пользою примѣнять тѣ знанія, которыя здѣсь получаете. Собравшись же незаконно, рискуя поэтому не докончить свое ученье, въ остальную, еще долгую жизнь вашу рискуете остаться безполезными гражданами отечества, интересы котораго вамъ, надѣюсь, такъ же дороги, какъ и намъ, вашимъ учителямъ. Ради науки, которой мы являемся здѣсь представителями, ради пользы дорогого намъ отечества, ради чувства долга и законности, я еще разъ прошу васъ разойтись. Успокоившись вы сами потомъ будете горько осуждать свой поступокъ. Лучше же исправить, когда еще не слишкомъ поздно». Затѣмъ говорили еще профессора Васильевъ, Капнинковъ, И. Н. Смирновъ, Любимовъ и Преображенскій,— изъ коихъ наименѣе благонадежными попечитель считаетъ Васильева и Преображенскаго (послѣдній вскорѣ затѣмъ подалъ въ отставку). Сходка длилась уже около 4-хъ часовъ. «Краснорѣчію ректора и нѣкоторыхъ его коллегъ не предвидѣлось конца», по словамъ П. Н. Масленникова. Тогда въ 3 ч. 45 м. попечитель округа далъ ему формальное предложеніе, на основаніи ст. 8-й устава, немедленно покинуть залъ и очистить его отъ студентовъ съ помощью полиціи, а если нужно, то и войска, котораго цѣлый батальонъ, и съ боевыми патронами былъ уже наготовѣ. Предложеніе это, полученное ректоромъ въ виду всей сходки, было по всей вѣроятности вкратцѣ ей сообщено, хотя ректоръ ничего объ этомъ не говоритъ, и удаленіе студентовъ приписываетъ только краснорѣчію своему и своихъ товарищей. Тѣмъ не менѣе «студенты заявили, что хотя они и удаляются изъ залы, но такъ какъ ни ректоръ, ни профессора не даютъ имъ надежды на осуществленіе ихъ желаній, то имъ ничего болѣе не остается какъ оставить университетъ и въ знакъ этого они возвращаютъ свои входные билеты, при чемъ стали складывать свои билеты на столъ передъ каѳедрой». Такихъ билетовъ оказалось потомъ 99. Часть студентовъ двинулась было

затѣмъ къ выходу, но тутъ же другіе начали требовать, чтобы на ихъ пути при ихъ проходѣ не было ни полиціи, ни инспекціи, или, какъ сообщаетъ объ этомъ ректоръ, «обратились съ просьбой о свободномъ пропускѣ ихъ изъ университета во избѣжаніе могущихъ быть случайныхъ столкновеній кого-либо изъ нихъ съ полиціей или съ инспекціей. Я отвѣтилъ, что сдѣлано распоряженіе о свободномъ пропускѣ, но съ тѣмъ, чтобы студенты съ своей стороны воздержались отъ всякаго рода демонстративныхъ поступковъ». Затѣмъ, выйдя изъ залы, онъ пошелъ къ инспектору на квартиру и сообщилъ (по донесенію инспектора отъ 8-го декабря попечителю): «Я обѣщалъ студентамъ, что при выходѣ ихъ изъ залы и университета не будутъ слѣдить за ними полиція и инспекція», а потому просилъ меня, чтобы я попросилъ уйти чиновъ инспекціи. Хотя инспекторъ не признавалъ требованія ректора законнымъ, но такъ какъ всѣ бывшіе на сходкѣ студенты были уже замѣчены и переписаны и желательно было скорѣйшее удаленіе ихъ изъ университета въ виду того, что начинало уже смеркаться, «я, говоритъ инспекторъ, счелъ за лучшее исполнить распоряженіе г. ректора и объявилъ помощнику моему Войцеховичу, чтобы онъ удалился изъ университета, и предложилъ то же самое и другимъ чинамъ инспекціи».

Дѣло и здѣсь, какъ въ Москвѣ, окончилось полнымъ торжествомъ взбунтовавшихся студентовъ и пораженіемъ университетской инспекціи и вообще правительственной власти; пораженіе же это въ Казани было ей нанесено главнѣйше самимъ ректоромъ. При этомъ былъ и полиціймейстеръ. «Переговоривъ съ ними (инспекторомъ и полиціймейстеромъ) о порядкѣ выхода студентовъ и пути для этого выхода, я, пишетъ Н. А. Кремлевъ, возвратился въ залу» и «указалъ студентамъ для выхода ближайшій путь чрезъ дверь, ведущую въ большую выходную швейцарскую. Они немедленно и быстро разошлись». Бурное броженіе между студентами, доносилъ попечитель округа г. министру, продолжалось какъ въ этотъ, такъ и въ послѣдующіе дни: студенты толпами ходили по городу и по

Воскресенской улицѣ, въ особенности, гдѣ зданіе университета и 1-ая полицейская часть. 5-го декабря и университетъ, и институтъ были уже временно закрыты, и еще 4-го декабря попечитель собственной своей властью, на основаніи ст. 8-й устава, исключилъ изъ университета 45 болѣе виновныхъ студентовъ и уволилъ 23, не желая показанія инспектора и полиціи подвергать разсмотрѣнію правленія, и 22 студентовъ Ветеринарнаго института,— всего же 90 человѣкъ. Масса студентовъ иногородныхъ начала проситься въ отпускъ, что и было всѣмъ разрѣшено, другіе же, поддаваясь дурнымъ вліяніямъ, начали просить объ увольненіи ихъ вовсе изъ университета, въ подражаніе студентамъ, которые побросали свои входные билеты еще на сходкѣ въ знакъ того, что они желаютъ покинуть университетъ. Попечитель приказалъ ректору, не давая пока хода всѣмъ этимъ прошеніямъ, составить списокъ всѣмъ, подавшимъ оныя и побросавшимъ свои входные билеты и предполагалъ раздѣлить ихъ на 3 категоріи: 1. подлежащихъ, если не исключенію, то увольненію безъ прошенія; 2. подлежащихъ, по сомнительному направленію и малому прилежанію, увольненію по прошенію и 3. достойныхъ по своимъ учебнымъ занятіямъ продолжать курсъ, о коихъ полагалъ войти въ сношеніе съ ихъ семьями, дабы онѣ ихъ образумили.

Сообщенное по телеграфу извѣстіе объ отдачѣ Алексѣева въ дисциплинарный батальонъ на 3 года и послѣдовавшая затѣмъ высылка изъ города исключенныхъ отрезвили студентовъ, и послѣ того случаевъ нарушенія ими спокойствія и порядка въ городѣ не было. Публика вообще обнаруживала любопытство къ безпорядкамъ и сочувствіе къ высылаемымъ. Еще въ самомъ полицейскомъ помѣщеніи и на дорогу ихъ въ большомъ количествѣ снабжали и деньгами, и особенно крѣпкими напитками. По поводу исключенія и высылки изъ Казани нѣкоторыхъ студентовъ университета вскорѣ появилась гектографированная прокламація, въ которой говорится: «Прощай, Казань! Прощай, университетъ! Недалеко еще то время когда мы въѣзжали сюда, полные вѣры и любви къ уни-

верситету и его жизни; мы думали, что здѣсь, въ храмѣ науки, мы найдемъ тѣ знанія, опираясь на которыя, мы могли бы войти въ жизнь борцами за счастье и благо нашей измученной родины!.. Но на встрѣчу намъ шла та «наука для науки», которую такъ яростно защищали нѣкоторые изъ гг. профессоровъ на сходкѣ 4-го декабря, та наука, благодаря которой, говорили они, мы, студенты, могли бы спокойно и безстрастно смотрѣть на гнетъ и страданія дорогой родины. Вмѣстѣ съ тѣмъ насъ охватило и деморализующее вліяніе инспекціи и ея клики шпіоновъ-клевретовъ... Мы не пошли за нашими учителями... Мы сгруппировались въ землячества, твердо вѣруя, что здѣсь въ товарищескомъ кругу мы поддержимъ другъ друга, здѣсь мы найдемъ также и выходъ нашимъ страстнымъ стремленіямъ къ развитію у насъ убѣжденій и взглядовъ, твердыхъ и честныхъ, читая и бесѣдуя другъ съ другомъ... Но намъ запретили организоваться въ землячества, грозя исключеніемъ!.. Съ каждымъ днемъ гнетъ новаго устава чувствовался жестче и жестче... На весь этотъ гнетъ мы сдержанно отвѣчали мирными протестами въ дни нашего университетскаго акта; кромѣ того мы письменно обращались къ всѣмъ профессорамъ, приглашая придти къ намъ на помощь въ борьбѣ съ гнетомъ новаго университетскаго устава. Въ отвѣтъ—ни слова. Наконецъ, вышли въ свѣтъ извѣстные циркуляры, закрывшіе доступъ въ гимназіи, а тѣмъ самымъ и университетъ, неимущей молодежи, дѣтямъ тружениковъ, бѣдняковъ, дѣтямъ крестьянъ, мѣщанъ и т. д. Все это страшно возмутило насъ»... За упоминаніемъ о «нахальной и звѣрской расправѣ со студентами Московскаго университета» слѣдуетъ такое заключеніе: «Мы уѣзжаемъ изъ Казани съ глубокой вѣрой въ правду нашего дѣла»... «P. S. Искреннее спасибо за сочувствіе и матеріальную поддержку многихъ членовъ Казанскаго общества!!!»

Если подстрекатели сохраняли «глубокую вѣру въ правду своего дѣла», то уступившій ихъ подстрекательствамъ и подъ ихъ вліяніемъ дерзнувшій поднять руку на своего ближайшаго начальника Алексѣевъ тотчасъ же

сильно раскаялся въ своемъ преступленіи. Константинъ Александровъ Алексѣевъ, старшій сынъ обремененнаго большою семьею непремѣннаго члена Уфимскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, коллежскаго, нынѣ статскаго, совѣтника, 19 лѣтъ отъ роду, только въ августѣ 1887 г. поступилъ изъ Уфимской гимназіи на юридическій факультетъ Казанскаго университета; во время пребыванія своего въ университетѣ не имѣлъ никакихъ личныхъ сношеній съ инспекціей и былъ избранъ на гнусное дѣло 4-го декабря, вѣроятно, въ томъ предположеніи, что онъ никому изъ инспекціи неизвѣстенъ. Сгубило его болѣе всего то, что онъ съ самаго начала попалъ въ одно изъ землячествъ (Уфимское). Какъ пишетъ въ своемъ прошеніи на Высочайшее имя несчастный его отецъ, «онъ обучался въ Уфимской гимназіи, жилъ постоянно въ родной семьѣ, подъ ея вліяніемъ, и совершенно былъ изолированъ отъ вліянія посторонннхъ людей. Оторванный, при поступленіи въ университетъ, отъ семьи и ея вліянія, столкнувшись съ совершенно посторонними людьми, съ полнымъ довѣріемъ къ нимъ, онъ могъ совершить свой тяжело-прискорбный поступокъ единственно вслѣдствіе своей молодости и совершенной неопытности». По свидѣтельству жандармскаго полковника Гангардта, онъ далеко не принадлежитъ къ выдающимся по своему умственному развитію молодымъ людямъ, съ политическими или соціальными теоріями незнакомъ, и вобще по кругу своихъ понятій не выдается ничѣмъ изъ массы ординарныхъ гимназистовъ старшихъ классовъ провинціальныхъ гимназій. Нравственныя же его качества представляютъ много симпатичнаго. Хотя въ средѣ его товарищей явилась мысль, быть можетъ, поданная и изъ болѣе высокаго круга, чтобы отрицать самый фактъ, такъ какъ, кромѣ инспекціи и студентовъ, никого не было при этомъ, или же настаивать на совершеніи этого преступленія вовсе не имъ, а другимъ неизвѣстнымъ ему лицомъ, тѣмъ не менѣе онъ съ перваго же раза не только признался въ преступленіи, но и изъявилъ полное въ немъ раскаяніе. Вскорѣ по преступленіи онъ написалъ письмо къ Н. В. Потапову, но предъявилъ

его къ отправленію уже послѣ того, какъ состоялось его осужденіе, дабы не заподозрѣли его въ неискренности его раскаянія и въ желаніи смягчить себѣ наказаніе. Письмо это гласитъ: «Ваше Превосходительство, Николай Гавриловичъ! Придя въ себя и сознавъ весь ужасъ своего поступка, который я совершилъ не преднамѣренно, а чисто подъ вліяніемъ стаднаго увлеченія, умоляю Ваше Превосходительство вѣрить моему искреннему раскаянію, такъ какъ лично противъ Вашего Превосходительства я не могу имѣть ровно ничего, какъ противъ лица, честно и строго исполняющаго свои обязанности. Еще разъ умоляю Ваше Превосходительство, какъ должностное лицо и какъ человѣка, не только принять мое настоящее письменное раскаяніе, но и разрѣшить мнѣ публично испросить прощеніе. Я рѣшаюсь испрашивать Вашего прощенія не въ видахъ облегченія ожидаемаго меня наказанія, а какъ виновный, который въ этомъ прощеніи будетъ почерпать утѣшенія своей совѣсти, и всею своею будущею жизнью я постараюсь искупить тяжесть моего преступленія. Умоляю Ваше Превосходительство принять мое увѣреніе въ высокомъ моемъ уваженіи къ Вамъ. Бывшій студентъ Константинъ Алексѣевъ. 9 декабря 1887 г., Казань». Онъ раскаивался также и въ участіи въ студенческой сходкѣ и приготовленіи къ ней и безъ всякаго побужденія добровольно сообщилъ довольно цѣнныя свѣдѣнія объ организаціи студенческихъ землячествъ. По своей натурѣ и по первоначальному семейному направленію онъ далеко не склоненъ къ революціоннымъ протестамъ, особенно же въ такой грубой формѣ, а лишь по слабости характера поддался въ такой мѣрѣ вліянію заправилъ землячества и по натурѣ своей можетъ еще стать добропорядочнымъ человѣкомъ и честнымъ гражданиномъ. Попечитель ходатайствовалъ о замѣнѣ трехмѣсячнаго содержанія въ дисциплинарномъ батальонѣ 3-лѣтнею службою въ рядахъ войскъ. По соглашенію съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, предположено было по истеченіи нѣкотораго времени исходатайствовать сокращеніе срока наказанія. Отецъ его дважды (19-го апрѣля 1888 г. и 23 іюня 1889 г.) повер-

галъ на Высочайшее воззрѣніе прошеніе свое и «убитой горемъ всей семьи своей» о помилованіи его сына Константина. По первому его прошенію было сношеніе съ г. военнымъ министромъ, и оказалось, что Алексѣевъ былъ доставленъ въ Бобруйскій дисциплинарный батальонъ только 22-го февраля 1888 г. и по правиламъ подвергнутъ былъ на двѣ недѣли (до 8-го марта) строгому одиночному заключенію, а потомъ 24-го марта былъ отправленъ въ Бобруйскій лазаретъ вслѣдствіе открывшейся болѣзни, полученной имъ еще въ Казани, и такимъ образомъ былъ всего 16 дней въ самомъ батальонѣ; поэтому баталіонное начальство затруднялось дать о немъ какое-либо заключеніе. Еще и 18 авг. 1889 г. никакого ходатайства о смягченіи ему наказанія получено не было отъ ближайшаго военнаго начальства, «а это по правиламъ необходимо для сокращенія срока пребыванія въ дисциплинарномъ батальонѣ», и сокращенъ онъ можетъ быть по закону на $^1/_6$ часть того времени, на какое сданъ виновный для исправленія.

Въ числѣ исключенныхъ изъ университета были, между прочимъ, Коникковъ и Матвѣевъ, высланные въ Царицынъ. Здѣсь они пытались образовать кружокъ самообразованія и успѣли вовлечь въ него нѣсколькихъ полуцивилизованныхъ лицъ, но безуспѣшно старались о томъ же относительно гимназистовъ и гимназистокъ. Особенно сочувствовалъ имъ и устраивалъ въ ихъ пользу негласнымъ образомъ спектакль секретарь уѣздной земской управы Жуковъ, когда-то приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь за политическія преступленія. Заручившись нѣкоторыми средствами, Коникковъ и Матвѣевъ уѣхали въ Цюрихъ, получивъ заграничные паспорта, одинъ изъ Смоленска, а другой изъ Варшавы. Коникковъ—еврей, а Матвѣевъ—сынъ бѣднаго водовоза.

Оправдывая свой образъ дѣйствій во время безпорядковъ 4-го декабря, ректоръ Н. А. Кремлевъ писалъ къ министру Народнаго Просвѣщенія отъ 9-го февраля 188[illegible] года: «Есть слухъ, что на сходкѣ нѣкоторые студенты были съ карманными револьверами на случай столкновенія

съ полиціей и войскомъ» (тѣмъ болѣе жаль, по замѣчанію г. товарища министра, что они не были арестованы), и родители и родственники въ тотъ же и слѣдующіе дни приходили къ нему со слезами благодарить его, что ихъ дѣти вышли изъ университета живы и невредимы. «Въ первые дни было подано такихъ прошеній (объ увольненіи изъ числа студентовъ) около 150, но вслѣдствіе моихъ убѣжденій подача прошеній остановилась, а подавшіе стали ходатайствовать о возвращеніи имъ этихъ прошеній. Въ засѣданіи совѣта 5-го декабря 1887 г. слушали обращеніе къ ректору Щербакова, что «только благодаря Вашему (ректора) такту, энергіи и честному отношенію къ дѣлу взволнованная молодежь постигла всю неправильность и незаконность своего поступка и спокойно разошлась со сходки и, такимъ образомъ, исключительно благодаря Вамъ нашъ университетъ избавленъ отъ тѣхъ грустныхъ послѣдствій, которыя несомнѣнно имѣли бы мѣсто въ немъ при введеніи военной силы». Къ заявленію этому присоединились всѣ присутствовавшіе члены совѣта и, вставъ съ своихъ мѣстъ, привѣтствовали г. ректора, выражая ему свою признательность за его дѣятельность по прекращенію студенческихъ безпорядковъ, энергію и тактъ, благодаря которымъ сходка студентовъ 4-го декабря имѣла такой мирный (?!!) исходъ. О дисциплинарныхъ взысканіяхъ студентамъ, еще не понесшимъ кары за участіе ихъ въ сходкѣ 4-го декабря, попечителемъ округа было предложено правленію 23-го декабря. На другой день ректоръ собралъ правленіе въ экстраординарное засѣданіе, и тутъ же заявилъ, что для опредѣленія степени виновности студентовъ, внесенныхъ въ списки бывшихъ на сходкѣ, онъ находитъ необходимымъ изслѣдовать, какія были дѣйствительныя причины недовольства студентовъ ихъ положеніемъ и, слѣдовательно, причины произведенныхъ ими безпорядковъ, что и разобрать въ правленіи, выслушавъ показаніе каждаго изъ студентовъ. Мнѣніе это было горячо поддерживаемо Щербаковымъ и опровергаемо другими членами, такъ что засѣданіе было отложено до 28-го декабря. «Дѣйствія ректора и сочувствующаго ему декана Щерба-

кова, по убѣжденію попечителя, направлены къ тому, чт
бы вмѣсто дисциплинарнаго суда надъ студентами сдѣлат
правленіе ареною суда надъ инспекціей, надъ представляе
мыми ею интересами порядка и косвенно надъ новым
университетскимъ уставомъ», «коего эти лица явили себя
особенно въ послѣднее время, явными противниками...»
«Положеніе инспектора въ правленіи при такомъ предсѣ
дателѣ, какъ ректоръ Кремлевъ, уподобляется нравственной
пыткѣ». Притомъ же «ректоръ и Щербаковъ городскими
разсказами о неправильныхъ будто бы дѣйствіяхъ инспек
тора, о жестокихъ мѣрахъ противъ провинившихся студен
товъ и о необходимости разслѣдовать все дѣло о безпо
рядкахъ въ университетскомъ совѣтѣ, позволяютъ себѣ
волновать общественное мнѣніе и публики, и оставшагося
спокойнымъ большинства студентовъ. На эти дѣйствія обра
тилъ справедливое вниманіе и начальникъ Казанскаго гу
бернскаго жандармскаго управленія и донесъ уже объ
этомъ, какъ онъ мнѣ словесно сообщилъ, департаменту
полиціи». По поводу записи инспекторомъ въ списокъ
бывшихъ на сходкѣ студентовъ начали поступать проше
нія съ заявленіями объ ихъ alibi, удостовѣренными частью
клиническими преподавателями, частью сторонними лицами
и даже хозяйками квартиръ. Мысль объ этомъ alibi,
по упорно ходящимъ слухамъ, была подана студентамъ-
медикамъ самимъ Щербаковымъ, причемъ, по замѣчанію
инспектора, многіе изъ студентовъ, бывшихъ на клиниче
скихъ и амбулаторныхъ занятіяхъ, потомъ явились на
сходку. Въ виду всего этого попечитель пріостановилъ
дѣло о назначеніи правленіемъ дисциплинарныхъ взыска
ній участвовавшимъ въ сходкѣ студентамъ и сообщилъ г.
министру, что «дальнѣйшее оставленіе въ должности гг.
Кремлева и Щербакова было бы нежелательно какъ для
общаго порядка въ университетѣ, такъ и для правильнаго
руководствованія уставомъ 1884 г.» Сверхъ того «выдаю
щееся количество виновныхъ студентовъ изъ естественни
ковъ обратило на себя справедливое вниманіе жандарм
скаго надзора, который связываетъ это число студентовъ
съ неблагонадежнымъ направленіемъ одного изъ профессо-

ровъ разряда естественныхъ наукъ, Штукенберга», неблагонадежность котораго была обнаружена еще въ 1883 г. по дѣлу о фиктивномъ владѣніи публичною библіотекой. Впрочемъ, жандармскій полковникъ Гангардтъ, нисколько не отрицая вреднаго направленія ректора Кремлева и декана Щербакова, полагалъ, что смѣна перваго изъ нихъ можетъ вызвать извѣстное раздраженіе въ нѣкоторой части городского общества, которое можетъ потомъ перейти и къ студентамъ и подать поводъ къ новымъ смутамъ. Инспекторъ студентовъ Н. Г. Потаповъ какъ ни было для него невыносимо тягостно состоять подъ начальствомъ Кремлева, который, вмѣсто поддержки его, всячески къ нему придирался и оскорблялъ его, тѣмъ не менѣе также склонялся къ временному оставленію Кремлева ректоромъ во избѣжаніе новыхъ смутъ и просилъ только немедленно устранить Щербакова отъ должности декана, заявляя, что иначе ему самому придется просить отставку. И, дѣйствительно, Щербаковъ то и дѣло возбуждалъ въ правленіи нареканія противъ инспектора, усматривая доказать, что въ представленный имъ списокъ, съ одной стороны, не занесены лица, присутствіе которыхъ на сходкѣ доказывается оставленными ими на столѣ предъ кафедрой входными билетами, а, съ другой стороны, записаны лица, фактически тамъ не бывшія, и прибавляя, что странно было бы ожидать отъ инспекціи вполнѣ вѣрнаго списка при томъ положеніи, въ какомъ она находилась 4-го декабря. Хотя инспекторъ объяснилъ, что въ его списокъ внесены только тѣ студенты, которые вошли въ залъ до разрѣшенія ректора впускать въ залъ тѣхъ студентовъ, которые находятся въ университетѣ, и затѣмъ представилъ отдѣльные списки: 1) тѣхъ, которые были на сходкѣ при немъ до прибытія ректора, 2) тѣхъ, которые пришли послѣ, но до разрѣшенія ректора, и 3) тѣхъ, которые пришли послѣ этого разрѣшенія, тѣмъ не менѣе ректоръ и Щербаковъ старались какъ бы уличить его, въ противорѣчивости его заявленій и показаній. На представленіи по сему предмету попечителя Казанскаго учебнаго округа ему было отвѣчено, что «министерству хорошо извѣстны несогласныя съ видами

правительства дѣйствія и распоряженія ректора Казанскаго университета и декана изъ медицинскаго его факультета, но въ виду исключительныхъ въ настоящее время обстоятельствъ, оно затрудняется сдѣлать теперь же (24-го января 1888 г.) какое-либо распоряженіе по отношенію къ означеннымъ должностнымъ лицамъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ было предложено, несмотря на такія несогласія въ нѣдрахъ самаго управленія университета, ускорить возобновленіе учебныхъ занятій въ университетѣ. Ректоръ Кремлевъ всячески старался замедлить возобновленіе лекцій до марта, ибо, какъ ходили въ городѣ слухи, онъ обязался предъ студенческой сходкой или отстоять виновниковъ ея отъ наказанія, или же самому подать въ отставку. Предложеніе министра отъ 21-го декабря (о возобновленіи лекцій) было нѣкоторыми частными лицами доставлено въ копіи нѣкоторымъ членамъ университетской корпораціи до полученія его попечителемъ и послужило Кремлеву къ распространенію въ городѣ слуховъ, что самъ министръ боится возобновленія безпорядковъ. Вопросъ объ открытіи университета въ засѣданіяхъ 18-го и 19-го января подалъ поводъ Щербакову и особенно Кремлеву къ нескончаемымъ сѣтованіямъ на попечителя, что правленіе не было привлечено къ разсмотрѣнію дѣла о безпорядкахъ 4-го декабря и поэтому ничего не знаетъ ни объ ихъ причинахъ, ни объ характерѣ, и къ таковымъ же обвиненіямъ инспектора въ несоблюденіи имъ § 22 инструкціи (въ несообщеніи ничего о поступкахъ студентовъ внѣ стѣнъ университета), въ непредусмотрительности и самонадѣянности, въ неисполненіи приказанія о томъ, чтобы держать актовый залъ взаперти и не впускать никого изъ студентовъ въ университетъ послѣ 5-го декабря. Съ іюля 1887 г. были увольняемы и исключаемы студенты, и ректоръ ничего не зналъ о причинахъ этихъ распоряженій и не могъ дать никакихъ объясненій родителямъ и родственникамъ, да и о продолжающемся существованіи землячествъ онъ узналъ только изъ распоряженій начальства объ увольненіи студентовъ за принадлежность къ нимъ. Свою длинную обвинительную рѣчь Кремлевъ заключилъ такъ: «Тяжело отозва-

лись на университетѣ вообще и на ходѣ мирныхъ научныхъ и учебныхъ занятій въ частности безпорядки 4-го декабря, которые, по моему мнѣнію, при болѣе дѣятельной и предусмотрительной инспекціи, могли бы быть предупреждены или, по крайней мѣрѣ, ограничены въ размѣрахъ и формѣ своего проявленія. Но повтореніе безпорядковъ послѣ возобновленія учебныхъ занятій повлечетъ за собою еще болѣе тяжкія послѣдствія, хотя, съ другой стороны, было бы желательно возможно скорѣйшее ихъ открытіе. Вотъ почему въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ я затрудняюсь высказаться сколько-нибудь опредѣленно въ пользу или противъ возобновленія учебныхъ занятій раньше предположеннаго министерствомъ крайняго срока (1-го марта), особенно въ виду тѣхъ опасеній, которыя выражены въ циркулярѣ г. министра отъ 31-го декабря.» Деканъ медицинскаго факультета обратилъ вниманіе на то, что циркуляръ этотъ возлагаетъ отвѣтственность на коллегію профессоровъ, а потому и дѣло о возобновленіи занятій должно быть рѣшено не въ правленіи, а въ совѣтѣ. Затѣмъ правленіе единогласно высказалось въ такомъ смыслѣ, что «такъ какъ оно не принимало участія въ разслѣдованіи дѣла о безпорядкахъ и не имѣетъ свѣдѣній объ ихъ причинахъ ни отъ попечителя округа, ни отъ инспектора, то поэтому оно не имѣетъ данныхъ, чтобы сказать съ увѣренностью, что безпорядки съ возобновленіемъ учебныхъ занятій не повторятся. Но имѣя въ виду заявленіе г. инспектора, что онъ не имѣетъ основаній опасаться безпорядковъ, правленіе, при общемъ желаніи открыть учебныя занятія возможно скорѣе ожидаетъ о томъ распоряженія отъ г. попечителя, если и Его Превосходительство съ своей стороны не встрѣчаетъ препятствій къ открытію производства испытаній и зачета полугодій». Деканъ историко-филологическаго факультета Бѣляевъ сверхъ того заявилъ, что на этомъ факультетѣ репетиціи и испытанія могутъ быть начаты теперь же, и что многіе студенты давно уже обращались къ нему съ вопросомъ о началѣ репетицій, которыя для нихъ тѣмъ болѣе важны, что только по зачетѣ полугодія можетъ быть воз-

буждено ходатайство о продолженіи имъ стипендій, безъ которыхъ многіе студенты окажутся безъ всякихъ средствъ. По вопросу о способахъ узнать мнѣніе всѣхъ профессоровъ относительно времени возобновленія занятій съ нѣкоторою увѣренностью въ сохраненіи спокойствія, ректоръ и деканы факультетовъ медицинскаго и юридическаго (Нелидовъ) полагали, что дѣло это должно быть перенесено въ совѣтъ, а деканы историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ (Ворошиловъ) и инспекторъ—что отзывы профессоровъ удобнѣе получить, чрезъ факультетскія собранія порознь, такъ какъ профессора болѣе компетентны въ сужденіяхъ о студентахъ только своего факультета и въ факультетскія собранія могутъ быть приглашены по этому дѣлу и приватъ-доценты. Послѣднее мнѣніе было одобрено и попечителемъ, и предложеніе министра отъ 23-го января было объявлено профессорамъ чрезъ факультетскія собранія. Изъ нападокъ ректора на инспектора и возраженій сего послѣдняго выясняются, между прочимъ, нижеслѣдующіе факты. Съ самаго вступленія своего въ должность ректора (28-го ноября 1885 г.) Н. А. Кремлевъ оказался крайне недоступнымъ для частныхъ свиданій и бесѣдъ: дома у себя онъ обыкновенно не принималъ инспектора, въ университетъ же приходилъ только на засѣданія правленія и совѣта и на лекціи, и его надобно было ловить въ промежуткахъ между лекціями и говорить съ нимъ большей частью при другихъ, что не всегда было удобно. При томъ же съ того времени, какъ инспекторъ истолковалъ § 14 правилъ о зачетѣ полугодій въ томъ смыслѣ, то не только инспекція, но и профессора обязаны слѣдить за исправнымъ посѣщеніемъ лекцій студентами, и что при разбросанности университетскихъ помѣщеній и при одновременности чтенія лекцій въ 12-ти и болѣе мѣстахъ и при необходимости чинамъ инспекціи находиться преимущественно при многолюдныхъ аудиторіяхъ нѣтъ для нея возможности знать, пошелъ ли студентъ, прибывшій въ университетъ, на лекцію или же въ какое-либо изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, ректоръ началъ относиться къ инспектору не совсѣмъ доброжелательно, что и

имѣло не мало вліянія на ходъ дѣлъ и на отношенія студентовъ къ инспекціи, а равно и на ходъ студенческихъ безпорядковъ 4-го декабря. Тѣмъ не менѣе всѣ сколько-нибудь выдающіеся случаи со студентами всегда были доводимы инспекторомъ до свѣдѣнія ректора: случаи смерти, самоубійства, «которыхъ, къ сожалѣнію, было не мало въ 1887 году», случаи заключенія въ карцеръ и т. д. О менѣе важныхъ случаяхъ выговоровъ и замѣчаній ректоръ могъ всегда освѣдомиться въ штрафной книгѣ и въ книгѣ простыхъ выговоровъ по п. а) § 31 правилъ (т.-е. безъ внесенія въ штрафную книгу). Какъ видно, инспекція въ Казанскомъ университетѣ вела какъ слѣдуетъ свое дѣло.

По возобновленіи лекцій въ ветеринарномъ институтѣ 3-го, а въ университетѣ 6-го февраля 1888 года попечитель округа отнесся къ Казанскому губернатору Андреевскому съ просьбою о содѣйствіи полиціи учебному начальству, опредѣливъ, въ чемъ это содѣйствіе должно состоять: 1) «такъ какъ опытъ бывшихъ въ декабрѣ безпорядковъ показалъ, что они организуются главнымъ образомъ въ такъ называемыхъ землячествахъ, и принятыя на этихъ землячествахъ рѣшенія распространяются между студентами на устраиваемыхъ негласно вечерахъ, то весьма желательно, чтобы полиція, отнюдь не дозволяя устройства такихъ вечеровъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обо всѣхъ сдѣлавшихся ей извѣстными собраніяхъ студентовъ по землячествамъ сообщала словесно или письменно мнѣ (попечителю) для принятія своевременно надлежащихъ мѣръ. 2) Весьма важно также для меня имѣть своевременно свѣдѣнія, не дѣйствуютъ ли нѣкоторыя постороннія лица вреднымъ образомъ на студентовъ, подбивая ихъ къ агитаціи и безпорядкамъ. 3) Если до свѣдѣнія полиціи дойдутъ какія-нибудь рукописныя или гектографированныя воззванія къ студентамъ, то я былъ бы очень признателенъ за доставленіе мнѣ ихъ для прочтенія». Далѣе, 4) попечитель сообщаетъ о слухахъ, будто нѣкоторые изъ удаленныхъ или исключенныхъ студентовъ намѣреваются возвратиться въ Казань, и проситъ этого до времени полнаго успокоенія не допускать. Наконецъ, 5) въ случаѣ обнаруженія вновь

какихъ-либо безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ просить предоставить учебному вѣдомству такія же помощь и содѣйствіе, какія были оказаны 4-го декабря. Казанскому губернатору дѣйствительно было предложено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не допускать впредь устройства какихъ-либо студенческихъ вечеровъ съ платою за входъ, такъ какъ сборы съ этихъ вечеровъ въ большинствѣ случаевъ поступали на увеличеніе средствъ студенческихъ землячествъ и на другія недозволенныя цѣли. Донося о тѣхъ попыткахъ, которыя дѣлались 4-го декабря, чтобы вовлечь студентовъ историко-филологическаго факультета въ безпорядки, и о совершенной безуспѣшности этихъ попытокъ, покойный попечитель Казанскаго округа присовокупилъ, что изъ 57 наличныхъ студентовъ этого факультета не было ни одного, сколько-нибудь прикосновеннаго къ дѣлу о безпорядкахъ 4-го декабря, и по этому поводу высказалъ нижеслѣдующее: «Это утѣшительное явленіе обусловливается, по моему мнѣнію, не столько хорошимъ составомъ студентовъ этого факультета и не столько даже составомъ наукъ, преподаваемыхъ въ немъ, сколько разумнымъ распредѣленіемъ занятій, при которомъ чтеніе лекцій правильно чередуется съ самостоятельными работами студентовъ подъ надзоромъ профессоровъ, весьма усердно и съ любовью относящихся и къ студентамъ, и къ своимъ научнымъ занятіямъ». Затѣмъ въ письмѣ своемъ отъ 25-го декабря 1887 г., № 675, первою мѣрою «для упорядоченія внутренняго строя университета и даже ветеринарнаго института» онъ признавалъ «приближеніе порядка занятій на всѣхъ факультетахъ университета и въ ветеринарномъ институтѣ, по возможности, къ порядку занятій, нынѣ принятому на историко-филологическомъ факультетѣ, отводя какъ можно болѣе мѣста, хотя бы и съ нѣкоторымъ ущербомъ для лекціонныхъ занятій, самостоятельнымъ работамъ студентовъ подъ обязательнымъ надзоромъ и руководствомъ преподавателей.»

Студенческіе безпорядки въ С.-Петербургѣ въ концѣ 1887 года.

Свѣдѣній объ этихъ безпорядкахъ сохранилось весьма мало въ дѣлахъ какъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и окружнаго управленія, и самого университета. Извѣстно только, что безпорядки эти достигали весьма крупныхъ размѣровъ, особенно 9-го, 10-го и 11-го декабря, что направлены они были главнѣйше противъ ректора Владиславлева, что возбуждены были противъ него столько же профессора, сколько и студенты, что пришлось прибѣгнуть къ помощи г. с.-петербургскаго градоначальника, по распоряженію котораго и было арестовано 9-го декабря въ самомъ университетѣ 67 студентовъ, что и затѣмъ безпорядки не прекращались и пришлось закрыть университетъ. Въ ночь на 11-е декабря поручено было приставу 1-го участка Василеостровской части арестовать 9 студентовъ, замѣченныхъ въ подстрекательствѣ товарищей къ безпорядкамъ. Изъ нихъ двое, не бывъ въ ту ночь разысканы въ своихъ квартирахъ, были на другой день вызваны приставомъ Араповымъ изъ университета подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ требуетъ къ себѣ градоначальникъ, и затѣмъ были арестованы. Узнавъ объ этомъ, профессора Бекетовъ и Менделѣевъ, не стѣсняясь присутствіемъ студентовъ, во всеуслышаніе говорили, что полиція не имѣетъ права производить аресты въ стѣнахъ университета, заявили то же самое ректору и просили возбудить судебное преслѣдованіе противъ пристава Арапова.

Въ самомъ управленіи обнаружилось раздвоеніе: только ректоръ, инспекторъ и деканъ факультета восточныхъ языковъ были въ пользу того, чтобы изъ числа удаленныхъ принять обратно тѣхъ, кто дастъ письменное обязательство, подкрѣпленное честнымъ словомъ, воздерживаться впредь отъ всякаго участія въ сходкахъ и всякаго рода безпорядкахъ. Всѣхъ исключенныхъ и удаленныхъ за безпорядки изъ С.-Петербургскаго университета оказалось больше чѣмъ изъ какого-либо другого, отдѣльно взятаго, высшаго учебнаго заведенія, а именно 74 человѣка.

Однимъ изъ студентовъ С.-Петербургскаго университета было получено и доставлено въ министерство письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Все русское студенчество недавно сдѣлало попытку освободиться отъ гнета постановленій новаго университетскаго, устава губящихъ свободу науки полными произвола программами и распредѣленіями университетскихъ чтеній, губящихъ нашу студенческую свободу и товарищество, приводящихъ къ порядкамъ, прямо оскорбительнымъ для нашего человѣческаго достоинства... Нашъ протестъ выразился въ томъ, что мы лишились 72-хъ (вѣрнѣе, 74-хъ) товарищей... Соберемтесь вновь въ университетскихъ стѣнахъ спокойно, безъ шума (не въ протестѣ дѣло) и, пригласивъ къ себѣ кого-нибудь изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ, попросимъ довести до свѣдѣнія министра наше заявленіе о полномъ единодушіи всѣхъ насъ съ 72-мя товарищами. Кто намъ не сочувствуетъ, пусть о томъ заявитъ инспекціи, какъ это недавно сдѣлали нѣкоторые изъ студентовъ Медицинской Академіи...» «... Тѣ измѣненія настоящихъ порядковъ, которыхъ мы добиваемся: 1. Пересмотръ и измѣненіе постановленій, которыя оказались прямо вредными дѣлу науки, вводя подъ именемъ «академической свободы» искусственную регламентацію науки, не имѣющую болѣе научныхъ основаній, чѣмъ чиновничій произволъ ихъ авторовъ (хорошія иллюстраціи: программа филологическаго факультета и экзаменныя требованія для того же факультета). 2. Возвращеніе университетской автономіи: а) избраніе ректора профессорами сдѣлаетъ немыслимымъ появленіе на этомъ почетномъ мѣстѣ людей, подобныхъ Владиславлеву; б) университетскій судъ избавитъ студенчество отъ безконтрольныхъ распоряженій инспекціи, погубившей столько нашихъ товарищей; доносы потеряютъ силу истинъ, не требующихъ доказательства, и, слѣдовательно, естественно кончится процвѣтаніе сплетничества, которому принадлежитъ львиная доля заслугъ нашей инспекціи. 3. Устраненіе инспекціи отъ вмѣшательства въ раздачу стипендій, цѣль коихъ есть поощреніе способныхъ къ наукѣ, а не къ искательству. 4. Отмѣна безнравственныхъ правилъ, преслѣдующихъ

товарищество во всѣхъ его проявленіяхъ (научно-литературныя общества, землячества, студенческія кассы). 5. Смѣна ректора Владиславлева, доказавшаго полную свою несостоятельность и какъ ученый, и какъ ректоръ, и какъ человѣкъ... Просятъ эти листки передавать по прочтеніи кому-либо изъ товарищей... Нелѣпость и безнравственность лѣтняго циркуляра о гимназіяхъ сами по себѣ привели уже къ неоффиціальному приказу о неисполненіи его предписаній. Мы думаемъ, что не зачѣмъ просить профессоровъ доложить министру о нашихъ требованіяхъ. Мы доведемъ ихъ до свѣдѣнія вліятельныхъ людей, пользующихся честною славой, посылая имъ эти листки».

Студенческіе безпорядки въ С.-Петербургскомъ университетѣ 1890 г.

15-го марта проф. Менделѣевымъ была принята на сходкѣ студентовъ «петиція» и тотчасъ же препровождена имъ съ посыльнымъ къ г. министру народнаго просвѣщенія безъ всякаго письма въ конвертѣ съ надписью (послѣ титула, имени, отчества и фамиліи г. министра): «отъ проф. Менделѣева, которому передана влагаемая бумага». «Бумага» эта нижеслѣдующаго содержанія:

Петиція студентовъ С.-Петербургскаго университета господину министру народнаго просвѣщенія.

Въ среду, 14-го марта, намъ впервые была дана возможность выразить передъ коллегіей уважаемыхъ профессоровъ съ ректоромъ во главѣ наши необходимыя нужды и горячія желанія.

Твердо увѣренные изъ горькаго опыта въ настоятельной необходимости реформъ университетскихъ порядковъ, мы убѣждены, что наши желанія вполнѣ осуществимы, и формулируемъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

Мы желаемъ, чтобы уставъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній былъ основанъ на началахъ автономіи, чтобы ректоръ и профессора были избираемы согласно университетскому уставу 1863 г., чтобы были

учреждены университетскій и студенческій судъ, а также признаны студенческія корпораціи.

Мы желаемъ, чтобы всѣ, окончившіе средне-учебныя заведенія, безъ различія вѣроисповѣданія, общественнаго положенія и безъ всякихъ тайныхъ характеристикъ со стороны гимназическаго начальства и полиціи, имѣли свободный доступъ въ университетъ.

Наконецъ, мы увѣрены, что, наряду съ этимъ, нашимъ профессорамъ можетъ быть дана свобода преподаванія, прежде существовавшая по уставу 1863 г.

Наше глубокое убѣжденіе въ томъ, что всѣ эти послѣдовательно проведенныя измѣненія въ смыслѣ нашихъ желаній будутъ содѣйствовать развитію студенческой жизни, и только они могутъ обусловить нормальное теченіе ея.

Мы настаиваемъ теперь же на уничтоженіи полицейскихъ функцій инпекціи, пониженіи платы и въ частности, по отношенію къ нашему университету, на возстановленіи научно-литературнаго общества, существовавшаго до 1887 г., и студенческой читальни.

Впервые пользуясь возможностью изложить свои желанія, не выходя изъ границъ законности, мы твердо вѣримъ въ то, что подобный способъ выраженія своихъ нуждъ войдетъ въ обиходъ студенческой жизни.

Студенты С.-Петербургскаго университета.

Изъ «петиціи» этой какъ бы явствуетъ, что 14-го марта существенное содержаніе ея было заявлено и выслушано если не коллегіей, то нѣсколькими «уважаемыми» профессорами и въ томъ числѣ ректоромъ, и что изъ происходившаго по этому поводу обмѣна мыслей студенты вывели заключеніе, что имъ разрѣшено изложить письменно ихъ желанія для доведенія ихъ до свѣдѣнія высшаго начальства, и одинъ изъ «уважаемыхъ» профессоровъ дѣйствительно принимаетъ отъ нихъ эту «петицію» и тутъ же самымъ безцеремоннымъ образомъ отсылаетъ ее къ г. министру. Она была возвращена г. Менделѣеву 16-го марта при слѣдующей бумагѣ: «По приказанію министра народнаго просвѣщенія прилагаемая бумага возвращается дѣйствительному статскому совѣтнику профессору Менделѣеву, такъ

какъ ни министръ и никто изъ состоящихъ на службѣ Его Императорскаго Величества лицъ не имѣетъ права принимать подобныя бумаги».

Послѣ того, что было 14-го и 15-го марта, весьма естественно, что студенты во всѣ слѣдующіе дни производили безпорядки и въ университетѣ, и на улицѣ, пока масса ихъ не была арестована 17-го и 19-го марта.

19-го марта были задержаны полиціей на улицѣ за участіе въ безпорядкахъ 131 студентъ, и затѣмъ 22-го марта они были освобождены изъ-подъ ареста съ объявленіемъ имъ, за подписками, что въ случаѣ принятія вновь участія въ безпорядкахъ они будутъ лишены права жительства въ столицѣ, арестованные же (въ числѣ 120 человѣкъ) какъ 17-го, такъ и 19-го марта въ самомъ зданіи университета, какъ принимавшіе болѣе близкое и болѣе дѣятельное участіе въ безпорядкахъ, были оставлены подъ арестомъ въ полицейскихъ участкахъ до 24-го марта, когда участь ихъ была рѣшена правленіемъ университета.

Правленіе отнеслось довольно снисходительно къ виновнымъ, и изъ нихъ только 2 исключены, въ томъ числѣ 1—6-го семестра и 1—8-го, и 20 уволены безъ права обратнаго поступленія въ университетъ, въ томъ числѣ 14—8-го семестра, такъ что зачинщиками безпорядковъ здѣсь были преимущественно студенты старшихъ курсовъ. Сверхъ того принимали въ нихъ участіе трое получившихъ свидѣтельство объ окончаніи полнаго курса, за что лишены свидѣтельства объ ихъ благонадежности, 98 студентамъ сдѣланъ выговоръ съ предвареніемъ объ удаленіи и съ лишеніемъ права на степендіи и другія льготы. Изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній принялъ нѣкоторое участіе въ безпорядкахъ также Лѣсной Институтъ, и изъ него были исключены 2 и уволены 13 человѣкъ. Всѣхъ исключенныхъ и уволенныхъ за безпорядки въ мартѣ 1890 г. было: изъ Петровской Академіи 31, изъ Московскаго университета 58, изъ Харьковскаго ветеринарнаго института 45, изъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства 120, изъ С.-Петербургскаго технологическаго института 25, изъ лѣсного института 15 и изъ С.-Петербургскаго университета 22,—всего 316 человѣкъ.

По окончаніи безпорядковъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія было получено по городской почтѣ гектографированное весьма пространное воззваніе, озаглавленное: «Къ русскому обществу отъ учащейся молодежи», имѣющее цѣлью «выяснить внутренній смыслъ все чаще и чаще повторяющихся волненій въ средѣ товарищей». Здѣсь въ сущности повторяются все тѣ же требованія, что и въ различныхъ петиціяхъ; но особенность воззванія заключается въ томъ, что оно преимущественно возстаетъ противъ «программъ», стѣсняющихъ (будто бы) преподаваніе», то есть, вѣроятно, противъ экзаменныхъ программъ, такъ какъ другихъ по крайней мѣрѣ въ университетахъ, которыя были бы даны правительствомъ, не имѣется. «Стоитъ ли пояснять—говорится въ воззваніи—что наука не можетъ укладываться въ рамки программъ, что программа для преподаванія и изученія науки есть могила науки, какъ инструкція для судьи—могила правосудія. Равно навязываніе того или другого предмета для изученія вовсе не ведетъ къ научному образованію...» «Многіе сѣли на эти скамьи и съ талантами и съ жаждой истины, добра и красоты. И этотъ талантъ, и эту жажду сломила программная регламентированная наука». Воззваніе оканчивается обращеніемъ къ обществу помочь горю своимъ вмѣшательствомъ въ дѣло. «Вспомните, что и на вашей обязанности сказать слово правды, что ваши дѣти если не губятся, то будутъ погублены той нелѣпой школой съ тѣми нелѣпыми уставами, регламентаціями и воспрещеніями, какіе губятъ насъ. Вспомните и подумайте, что и какъ слѣдовало бы Вамъ—обществу—сдѣлать, чтобы помочь горю, и если можно—сдѣлайте. Исторія помянетъ Васъ добрымъ словомъ. Петербургъ. Мартъ 1890 г.»

Эти все чаще и чаще повторяющіеся безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должны были напомнить, что задача, возложенная еще въ 1882 г. на особое совѣщаніе изъ гг. министровъ—изыскать мѣры къ устраненію означенныхъ безпорядковъ, осталась до сихъ поръ безъ разрѣшенія, и дѣло это не было доведено до конца. Доведя до свѣдѣнія Государя Императора о безпорядкахъ, которые въ минув-

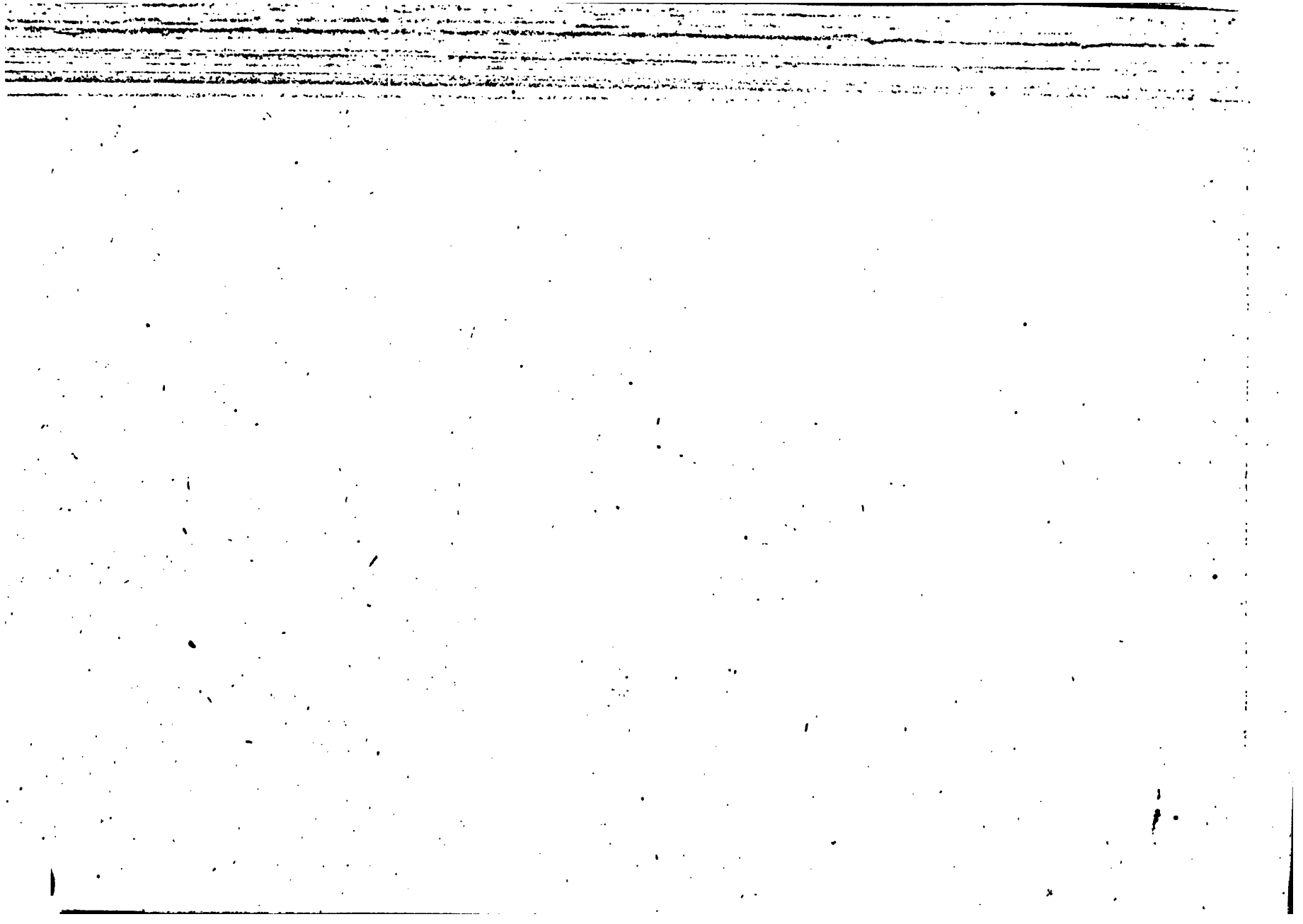
шемъ мартѣ имѣли мѣсто, между прочимъ, въ Петровской сельско-хозяйственной Академіи, г. министръ государственныхъ имуществъ «счелъ своимъ долгомъ всеподданнѣйше доложить Его Императорскому Величеству, что причины этихъ безпорядковъ, какъ выяснено произведенными изслѣдованіями, коренятся съ одной стороны въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ Академія возникла и продолжаетъ существовать, а съ другой—въ общихъ всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ условіяхъ; послѣднія же заключаются главнымъ образомъ въ легкой доступности студентовъ вредному вліянію извнѣ, при полномъ убѣжденіи ихъ, что отвѣтственность за безпорядки падаетъ только на незначительное число лицъ, тогда какъ большинство ускользаетъ отъ взысканій. Находя съ своей стороны, что принятіе какихъ-либо мѣръ противъ частныхъ причинъ безпорядковъ въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи не можетъ привести къ благопріятнымъ результатамъ, помимо устраненія общихъ причинъ таковыхъ безпорядковъ», статсъ-секретарь М. Н. Островскій «представилъ на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора о томъ, не благоугодно ли будетъ Его Величеству повелѣть ему войти въ сношеніе съ подлежащими министрами относительно новаго обсужденія разсматривавшагося въ 1884 г. въ комитетѣ министровъ вопроса о мѣрахъ къ устраненію безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ». На таковое предположеніе Государь Императоръ 9-го апрѣля 1890 г. соизволилъ, и затѣмъ возникло предположеніе образовать особое совѣщаніе въ прежнемъ его составѣ, а именно: изъ гг. министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, военнаго, юстиціи, путей сообщенія и государственныхъ имуществъ, оберъ-прокурора Св. Синода и управляющаго морскимъ министерствомъ.

Содержаніе.

стр.

Характеръ студенческихъ безпорядковъ 1
Вредныя ихъ послѣдствія . . . . . —
Подчиненіе студентовъ общей полиціи и учеб. начальству (1858—1861 г.) 3
Запрещеніе всякихъ сходокъ и депутацій и отмѣна форменной одежды. 4
Уставъ 1863 года 5
Ограниченіе числа студентовъ польскаго происхожденія . . . . . —
Комиссія графа И. Д. Делянова 1866 г. и положеніе Комитета Министровъ 1867 г. 6
Комитетъ 1869 г. подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова 7
Совѣщаніе гг. Министровъ 1874 г. подъ предсѣдательствомъ графа П. А. Валуева 9
Комиссія по пересмотру университетскаго устава 1863 г. 13
Настроеніе профессоровъ въ университетахъ: 14
а) С.-Петербургскомъ . . . . . —
б) Московскомъ и в) Казанскомъ . . . . . —
Представленіе Совѣта С.-Петербургскаго университета о причинахъ студенческихъ безпорядковъ и о мѣрахъ къ ихъ устраненію (29-го декабря 1878 г.) 15
Особое мнѣніе проф. Ленца 22
Запросъ г. Попечителя округа и отвѣтъ на него Совѣта 23
Мнѣніе г. Попечителя округа по поводу записки Совѣта 25
Отвѣтъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія на представленіе Совѣта С.-Петербургскаго университета 29
Участіе воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ противогосударственной пропагандѣ съ половины 1873 г. по 1-е января 1877 г. . 33
Проектъ средняго исправительнаго учебнаго заведенія (1878—1879 г.) —
Новое устройство университетской инспекціи въ 1879 г. 36
Причины безуспѣшности мѣръ 1879 г. къ упорядоченію университетовъ 48
Недостатокъ прежнихъ порядковъ по надзору за студентами и преимущества новыхъ 50
Безпорядки и смуты въ университетахъ послѣ 1-го марта 1881 г. 53
Совѣщаніе гг. Министровъ 20-го ноября 1882 г. 56
Вопросъ о лишеніи всѣхъ льготъ по воинской повинности уволенныхъ за безпорядки изъ учебныхъ заведеній 58
Совѣщаніе гг. Министровъ 18-го марта 1883 г. 65
Порядокъ отдачи въ дисциплинарные батальоны 66
Совѣщаніе гг. Министровъ 10-го іюня 1883 г. 68
Доводы противъ принудительнаго отбыванія воинской повинности уволенными за безпорядки изъ учебныхъ заведеній 69
Доводы въ пользу принудительнаго отбыванія воинской повинности уволенными за безпорядки изъ учебныхъ заведеній 76
Дѣло 1-го марта 1887 г. и мѣры къ болѣе осмотрительному пріему въ высшія учебныя заведенія 92
Студенческіе безпорядки въ Казани 101
Студенческіе безпорядки въ С.-Петербургѣ въ концѣ 1887 г. . . . .
Студенческіе безпорядки въ С.-Петербургскомъ университетѣ . . . . .

Инв. 17085



Выпускъ II

МАТЕРІАЛЫ

по исторіи студенческаго движенія въ Россіи.

Докладъ Комиссіи Московскаго Университета
1901 года

о причинахъ студенческихъ волненій.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ".
ЛОНДОНЪ,—С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

Электропечат. Я. Левенштейнъ, Екатерингоф. пр., 10—19.

ДОКЛАДЪ КОМИССІИ

избранной

Совѣтомъ Московскаго Университета

28 февраля 1901 г.

для выясненія

причинъ студенческихъ волненій и мѣръ къ упорядоченію университетской жизни.

I. ВВЕДЕНІЕ.

Историческій очеркъ студенческихъ волненій. Исполняя порученіе Совѣта Московскаго университета изслѣдовать причины происшедшихъ въ нынѣшнемъ году студенческихъ волненій и указать мѣры противъ повторенія подобныхъ явленій, Комиссія считаетъ необходимымъ бросить взглядъ назадъ, на предшествовавшіе университетскіе безпорядки. Комиссія полагаетъ, что уже изъ этого краткаго обзора фактовъ, нарушавшихъ нормальное теченіе университетской жизни, обнаружатся *двѣ главнѣйшія причины* нашихъ неурядицъ.

Студенты нашего университета не разъ приходили въ волненіе въ теченіе послѣдняго полувѣка. Но долгое время такія волненія имѣли чисто случайный характеръ; они вызывались какимъ-нибудь неожиданнымъ событіемъ или какой-нибудь мѣрой, стѣснявшей университетскую молодежь. Такъ первое волненіе въ Московскомъ университетѣ въ сентябрѣ 1857 г. было вызвано случайнымъ столкновеніемъ между полиціей и кучкой студентовъ, собравшихся на вечеринку и не хотѣвшихъ впустить полицію. Слѣдствіемъ этого было то, что студенты были насильно отведены въ *кварталъ,* при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были ранены. Вѣсть объ этомъ на слѣдующее утро облетѣла аудиторіи и вызвала сходки въ университетскомъ саду и депутаціи къ ректору и попечителю. Спокойствіе было скоро возстановлено ,и волненіе окончилось отеческимъ выговоромъ ректора Альфонскаго членамъ депутаціи. Волненіе быстро прекратилось, благодаря внимательному и предупредительному отношенію университетскаго начальства къ возбужденной молодежи и тому, что старшіе курсы овладѣли движеніемъ.

Болѣе продолжительны и серьезны были слѣдующіе безпорядки 1861 г., вызванные введеніемъ матрикулъ и по-

становкой желѣзной рѣшетки въ вестибюлѣ новаго университета. Безпорядки, какъ, вѣроятно, еще помнятъ нѣкоторые члены Совѣта, тогда впервые перешли на улицу и привели къ столкновенію съ полиціей, не имѣвшему печальныхъ послѣдствій. Скоро улеглись безпорядки, унесшіе съ собой и матрикулы, и самую рѣшетку въ преддверіи къ университету.

Совсѣмъ иной характеръ приняли впослѣдствіи университетскіе безпорядки.

Въ послѣднія полтора десятилѣтія студенческія волненія стали обычнымъ, почти ежегоднымъ явленіемъ въ жизни Московскаго университета. Годы, прошедшіе совершенно спокойно, безъ студенческихъ сходокъ и экстренныхъ засѣданій правленія по поводу ихъ, можно считать исключительными. Изъ 14 академическихъ годовъ, протекшихъ съ сентября 1887 года, такими необычайными мирными годами можно признать развѣ только пять (1888—1889, 1891—1892, 1892—1893, 1897—1898 и 1899—1900). На остальныя 9 лѣтъ можно насчитать до восьми болѣе или менѣе крупныхъ студенческихъ «исторій», не принимая въ счетъ минутныхъ вспышекъ, погасавшихъ безъ серьезныхъ послѣдствій.

Столь напряженная практика установила въ ходѣ самыхъ безпорядковъ извѣстный порядокъ, своего рода рутину. Поводы были довольно разнообразны; наиболѣе обычными служили либо недовольство инспекторомъ или какимъ-либо профессоромъ, или панихида по какомъ-либо популярномъ писателѣ, какъ было въ 1890 и 1891 гг., или по жертвамъ Ходынскаго несчастія 1896 г., наконецъ, безпорядки, происшедшіе въ другихъ университетахъ, какъ было въ 1899 и текущемъ году. Такимъ образомъ, по началу своему студенческіе безпорядки могутъ быть раздѣлены на два разряда: это—или волненія, вызванныя со стороны чѣмъ-либо, возбудившимъ тревогу или недовольство въ средѣ студентовъ, либо демонстраціи, предпринятыя ими при подвернувшемся случаѣ по собственному побужденію для заявленія своихъ чувствъ и требованій, обращенныхъ къ начальству. Но независимо отъ начальнаго

повода дальнѣйшій ходъ дѣла былъ довольно однообразенъ. Возникшее движеніе вело прежде всего къ сходкѣ въ оградѣ университета или внѣ его. Сходка, достигнувъ извѣстныхъ размѣровъ и болѣе или менѣе бурнаго развитія, вызывала вмѣшательство полиціи, аресты, судъ правленія, наказанія, высылки. Заступничество за потерпѣвшихъ товарищей вело къ новой сходкѣ съ новыми требованіями, съ депутаціями къ ректору, иногда съ уличными побоищами и всегда съ новыми жертвами: правленіе опять судило, полиція опять арестовывала и высылала и такъ далѣе въ установленномъ порядкѣ. Такъ безпорядокъ питался самъ собой, своими собственными послѣдствіями. По временамъ движеніе нѣсколько разнообразилось: моменты его отступали отъ своей обычной очереди, самыя формы измѣнялись или осложнялись; такъ, въ послѣдніе годы къ сходкамъ присоединились забастовки. Но характеръ и результаты волненій отъ того измѣнялись мало: студенчество приходило въ крайне возбужденное состояніе, аудиторіи рѣдѣли или совсѣмъ пустѣли, цѣлые семестры пропадали для учащихъ и учащихся, большее или меньшее количество студентовъ волей или неволей уходило изъ университета.

Вотъ извлеченныя изъ дѣлъ канцеляріи инспекціи свѣдѣнія о числѣ студентовъ, уволенныхъ изъ Московскаго университета въ 1887—1899 гг. за участіе въ безпорядкахъ: I. по постановленіямъ правленія и II. вслѣдствіе ареста и административной высылки:

	I.	II.
Ноябрь 1887 г.	57	36
Мартъ 1890 г.	454	111
Апрѣль 1891 г.	14	16
Ноябрь и декабрь 1894 г. .	3	49
Ноябрь 1896 г.	26	97
Февраль и мартъ 1899 г. .	840	199
	1394	508

Эти цифры довольно наглядно показываютъ и стоимость студенческихъ безпорядковъ, и практическое дѣйствіе мѣръ, какія противъ нихъ были направляемы.

Въ этихъ безпорядкахъ обнаружились явленія, которыя представляются немаловажными въ виду задачъ, возложенныхъ на Комиссію. Это, во-первыхъ, отношеніе профессорской коллегіи къ студенческимъ безпорядкамъ, а во-вторыхъ, нѣкоторыя особенности студенческой среды, вскрывавшіяся во время и подъ вліяніемъ безпорядковъ.

Профессорскую коллегію на оффиціальномъ засѣданіи Совѣта или въ особомъ собраніи профессоровъ иногда оповѣщали о ходѣ безпорядковъ и даже призывали къ активному участію въ борьбѣ съ ними. Чувствовали, что въ этой борьбѣ трудно обойтись безъ помощи нравственнаго воздѣйствія профессоровъ на учащуюся молодежь. Когда безпорядки, вызванные оскорбленіемъ инспектора Брызгалова, разгорѣлись, и въ ноябрѣ 1887 г. чтеніе лекцій въ Московскомъ университетѣ съ Высочайшаго разрѣшенія было пріостановлено, возникъ вопросъ, безопасно ли возобновлять прерванныя въ университетѣ учебныя занятія въ предстоявшее весеннее полугодіе 1888 г. и когда именно безопасно ихъ возобновить. Министерство Народнаго Просвѣщенія предполагало отсрочить открытіе занятій до марта съ тѣмъ, чтобы продолжать ихъ до 15 іюля. Но при этомъ Министерство полагало, что если бы профессора, коимъ «ближе можетъ быть извѣстно настроеніе учащагося юношества и на которыхъ, какъ на наставникахъ онаго ближайшимъ образомъ лежитъ священная обязанность направить своихъ слушателей къ началамъ порядка и благоразумія, признали возможнымъ возобновить занятія до предположеннаго срока съ *увѣренностью,* что спокойствіе не будетъ нарушено», то занятія могли бы быть возобновлены постепенно до 1-го февраля (Предложеніе Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 31 декабря 1887 г.). Два факультета прямо отказали въ выраженіи такой увѣренности, третій уклонился отъ отвѣта, а четвертый выразилъ увѣренность, какъ довѣріе къ благонравію и благоразумію значительнаго большинства студентовъ, и студенты оправдали это довѣріе. Послѣ того въ прочитанномъ Совѣту предложеніи министра говорилось, что «при устроеніи университетскаго быта на основаніи устава 1884 года Министерство Народ-

наго Просвѣщенія руководилось тѣмъ убѣжденіемъ, что между преподавателями университетовъ и студентами должна существовать крѣпкая нравственная связь и постоянное общеніе». Съ этою цѣлью расширены практическія занятія и введены совѣщательные часы, дающіе возможность студентамъ обращаться съ своими недоразумѣніями и вопросами къ преподавателю. Министерство указывало, что, пользуясь этими средствами научнаго общенія съ юношествомъ, преподаватели могутъ разъяснить ему его обязанности и долгъ предъ университетомъ и отечествомъ. Министерство признавало «священнымъ долгомъ убѣдительнѣйше просить профессоровъ и преподавателей Московскаго университета употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства для воздѣйствія въ добрую на студентовъ сторону», и прибавляло, что Московскій университетъ, старѣйшее высшее учебное заведеніе въ Имперіи и во многихъ отношеніяхъ, особенно по своимъ научнымъ силамъ, «одинъ изъ первенствующихъ университетовъ въ Россіи, долженъ возвышаться надъ другими учебными заведеніями не только достоинствомъ своихъ научныхъ силъ, но и нравственной развитостью своихъ студентовъ». Въ заключеніе Министерство выражало увѣренность, что преподавательскій составъ университета всѣми силами своими будетъ содѣйствовать водворенію спокойствія и предотвратить то печальное положеніе, въ коемъ могутъ оказаться и студенты, да и сами преподаватели при болѣе или менѣе продолжительномъ закрытіи университета въ случаѣ возобновленія безпорядковъ. Въ засѣданіи 26-го марта 1888 г. 39 профессоровъ обратились къ ректору съ просьбой предложить на обсужденіе Совѣта составленный ими отвѣтъ на это предложеніе министра. Изъ этихъ 39 профессоровъ 21 досель состоятъ членами Совѣта и, конечно, хорошо помнятъ этотъ необычный случай. Въ отвѣтѣ, подтверждая уже выраженную полную готовность содѣйствовать успокоенію студентовъ, профессора заявили, что они «въ своихъ усиліяхъ къ поддержанію спокойнаго теченія университетскихъ занятій руководятся единственно сознаніемъ нравственнаго и служебнаго долга и что всякія соображенія о печаль

номъ положеніи, въ коемъ могутъ оказаться преподаватели въ случаѣ возобновленія безпорядковъ, они отстраняютъ отъ себя, находя, что побужденія личнаго интереса къ исполненію этого долга несовмѣстны ни съ ихъ честью, ни съ достоинствомъ того учрежденія, которому они служатъ». Совѣтъ единогласно принялъ этотъ отвѣтъ.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ въ ходѣ тогдашнихъ университетскихъ событій другой случай. Еще раньше изложеннаго мартовскаго отвѣта Совѣта на предложеніе министра, на засѣданіи 5 января 1888 года, при обсужденіи вопроса о возможности своевременнаго открытія лекцій во второмъ полугодіи, на вопросъ, находитъ ли Совѣтъ необходимымъ и своевременнымъ объясненіе причинъ, вызвавшихъ и могущихъ впредь вызывать безпорядки среди студентовъ, Совѣтъ большинствомъ 34 голосовъ противъ 24 отвѣтилъ отрицательно. Къ большинству присоединились попечитель, ректоръ и три декана. Такъ далеки еще были тогда многіе отъ мысли, что происшедшіе безпорядки явленіе не случайное, вызванное личностью инспектора, хотя историко-филологическій факультетъ въ своемъ мнѣніи тогда же счелъ своимъ долгомъ прямо заявить, что «безпорядки возникли на почвѣ недовольства, вызываемаго нѣкоторыми общими и глубокими причинами», и указалъ на двѣ главныя причины: ненормальное положеніе инспекціи и недостаточно обдуманный Министерствомъ способъ введенія новаго учебнаго порядка въ университетахъ.

Такъ упущенъ былъ благопріятный моментъ для изученія настроенія среды, на которую хотѣли воздѣйствовать, и лишили себя средствъ сообразить цѣлесообразные способы воздѣйствія. Союзный Совѣтъ тогда находился еще въ начальной порѣ своей дѣятельности, ограничиваясь дѣлами земляческой взаимопомощи и еще не имѣя диктаторской власти надъ студенчествомъ, какую онъ пріобрѣлъ вскорѣ, пользуясь, между прочимъ, и незнакомствомъ университетскаго начальства и профессоровъ съ характеромъ и истинными причинами возникшаго среди студенчества броженія. Излишняя осторожность взрослыхъ и на этотъ разъ явилась помощницей неосмотрительнаго увлеченія

молодежи. Даже послѣ безпорядковъ 1894 г., когда вскрылась оппозиціонная дѣятельность Союзнаго Совѣта, среди профессоровъ все еще не могъ установиться опредѣленный взглядъ на характеръ и причины студенческаго броженія. Эти безпорядки вызывали оживленную дѣятельность учебнаго управленія, особенно усилившуюся по минованіи ихъ и направленную къ предупрежденію ихъ повторенія. Въ январѣ 1895 года въ университетѣ вывѣшено было объявленіе Министра Народнаго Просвѣщенія къ студентамъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Министерство, извѣщенное, что «кружкомъ неблагонамѣренныхъ людей распространяется среди учащихся мысль о необходимости измѣненій въ дѣйствующихъ уставахъ высшихъ учебныхъ заведеній» и усиленно собираются подписи подъ петиціей въ этомъ смыслѣ, объявляло, что всякая такая петиція будетъ оставлена безъ послѣдствій, и выражало надежду на «благоразуміе огромнаго большинства студентовъ» Съ цѣлью предотвратить повтореніе безпорядковъ послѣ рождественскихъ каникулъ, принимали мѣры противъ предположеннаго общаго съѣзда въ Москвѣ делегатовъ отъ всѣхъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній для составленія петиціи на Высочайшее имя, устанавливали строгій надзоръ за входомъ въ аудиторіи и учебно-вспомогательныя учрежденія. Въ особомъ собраніи 29-го декабря 1894 г. профессора были ознакомлены съ положеніемъ университета и особенно съ дѣятельностью Союзнаго Совѣта землячествъ и, признавъ серьезность положенія, нашли необходимымъ безотлагательно оказать администраціи университета нравственную поддержку, съ каковою цѣлью въ томъ же собраніи составили заявленіе о томъ, что они, профессора, въ первый разъ получивъ надлежащія свѣдѣнія о дѣятельности Союзнаго Совѣта землячествъ, признаютъ его вреднымъ и подрывающимъ основы университетской жизни, не касаясь, однако, вопроса о самихъ землячествахъ, о которыхъ не имѣлось данныхъ для сужденія.

Впрочемъ, когда получились данныя для сужденія, возникла и мысль о необходимости изучить положеніе

дѣлъ, чтобы цѣлесообразно на него воздѣйствовать. По поводу извѣстныхъ волненій, начавшихся въ 1895 г. на старшихъ курсахъ медицинскаго факультета, несомнѣнно на почвѣ общаго настроенія студенчества, ректоръ призналъ необходимымъ прежде примѣненія карательныхъ мѣръ прибѣгнуть къ наставническому содѣйствію профессоровъ и въ ноябрѣ пригласилъ на совѣщаніе 28 членовъ того факультета. Изъ сообщеннаго Совѣту университета доклада видно, что въ это дѣло вмѣшался не тайный Союзный Совѣтъ, а открытыя курсовыя организаціи, и потому оно могло быть разслѣдовано достаточно обстоятельно (Журналъ засѣданія Совѣта 16-го декабря 1895 г., статья 6). Депутація изъ старостъ съ подстаростами явилась къ профессорамъ съ курсовыми рѣшеніями и объявляли одному, что студенты не признаютъ его профессоромъ, другому— что курсъ выражаетъ неудовольствіе на образъ его дѣйствій, прибавляя, что хотя депутація и не уполномочена выслушивать его, проф. Захарьина, объясненія, но частнымъ образомъ готова выслушать его и передать товарищамъ его слова. Въ заключеніи доклада читаемъ, что при обсужденіи фактическихъ обстоятельствъ, сообщенныхъ собранію ректоромъ, «одной части собравшихся профессоровъ данное положеніе вещей представлялось ненормальнымъ, но не особенно серьезнымъ, представляющимъ заурядное явленіе и вытекающимъ изъ условій преподаванія по уставу 1884 г., другой же части профессоровъ то же самое положеніе, наоборотъ, казалось чрезвычайно серьезнымъ и обусловленнымъ глубокими хроническими причинами, которыя требуютъ полнаго и всесторонняго разслѣдованія, чтобы возможно было настоящимъ образомъ лѣчить хроническую болѣзнь». Однако, мѣръ для такого полнаго и всесторонняго разслѣдованія по документамъ не видно.

Между тѣмъ признаки, обнаружившіеся во время студенческихъ волненій, ярко выражали характеръ броженія и даже намекали на его причины. На допросахъ въ Правленіи университета по дѣлу объ оскорбленіи инспектора Брызгалова нѣкоторые студенты прямо признавались, что

сочувствуютъ виновнику поступка за руководившія имъ побужденія, но сами бы такого поступка себѣ не позволили. Легкость, съ какою молодые люди вовлекались въ безпорядки, въ значительной степени объясняется этимъ недоразумѣніемъ, будто въ нравственной оцѣнкѣ поступковъ можно раздѣлять мотивы и формы, въ которыхъ они выражаются. Особенно много характерныхъ въ этомъ отношеніи симптомовъ дали безпорядки, какими сопровождалась попытка отслужить панихиду по жертвамъ несчастнаго событія на Ходынскомъ полѣ. Эти черты отмѣчены въ прочитанномъ Совѣту докладѣ попечителя округа (Журналъ засѣданія Совѣта 14 декабря 1896 г., ст. 25). Кромѣ манифестантовъ, масса студенчества 18 ноября оставалась спокойной, и занятія въ университетѣ шли обычнымъ порядкомъ. Но видъ 400 товарищей, которые, возвращаясь съ Ваганькова, близъ самаго университета были оцѣплены полиціей (въ первомъ часу дня) и отведены въ манежъ, произвелъ замѣтное возбужденіе, а вывѣшенное въ другой день въ университетѣ объявленіе съ укоризненнымъ указаніемъ на вчерашніе уличные безпорядки обидѣло студентовъ; ночной арестъ 26 изъ отпущенныхъ наканунѣ манифестантовъ усилилъ броженіе. На сходкѣ 19-го ноября студенты (около 400 человѣкъ) были уже въ такомъ взволнованномъ состояніи, что казались «неспособными слушать и понимать какіе-либо аргументы». Депутаты объяснялись съ ректоромъ возбужденно, переходя порою въ рѣзкость и грубость, впрочемъ, тотчасъ понижая тонъ по требованію болѣе сдержанныхъ товарищей. Они просили ректора ходатайствовать объ освобожденіи арестованныхъ, въ томъ числѣ и ихъ «лучшихъ людей» (Союзнаго Совѣта), объ огражденіи студентовъ отъ произвола полиціи, о снятіи обиднаго объявленія, а изъ заднихъ рядовъ депутаціи послышались голоса объ отмѣнѣ устава 1884 года. Это объясненіе, носившее «нервный характеръ», не привело ни къ чему. Угроза полицейскимъ арестомъ ни на эту, ни на слѣдующую сходку 20 ноября не оказала желаемаго дѣйствія: студенты сами требовали, чтобы ихъ не томили, поскорѣе арестовали, нетерпѣливо роптали, почему такъ

долго не являлась полиція, любезно встрѣчали полицейскаго офицера съ 2—3 городовыми и, по его приглашенію: «пожалуйте, господа, если вамъ угодно», готовно очищали залъ и безъ обычнаго оцѣпленія лентой двигались въ манежъ, предшествуемые 3—4 полицейскими, указывавшими путь, и сопровождаемые такой же лентой остальныхъ полицейскихъ. На увѣщанія инспекціи разойтись, чтобы избѣгнуть ареста и не затруднять ректора въ ходатайствѣ за виновныхъ, студенты отвѣчали, что они именно того и добиваются, чтобы быть арестованными, хорошо зная, что чѣмъ больше виноватыхъ, тѣмъ меньше наказаніе, котораго они вообще не боятся. На дальнѣйшихъ сходкахъ къ прежнимъ требованіямъ прибавлено было новое—возвратить въ университетъ всѣхъ пострадавшихъ въ послѣдніе годы за студенческіе безпорядки. Однако, скоро стало замѣтно, что истинной заботой участниковъ сходокъ было облегченіе участи арестованныхъ товарищей, а прочія требованія выкрикивались нѣкоторыми только для порядка, ради послѣдовательности, не находя болѣе поддержки въ массѣ студенчества. Сходка 23 ноября выразила инспекціи готовность разойтись, если узнаетъ судьбу арестованныхъ; для чего-де она и собралась, и разошлась дѣйствительно, какъ скоро ректоръ обѣщалъ исполнить ея желаніе. Вывѣшенное объявленіе объ участи арестованныхъ замѣтно успокоило студентовъ, хотя не всѣхъ удовлетворило, и студенты сами стали энергично мѣшать недовольнымъ товарищамъ продолжать безпорядки. Для выясненія мотивовъ движенія характерно вмѣшательство въ него медиковъ старшихъ курсовъ, которые въ первое время держались мирно. Къ ректору 22 ноября явились курсовыя депутаціи, которыя, спокойно и вѣжливо заявляя свою солидарность съ арестованными и сочувствіе ихъ требованіямъ, просили: «закройте университетъ; мы не хотимъ безпорядковъ, но можемъ быть вовлечены въ нихъ». Дѣйствительно, на другой день, не выдержавъ упрековъ со стороны товарищей въ равнодушіи и узкомъ эгоизмѣ, медики начали, затворяясь въ аудиторіяхъ по курсамъ, совѣщаться, что дѣлать, и постановили прекратить

посѣщеніе лекцій, чтобы добиться закрытія университета согласно съ планомъ Союзнаго Совѣта.

Въ волненіяхъ 1895 года вскрылись нѣкоторые элементы и особенности броженія. При всей возбужденности участники безпорядковъ старались вести себя сдержанно и прилично, не допуская излишествъ. На сходки собиралось меньшинство студентовъ (около 16%); но значительное число, если не большинство, сочувствовало имъ, не принимая участія въ безпорядкахъ. Наибольшее участіе принимали медики и естественники, обнаружившіе и наибольшую сплоченность. «Пятый, четвертый и третій курсы медиковъ, какъ по командѣ, запирались въ аудиторіяхъ, не пуская къ себѣ инспекціи, по цѣлымъ часамъ вели тамъ совѣщанія и выносили курсовыя рѣшенія, которыя дружно приводили потомъ въ исполненіе». То же замѣчалось и на второмъ медицинскомъ курсѣ, который оказывалъ небезуспѣшное давленіе и на первокурсниковъ, стараясь не допускать ихъ до занятій, которыхъ они не хотѣли покидать. Наконецъ, студенты обнаружили въ себѣ большую дисциплину, такъ сказать, съ лѣвой руки, слушались своего нелегальнаго начальства гораздо болѣе, чѣмъ университетскаго. Въ химическую лабораторію разъ явились четыре студента, назвались старостами и приказали работавшимъ студентамъ прекратить занятія. Тѣ повиновались приказу и только просили позволенія закончить начатыя работы, которыя иначе будутъ испорчены, и ихъ трудъ пропадетъ даромъ. Пришедшіе благосклонно снизошли на эту просьбу.

Безпорядки 1899 года еще болѣе прежняго вскрыли характеръ и дѣятельность тайныхъ студенческихъ организацій и заставили профессоровъ глубже вдуматься въ смыслъ и причины непрекращавшагося броженія; но мѣры, принятыя противъ этихъ безпорядковъ, были прежнія и даже примѣнялись онѣ, какъ видно по количеству жертвъ, усерднѣе прежняго: это—увольненіе изъ университета и высылка изъ Москвы массами. Великимъ постомъ того года Москва иногда представляла видъ города, объявленнаго въ осадномъ положеніи, особенно въ районѣ обѣихъ

Бронныхъ. Это грозило раздуть университетскій пожаръ. Но дѣлу порядка помогли сами виновники безпорядковъ—своими излишествами. Когда передъ масляницей профессорамъ обѣщано было смягченіе участи студентовъ, уволенныхъ и высланныхъ за первую забастовку, и стало извѣстно о назначеніи комиссіи ген.-адъютанта Ванновскаго, возникла надежда на возобновленіе учебныхъ занятій съ начала великаго поста. Студенты обращались къ профессорамъ съ письменными и устными заявленіями, въ которыхъ, жалуясь на свое «безправное положеніе», говорили, что возвратъ удаленныхъ товарищей сдѣлаетъ ненужной дальнѣйшую забастовку, несогласную и съ волей высшей власти, но что безъ устраненія огульныхъ высылокъ безъ суда и слѣдствія на будущее время въ дѣлахъ чисто академическихъ они признаютъ себя нравственно обязанными продолжать забастовку. Профессора настойчиво отговаривали ихъ отъ этого шага, который непоправимо ухудшитъ положеніе студенчества. Однако, вторая забастовка была принята тайнымъ голосованіемъ. Она, съ сопровождавшими ее временнымъ прекращеніемъ учебныхъ занятій въ Университетѣ, увольненіемъ всѣхъ студентовъ и новыми высылками не принятыхъ обратно (до 800 чел.), можно сказать, исчерпала до дна энергію этихъ глубоко взволнованныхъ людей. Они потеряли своихъ руководителей и перестали чувствовать почву подъ своими ногами. Уже съ конца 1896 г.. вслѣдствіе введеннаго передъ тѣмъ «конспиративнаго» порядка выбора членовъ, Союзный Совѣтъ сталъ для представляемыхъ имъ землячествъ таинственнымъ неизвѣстнымъ и, какъ всякій X, началъ терять довѣріе организованнаго студенчества, а революціонное направленіе, данное его дѣятельности «отчаянными головами», какими наполнили его такіе выборы, прямо оттолкнуло отъ него разсудительную часть приверженцевъ Совѣта прежняго состава. Полицейскіе аресты довершили его крушеніе. Вторая забастовка и затрудненіе входа въ Университетъ лишили организованное студенчество и другого главнаго средства—дружно направлять движеніе, курсоваго обсужденія дѣлъ, привели въ бездѣйствіе «централь-

ныя земляческія группы» на курсахъ, проще говоря, лишили сплоченное меньшинство возможности угнетать разрозненное большинство по аудиторіямъ въ промежутки между лекціями. Исполнительный Комитетъ, ставшій тогда на мѣсто разбитаго Союзнаго Совѣта, не могъ спасти положенія, даже поддерживаемый полицейскими и университетскими распоряженіями, напрягавшими до-нельзя остатокъ оппозиціонной энергіи студенчества. Вторая забастовка, которая и была вызвана этимъ гальванизованнымъ напряженіемъ замиравшей силы, парализовала и эту ниспосланную свыше поддержку. Товарищеская самоотверженность смѣнилась заботами личнаго свойства, сожалѣніемъ о потерянномъ времени, о запущенныхъ занятіяхъ, о трудности держать экзамены при такихъ условіяхъ. Послѣ долгаго нервнаго напряженія наступала апатія, желаніе бросить все, махнуть на все рукой и уѣхать домой. Движеніе, столь сосредоточенное доселѣ, разбилось, пошло, какъ бы сказать, подъ различными углами и въ разныхъ плоскостяхъ, организованные земляки перессорились, раздѣлились на «радикаловъ» и «независимыхъ», на «дураковъ» и «подлецовъ». Событія текущаго года показали, что это было утомленіе, а не умиротвореніе.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что до 1899 г. включительно въ борьбѣ съ студенческими безпорядками больше думали о мѣрахъ пресѣченія, чѣмъ предупрежденія. Но самая малоуспѣшность карательныхъ мѣръ еще глубже укоренила въ средѣ профессоровъ мысль о необходимости мѣръ предохранительныхъ. Такія мѣры могли быть указаны только изученіемъ причинъ безпорядковъ, а этихъ причинъ слѣдовало искать прежде всего въ условіяхъ и порядкахъ университетскаго быта, среди которыхъ живутъ студенты. Удрученный университетскими событіями текущаго года, Совѣтъ Московскаго Университета взялъ на себя это нелегкое дѣло, обѣщавъ въ своемъ февральскомъ воззваніи къ студентамъ «точное изслѣдованіе фактовъ» и содѣйствіе приведенію въ порядокъ столь осложненнаго университетскаго дѣла. Послѣ сходки 23 февраля имъ была образована особая комиссія для разслѣдованія при-

чинъ студенческихъ волненій и для изысканія мѣръ къ упорядоченію университетской жизни.

* * *

Дѣятельность Совѣтской Комиссіи 28-го февраля.

Безпорядки 1901 года въ Москвѣ прекратились, главнымъ образомъ, вслѣдствіе дѣятельности этой Комиссіи, учрежденной Совѣтомъ въ его засѣданіи 28-го февраля. Сношенія Комиссіи со студентами были настолько характерны и имѣли такіе существенные результаты, что на нихъ нельзя не обратить особеннаго вниманія.

Не разъ уже, во время студенческихъ безпорядковъ различныхъ годовъ, университетское начальство обращалось къ профессорамъ съ приглашеніемъ оказать содѣйствіе водворенію порядка увѣщаніемъ студентовъ отъ лица всего состава профессоровъ. Такъ было, напр., въ 1894 году въ Москвѣ, въ 1899 г. въ Петербургѣ. Такое же обращеніе къ студентамъ было составлено въ засѣданіяхъ Совѣта Московскаго Университета 24 и 25 февраля текущаго года послѣ бурной сходки 23 февраля и отвода въ манежъ болѣе 400 студентовъ.

Приглашая студентовъ возобновить занятія въ университетѣ, профессора обѣщали имъ, однако, «точное изслѣдованіе фактовъ», и на Совѣтѣ 25 февраля, на которомъ была принята окончательная редакція обращенія къ студентамъ, присутствовавшими профессорами было указано на тѣсную связь между увѣщаніями студентамъ и разсмотрѣніемъ по существу того положенія, которое постоянно вызываетъ въ университетахъ безпорядки. Такое разсмотрѣніе вызывалось, во-первыхъ, необходимостью для самихъ профессоровъ выяснить причины печальныхъ явленій, прерывающихъ ходъ преподаванія въ университетѣ. Съ другой стороны, чтобы увѣщанія не были простыми словами, необходимо было сопроводить ихъ ручательствомъ, что Совѣтъ предприметъ «точное изслѣдованіе фактовъ» и доложитъ о результатахъ этого изслѣдованія высшему начальству, чтобы вызвать мѣры къ устраненію усмотрѣнныхъ недостатковъ. На этой почвѣ и было рѣшено въ Со-

вѣтѣ 28 февраля, и разрѣшено затѣмъ попечителемъ округа, образовать комиссію для изслѣдованія вопроса о причинахъ безпорядковъ въ университетѣ и о мѣрахъ къ ихъ устраненію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что комиссія возникла не только по теоретическимъ побужденіямъ, а въ тѣсной зависимости отъ попытокъ университета возстановить спокойствіе среди студентовъ, ей же было поставлено «ближайшей цѣлью» содѣйствовать упорядоченію университетской жизни путемъ сообщенія свѣдѣній и всякаго рода разрѣшенныхъ закономъ сношеній со студентами.

Комиссія нашла при своемъ возникновеніи въ высшей степени напряженное и трудное положеніе. Несмотря на то, что студентамъ стало извѣстнымъ, что Совѣтъ ходатайствовалъ о непримѣненіи «Временныхъ Правилъ», большинство студентовъ находилось въ крайне возбужденномъ состояніи. «Обращеніе» профессоровъ произвело на многихъ студентовъ дѣйствіе скорѣе обратное тому, чего имѣлось въ виду достигнуть: они съ негодованіемъ отрицали, чтобы волненія были результатомъ подстрекательствъ извнѣ, ссылались на то, что «Временныя Правила» и нагайка являются не просто угрозами, и вполнѣ реальными фактами и т. п. Уличныя сцены вокругъ манежа и на Тверскомъ бульварѣ, въ особенности же извѣстія о событіяхъ въ Петербургѣ вызвали разгоряченное состояніе молодежи: забастовка, къ которой приглашали прокламаціи исполнительнаго комитета, осуществлялась—студенты почти перестали ходить на лекціи и были видимо подготовлены къ новымъ сходкамъ и нелегальнымъ протестамъ. Можно сказать съ увѣренностью, что лишь открывшаяся вслѣдствіе избранія комиссіи возможность для студентовъ высказать свои жалобы и желанія профессорамъ и выслушать отъ нихъ разъясненія и увѣщанія предохранила Московскій университетъ отъ дальнѣйшаго распространенія и обостренія безпорядковъ. Это выясняется какъ изъ хода событій, такъ и изъ заявленій самихъ студентовъ.

Комиссія, какъ только организовалась, возбудила ходатайство, чтобы профессорамъ и приватъ-доцентамъ, читаю-

щимъ обязательные курсы, было разрѣшено вести собесѣдованія со своими слушателями относительно взволновавшихъ ихъ вопросовъ университетской жизни. Ходатайство это было удовлетворено и хотя не было, къ сожалѣнію, разрѣшено опубликовать въ газетахъ объ образованіи комиссіи и открывшихся собесѣдованіяхъ, и тотъ, и другой фактъ стали быстро извѣстны. Начался рядъ собесѣдованій по отдѣльнымъ аудиторіямъ подъ руководствомъ какъ членовъ комиссіи, такъ и другихъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ, читающихъ обязательные курсы, преимущественно въ совѣщательные, но изрѣдка и въ лекціонные часы. Ближайшей цѣлью этихъ собесѣдованій было выяснить назначеніе комиссіи и убѣдить студентовъ возобновить прерванныя занятія въ увѣренности, что положеніе дѣлъ въ университетѣ будетъ разслѣдовано и будетъ сдѣлано все возможное, чтобы вызвать его улучшеніе.

Первыя собесѣдованія въ этомъ направленіи прошли при значительныхъ затрудненіяхъ: помимо разгоряченнаго настроенія студентовъ, сказывались, главнымъ образомъ, два затрудняющихъ условія: студенты не хотѣли никоимъ образомъ отречься отъ товарищей. попавшихъ въ Бутырскую тюрьму за свой протестъ: затѣмъ явились сомнѣнія въ томъ, относется ли комиссія съ вниманіемъ къ жалобамъ, предъявляемымъ студентами на различныя стороны университетскаго строя и быта. Чтобы устранить эти затрудненія. и члены комиссіи, и другіе профессора, ведшіе собесѣдованія, держались въ общемъ слѣдующихъ положеній: они предоставляли студентамъ дѣлать въ разныхъ формахъ оговорки относительно ихъ солидарности съ пострадавшими товарищами: затѣмъ, необходимо было выслушать заявленія студентовъ о томъ, что они считали ненормальнымъ въ университетскомъ быту, и дать имъ возможность формулуровать эти заявленія письменно. Когда студенты увидали, что увѣщанія и собесѣдованія имѣютъ цѣлью не просто отдѣлаться отъ неудобствъ, связанныхъ съ забастовками и безпорядками, что профессора готовы говорить съ слушателями по существу дѣла и принять отъ нихъ заявленія и жалобы, отношеніе къ комиссіи и собе-

сѣдованіямъ измѣнилось: громадное большинство студентовъ склонилось къ тому, чтобы воспользоваться предложенными законными средствами и высказать разумно и спокойно свое мнѣніе, не прибѣгая болѣе къ шумнымъ протестамъ и пріостановкѣ занятій. На этой почвѣ слушатели одного курса за другимъ,—первыми медики IV курса, филологи I и II курсовъ, естественники II курса—стали высказываться за возобновленіе занятій и въ теченіе двухъ недѣль на всѣхъ курсахъ университета, за исключеніемъ одного II курса юристовъ, на которомъ мнѣнія раздѣлились почти поровну, подавляющее большинство студентовъ заявило о своемъ рѣшеніи посѣщать лекціи и высказаться относительно желательныхъ улучшеній путемъ подачи заявленій въ комиссію.

Собесѣдованія, приведшія къ такому благопріятному исходу, велись безъ всякой заранѣе условленной регламентаціи. Одни изъ профессоровъ въ заключеніе ихъ допускали подсчетъ высказывавшихся за и противъ посѣщенія лекцій, и этотъ пріемъ, особенно вначалѣ, имѣлъ весьма сильное вліяніе на благопріятный ходъ дѣла, такъ какъ обнаруживалъ подавляющій перевѣсъ тѣхъ, кто стоялъ за возстановленіе порядка. Для той же цѣли другіе профессора принимали подписанныя заявленія о желаніи возобновить хожденіе на лекціи. Третьи не производили подсчетовъ и не принимали заявленій, а ограничивались нравственнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ собесѣдованіями. Во всякомъ случаѣ, нигдѣ не производилось голосованія для установленія рѣшенія курса, какъ цѣлаго, рѣшенія обязательнаго для меньшинства: высказывали мнѣнія и иногда считали ихъ, но единаго рѣшенія курса нигдѣ не выводили и не устанавливали.

Результатомъ этого [illegible] собесѣдованій было повсемѣстное возвращеніе студентовъ къ занятіямъ—«изъ довѣрія къ комиссіи», какъ они выражались. Благопріятному исходу дѣла несомнѣнно содѣйствовалъ снисходительный приговоръ Правленія надъ виновными въ безпорядкахъ 23 февраля. Конечно, если бы приговоръ этотъ оказался слишкомъ строгимъ, то сочувствіе студентовъ къ пострадавшимъ то-

Ленинградское Отделение

варищамъ навѣрное обнаружилось бы въ какой-нибудь вспышкѣ. Но приговоръ сдѣлался извѣстнымъ, когда благопріятный оборотъ уже опредѣлился, и, притомъ, большое число послѣдовавшихъ за нимъ административныхъ высылокъ лишило его значительной доли его нравственнаго вліянія.

Вслѣдъ за собесѣдованіями, на которыхъ студенты высказались за возобновленіе занятій, состоялся рядъ другихъ, на которыхъ они выражали свои взгляды относительно всякаго рода безпорядковъ въ университетѣ и формулировали заявленія въ комиссію по этому поводу. И члены комиссіи, и прочіе, руководившіе собесѣдованіями профессора, гарантировали, конечно, безнаказанность и свободу такихъ заявленій, предупреждая лишь, что необходимо оставаться въ предѣлахъ обсужденія университетскаго строя. И комиссія считаетъ долгомъ заявить, что студенты вели себя, почти безъ исключенія, чрезвычайно сдержано и разумно: несмотря на жгучій характеръ возбужденныхъ вопросовъ и на то, что эти собесѣдованія происходили какъ бы въ рамкѣ безпорядковъ, естественно установился на нихъ искренній и порядочный тонъ, дѣловое обсужденіе вопросовъ и довѣріе къ руководившимъ профессорамъ.

Въ общемъ всѣ профессора, принимавшіе участіе въ этихъ собесѣдованіяхъ, вѣроятно, единогласно засвидѣтельствуютъ, что этотъ опытъ общенія между профессорами и студентами, при обсужденіи тяжелаго кризиса, переживаемаго университетами, обнаружилъ такую возможность понимать другъ друга, сговариваться другъ съ другомъ, о которой трудно было и мечтать въ виду долгаго разобщенія и исключительно трудныхъ обстоятельствъ.

II. Причины студенческихъ волненій.

Заявленія студентовъ. Предшествующій историческій очеркъ самъ наводитъ на причины студенческихъ волненій, до сихъ поръ недостаточно обратившія на себя вниманіе

университета. Но прежде чѣмъ высказаться объ этихъ причинахъ, Комиссія считаетъ необходимымъ указать, какъ смотритъ на эти причины само студенчество, насколько оно высказалось объ этомъ въ поступившихъ въ Комиссію заявленіяхъ.

Изъ представленныхъ въ Комиссію студенческихъ заявленій нѣкоторыя заслуживаютъ наибольшаго вниманія по систематичности изложенія и точному выясненію какъ важнѣйшихъ причинъ нарушенія нормальнаго теченія академической жизни, такъ равно и мѣръ, проектируемыхъ къ ея урегулированію. Но какъ эти записки, такъ равно многія другія отъ отдѣльныхъ лицъ или группъ поступившія въ Комиссію, въ формѣ заявленій и прошеній на имя предсѣдателя, несмотря на нѣкоторыя отличія по формѣ или подробностямъ и систематичности изложенія, представляютъ несомнѣнно много тождественнаго по отношенію указаній на главныя причины, нарушающія строй академической жизни и на предлагаемыя мѣропріятія, долженствующія служить прочной гарантіей ея дальнѣйшаго, нормальнаго теченія.

Всѣ эти заявленія, за двумя исключеніями, въ общемъ, производятъ весьма благопріятное впечатлѣніе по характеру руководящихъ идей, лежащихъ въ ихъ основаніи и исходящихъ изъ дѣйствительныхъ потребностей улучшенія условій университетской жизни, всецѣло гармонирующихъ съ традиціями университета, какъ высшаго учрежденія, способствующаго пріобрѣтенію всесторонняго образовательнаго научнаго и нравственно-духовнаго ценза.

Именно вслѣдствіе однородности пониманія этой идеи, не находящей себѣ полнаго осуществленія при современномъ режимѣ, является вышеуказанная солидарность поданныхъ заявленій въ разъясненіи главнѣйшихъ причинъ уклоненія отъ нормальной жизни университета и въ опредѣленіи мѣръ для ея урегулированія.

Какъ на одно изъ важнѣйшихъ началъ, вліяющихъ неблагопріятно на правильный ходъ университетскихъ занятій, указывается во всѣхъ заявленіяхъ на крайнюю разобщенность студентовъ, на существенный недостатокъ

правильной организаціи. Согласно нынѣ дѣйствующему уставу и правиламъ, студенчество лишено возможности собираться съ цѣлями самообразованія, совмѣстныхъ занятій научными предметами, обсужденія университетскихъ и курсовыхъ вопросовъ академической жизни. Всякое собраніе въ частной квартирѣ для дружеской бесѣды уже считается недозволеннымъ и грозитъ непріятными послѣдствіями.

Отсутствіе прочно установленнаго корпоративнаго начала не только препятствуетъ успѣшному ходу научныхъ занятій и столь необходимому, крайне желательному во многихъ отношеніяхъ, сближенію съ профессорской коллегіей, но дѣйствуетъ неблагопріятно и въ другомъ смыслѣ, препятствуя свободному развитію товарищескихъ отношеній, основанныхъ на правильномъ пониманіи духа университетской жизни, сближающихъ различныхъ представителей факультетовъ и курсовъ въ одну семью, объединенную высокими стремленіями прогрессивнаго развитія въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Помимо этихъ неблагопріятныхъ сторонъ среди условій, вліяющихъ на жизнь университета, занимаютъ, въ студенческихъ заявленіяхъ, важное мѣсто и причины чисто формальнаго характера, лежащія внѣ студенческой среды.

На первый планъ въ этомъ направленіи заявленія выставляютъ неправильныя отношенія къ студентамъ инспекціи, снабженной весьма широкими правами, входящей глубоко во многія интимныя стороны студенческой жизни, пользующейся почти неограниченной наблюдательной и карающей властью и препятствующей всякому болѣе или менѣе свободному проявленію корпоративнаго духа

Весьма важной причиной, подающей нерѣдко поводъ къ волненіямъ, выставляется также и отсутствіе правильно организованнаго суда надъ студентами. Нынѣ существующій судъ правленія, собственно говоря, органа административнаго, является во многомъ несовершеннымъ; онъ не заключаетъ прежде всего въ своемъ составѣ необходимыхъ элементовъ, обусловливающихъ безпристрастное, правильное судопроизводство. Весьма большое вліяніе на весь

ходъ судебнаго процесса имѣетъ инспекція, совмѣщающая въ себѣ всѣ три функціи: слѣдственную, обвинительную и судебную. Секретныя свѣдѣнія инспекціи составляютъ главный матеріалъ, на основаніи котораго опредѣляется виновность лица. Одинъ изъ наиболѣе важныхъ недостатковъ составляетъ субъективность и безконтрольность данныхъ, лежащихъ въ основаніи судебнаго приговора; отсутствіе точнаго разслѣдованія фактовъ и произвольное, не находящее себѣ аналогіи, лишеніе права защиты со стороны обвиняемаго.

Насколько такого рода судъ бываетъ пристрастнымъ и неве[illegible]мъ по своимъ приговорамъ иллюстрируется въ въ одномъ изъ заявленій вопіющимъ примѣромъ карательной мѣры исключенія изъ университета студента, умершаго ранѣе происшедшаго инцидента, подлежавшаго вѣдѣнію суда (студ. ест. Ф. Левченко).

Къ ряду причинъ, подающихъ поводъ къ волненіямъ, въ большей части заявленій указывается на безправное положеніе передъ внѣшней полиціей, допускающей во многомъ сильный произволъ по отношенію къ студентамъ, свободно, безцеремонно внѣдряющейся въ ихъ жизнь и вызывающей частыми повальными обысками и произвольными, массовыми арестами общее негодованіе, ведущее къ протестамъ и безпорядкамъ. Наконецъ, весьма важной причиной, повліявшей крайне неблагопріятно на ходъ студенческой жизни послѣдняго времени, согласно всѣмъ заявленіямъ, послужило введеніе «временныхъ правилъ», какъ карательной мѣры, выходящей изъ ряда другихъ по своей крайней строгости и нецѣлесообразности. Сознаніе подвергнуться столь тяжелому, по существу и послѣдствіямъ, наказанію за обычные проступки и уклоненія отъ изданныхъ правилъ внесло сильное смятеніе и недовольство въ студенческую среду. Первое осуществленіе этой несправедливой и жестокой мѣры, столь противорѣчащей основнымъ началамъ университета, послужило, по указанію заявленій, главнымъ поводомъ къ обширнымъ волненіямъ, распространившимся на многія высшія учебныя заведенія.

* * *

Настроеніе студентовъ. Бесѣды и заявленія студентовъ дали Комиссіи весьма значительный матеріалъ для опредѣленія студенческаго настроенія, создаваемаго условіями университетской жизни. Эти данныя не теряютъ своего интереса, даже когда не представляются точнымъ отраженіемъ дѣйствительности, а только выражаютъ впечатлѣнія, какими руководствуется студентъ въ своемъ отношеніи къ университету.

Періодически повторяющіеся университетскіе безпорядки производятъ тягостное впечатлѣніе на самихъ студентовъ. Многіе изъ нихъ хорошо сознаютъ, что положеніе дѣлъ, создаваемое этими безпорядками, не можетъ не оказывать «весьма вреднаго дѣйствія какъ на успѣшность научныхъ занятій студентовъ, такъ и на ихъ нравственное состояніе, на весь вообще строй университетской жизни». Первыя слѣдствія этого, говорятъ они, «весьма замѣтное въ послѣдніе годы попиженіе въ студенческой средѣ чисто-научныхъ интересовъ, упадокъ духа и ослабленіе способности къ способному и продолжительному умственному труду». Они жалуются на свое «сплошное уныніе, глубокое недовольство и постоянную готовность къ протесту».

Многія условія питаютъ такое настроеніе. Прежде всего студенты чувствуютъ, что всѣмъ замѣтные признаки ихъ настроенія поселяютъ въ обществѣ равнодушіе и недовѣріе къ нимъ, сомнѣніе въ серьезности ихъ научныхъ стремленій и даже «въ ихъ готовности къ добросовѣстному труду». Эта тревога серьезныхъ студентовъ тѣмъ понятнѣе, что они видятъ въ своей средѣ товарищей, которые прямо и не стѣсняясь заявляютъ, что одной наукой университетъ ни чего не сдѣлаетъ, что «уйти въ науку, увлечься ею дано немногимъ», и будто бы даже большинство студентовъ ищетъ въ университетѣ не научныхъ занятій, не навыка къ научному труду и размышленію, а «готовыхъ формулъ, готовыхъ отвѣтовъ на животрепещущіе вопросы», того, что они называютъ въ противоположность наукѣ «воспитаніемъ», утверждая, что «наука развиваетъ, но не воспитываетъ». Неосторожныя признанія немногихъ, не уяснившихъ себѣ истинныхъ задачъ университетскаго курса,

ставятся на счетъ большинству, если не всему студенчеству.

Но, кромѣ этого, есть немало внутреннихъ «препятствій и горестей», мѣшающихъ студентамъ поддерживать въ себѣ бодрость духа и интересъ къ научному труду, «истинно научный университетскій духъ». Однимъ изъ главныхъ затрудненій этого рода они признаютъ крайнюю разрозненность между собой и проистекающія отсюда слѣдствія: почти полное незнакомство ихъ другъ съ другомъ. возможность присутствія сыщиковъ въ ихъ средѣ и совершенную невозможность бороться съ инсинуаціями на нихъ со стороны, каковы, напримѣръ, обвиненія студентовъ въ политической агитаціи и т. п. Они горячо возстаютъ противъ подобныхъ обвиненій, увѣряя что «подавляющее большинство волнующагося студенчества чуждо какихъ бы то ни было политическихъ стремленій» и его оппозиціонное настроеніе все сводится лишь къ недовольству университетскими порядками. Изъ гимназіи студенты выносятъ чувство товарищеской солидарности. У нихъ и въ университетѣ на каждомъ шагу возникаютъ общіе интересы. Совмѣстное слушаніе лекцій, желаніе подѣлиться мыслями по поводу слышаннаго, устройство практическихъ работъ—все это заставляетъ ихъ сближаться другъ съ другомъ. Между тѣмъ, по правиламъ, студенты—«отдѣльные посѣтители университета», коимъ воспрещено всякое дѣйствіе, носящее корпоративный характеръ, воспрещены «всякія сборища и сходки съ цѣлью обсужденія какихъ-либо дѣлъ сообща». Заведутъ они курсомъ разговоръ о только-что прочитанной лекціи—это сходка, и субъ-инспекторъ попроситъ ихъ разойтись. Сойдутся они на частной квартирѣ для дружеской бесѣды—это недозволенное сборище, за которое можно попасть въ участокъ, даже и далѣе. При такихъ условіяхъ большинство студентовъ ведетъ крайне замкнутую жизнь, плохо зная своихъ товарищей, даже ближайшихъ по факультету и однокурсниковъ.

Наиболѣе острой горечью пропитаны отзывы студентовъ объ университетской инспекціи. Это едва ли не самый больной элементъ ихъ настроенія; въ отношеніи къ

этому институту они всѣ единодушны, какъ одинъ человѣкъ, и разномыслія между ними не наблюдается. Если студентъ по старой традиціи, уже отживающей, вступаетъ въ университетъ впервые съ чувствомъ піэтета, подобающаго храму свободной науки, ему съ первыхъ же шаговъ въ немъ приходится испытывать цѣлый рядъ разочарованій. Прежде всего формальности при самой записи, потомъ обязанность отмѣчать свое присутствіе на обязательныхъ лекціяхъ, видъ педелей, стоящихъ у дверей аудиторій, чтобы не пускать не записавшихся на читаемые въ нихъ курсы, присутствіе субъ-инспектора въ аудиторіи между лекціями, замѣчанія о неисправностяхъ въ установленномъ костюмѣ, иногда съ выговорами, чуть не на каждомъ шагу назойливыя, часто пристрастныя указанія, совѣты, даже приказанія—все это сначала удивляетъ новичка, какъ неожиданность, а потомъ волнуетъ и обижаетъ, какъ незаслуженное недовѣріе и униженіе. Наконецъ, недовольство переходитъ въ раздраженное негодованіе, когда онъ начинаетъ замѣчать, что онъ—поднадзорный, что за нимъ слѣдятъ, чтобы узнать, «благонадежный» ли онъ. Войдя въ университетъ, студентъ долженъ быть всегда насторожѣ, слѣдить за своими словами и дѣйствіями несравненно съ съ большей внимательностью, чѣмъ гдѣ бы то ни было, помня непрестанно, какъ зорко слѣдятъ за нимъ. Это «систематическое соглядатайство», постоянное стремленіе инспекціи читать въ душѣ, преслѣдующее студентовъ на каждомъ шагу, въ аудиторіяхъ, корридорахъ, швейцарскихъ, возмущаетъ ихъ всего болѣе. Такое натянутое, нервное состояніе продолжается все время, пока студентъ находится въ стѣнахъ университета.

Съ теченіемъ времени большинство студентовъ постепенно свыкается съ такими чувствами и порядками. Но это достается имъ цѣною прискорбныхъ нравственныхъ потерь, цѣною отчужденія отъ университета, охлажденія къ университетскимъ занятіямъ. Между ними и университетской администраціей устанавливаются отношенія двухъ враждебныхъ лагерей. Студенты относятся со скрытымъ недовѣріемъ ко всякому распоряженію университетскаго

начальства, видя или подозрѣвая въ каждомъ его шагѣ покушеніе на свою личную свободу. Они сѣтуютъ также на недостатокъ близости и довѣрія между ними и профессорами и откровенно признаются, что привыкли видѣть въ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ ихъ, не друзей и старшихъ товарищей по научной работѣ, а то же начальство». Они горько жалуются на то, что при такомъ отношеніи «всѣ жгучіе, наболѣвшіе вопросы академической жизни каждому студенту приходится рѣшать самостоятельно, безъ всякаго освѣщенія ихъ со стороны людей болѣе опытныхъ, которые при живомъ отношеніи могли бы дать цѣнныя указанія, способныя предохранить студентовъ отъ крупныхъ ошибокъ».

Такъ создается тяжкая «атмосфера недовольства, озлобленія и взаимнаго непониманія, которая разъединяетъ студентовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ соединяетъ ихъ на почвѣ недовольства, отдаляетъ отъ университета и отъ профессоровъ и порождаетъ періодически и регулярно повторяющіяся студенческія волненія». Многіе не мирятся съ такимъ строемъ университетской жизни и, не находя въ ней удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей, бываютъ вынуждены «въ концѣ концовъ искать этого удовлетворенія въ единственномъ выходѣ—тайной организаціи». Предусматривается и еще большая опасность: «на почвѣ современнаго ненормальнаго положенія студентовъ въ университетѣ могутъ развиться и найти себѣ ревностныхъ послѣдователей среди университетской молодежи всевозможныя крайнія и ложныя ученія».

* * *

Экономическое положеніе студентовъ. Въ ряду мѣръ для упорядоченія университетской, собственно студенческой жизни не послѣднее мѣсто занимаетъ устройство матеріальнаго вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ. Въ заявленіяхъ студентовъ встрѣчаемъ горькія жалобы на неравномѣрное и несправедливое распредѣленіе стипендій и пособій, на то, что степень недостаточности при этомъ распредѣленіи отходитъ на задній планъ, что стипендіи

въ рукахъ инспекціи превращаются въ награду за благонадежность, зачетную исправность и т. п. Здѣсь важна не фактическая точность, а самая возможность подобныхъ жалобъ и подозрѣній. Желательно, чтобы не существовало никакихъ къ тому поводовъ. Насколько важенъ для студентовъ вопросъ о цѣлесообразномъ устройствѣ матеріальнаго вспомоществованія недостаточнымъ товарищемъ, объ этомъ можно судить по тому, что Союзный Совѣтъ землячествъ, первоначально поставившій себѣ главной цѣлью оказывать матеріальную поддержку своимъ членамъ именно по вопросу о злоупотребленіи разными видами благотворительности со стороны инспекціи едва ли не впервые столкнулся съ университетскими порядками, проявилъ свое оппозиціонное направленіе.

Московскій университетъ съ примыкающими къ нему благотворительными учрежденіями располагаетъ весьма обильными средствами вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ. Это можно видѣть по нижеслѣдующимъ двумъ таблицамъ, изъ коихъ первая представляетъ распредѣленіе этихъ вспомогательныхъ средствъ по размѣрамъ, факультетамъ и курсамъ, а вторая—по источникамъ, изъ которыхъ эти средства почерпаются. Въ обѣихъ таблицахъ сведены данныя, относящіяся къ 1899—1900 академическому, послѣднему вполнѣ законченному, отчетному году. Эти данныя извлечены изъ записной инспекторской книги, изъ дѣлъ правленія университета и канцеляріи инспектора, изъ дѣлъ Комитета Общества для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго Университета и изъ отчетовъ Лепешкинскаго общежитія и комитета общежитія имени Императора Николая II.

Факультетъ	Курсы.	Общее число студентовъ	Число недостат. по отмѣткамъ инспекціи	Число получ. вспомоществованіе.							
				Въ разм. свыше 250 и до 420 и платы за лекціи	Въ разм. отъ 200 и до 250 и платы за лекціи	Въ разм. мен. 200 и до 100 и платы за лекціи	Въ разм. мен. 100 р. и полн. платы за лекціи	Въ размѣрѣ полной платы за лекціи	Въ размѣрѣ ¾ и ½ платы за лекціи	Въ размѣрѣ менѣе 40 рублей	Общее число
Филологическій.	I	140	79	7	5	13	9	21	16	3	74
	II	72	46	6	7	5	1	12	7	4	42
	III	22	19	10	4	—	1	5	—	—	20
	IV	39	26	12	3	3	—	5	1	—	24
	Всѣхъ	273	170	35	19	21	11	43	24	7	160
Математическій	I	256	117	11	2	1	21	39	35	9	118
	II	110	61	10	—	2	14	14	9	1	50
	III	45	22	4	2	1	2	11	6	—	26
	IV	57	32	9	5	4	3	9	1	—	31
	Всѣхъ	468	235	34	9	8	40	73	51	10	225
Естественный	I	253	112	6	4	1	16	43	32	6	108
	II	172	83	7	2	5	17	25	12	7	75
	III	50	28	8	2	4	2	8	4	1	29
	IV	129	77	15	9	9	6	24	2	3	68
	Всѣхъ	604	300	36	17	19	41	100	50	17	280
Юридическій	I	491	198	9	5	6	24	65	49	22	180
	II	433	242	16	5	20	29	80	33	13	196
	III	351	185	20	17	12	27	64	21	13	174
	IV	248	109	19	7	10	30	30	5	3	104
	Всѣхъ	1523	734	64	34	48	110	239	108	51	654
Медицинскій	I	281	162	20	6	17	16	39	27	15	140
	II	283	177	16	9	11	25	59	26	14	160
	III	104	67	18	5	9	5	16	2	3	59
	IV	244	145	50	14	9	18	33	18	3	145
	V	237	146	48	8	15	9	23	26	5	134
	Всѣхъ	1149	697	152	42	61	73	170	100	40	638
Итого . . .		4017	2136	321	121	157	275	625	333	125	1957

Матеріальная помощь студентамъ въ 1899—1900 академическомъ году выразилась:

1	Въ выдачѣ стипендій на сумму прибл. .	150 069 руб.	65 коп
2	Въ освобожденіи отъ платы за лекціи (считая годовую плату въ среднемъ равною 90 руб.) на сумму	125 550 -	— -
3	Въ выдачѣ пособій изъ казенныхъ и благотворительн. суммъ. Универс. на сумму .	41 695 -	39 -
	Итого отъ Университета	317 315 руб.	04 коп.
4	Въ выдачѣ пособій отъ комитета Общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ на сумму	36 309 руб.	21 коп
5	Въ выдачѣ безплат. обѣдовъ на сумму .	22 570 -	34 -
	Итого отъ Комитета	58 879 руб.	55 коп
6	Въ пособіяхъ случайн. характера на сумму	19 260 -	03 -
7	Въ даровомъ содержаніи 42 студентовъ въ Лепешкинскомъ общежитіи (считая въ среднемъ 9 мѣсячное содержаніе въ 308 р. 43 к. на сумму	12 954 -	06 -
8	Въ даровомъ содержаніи 6 студентовъ въ общежитіи Николаевскомъ на сумму .	1 800 -	— -
9	Въ скидкахъ съ платы за содержаніе въ Николаевск. общежит. остальн. студентовъ	6 880 -	— -
10	Въ уплатѣ комиссіями и отдѣленіями Комитета Николаевск. общежитія за содержаніе въ этомъ общежитіи 10 студентовъ въ весеннемъ полугодіи	1 400 -	— -
11	Въ выдачѣ пособій деньгами, платьемъ и обувью студентамъ Николаевск. общежитія	582 -	— -
	Всего оказано помощи на сумму	419070 руб.	68 коп.

Въ этотъ общій итогъ не вошли суммы, не поддающіяся учету, напримѣръ, стоимость содержанія студентовъ, живущихъ въ Ляпинскомъ общежитіи, такъ что этотъ итогъ можно признать минимальнымъ. Не смотря на столь обильныя средства вспоможенію въ 1899—1900 академическомъ году 69 студентовъ были уволены изъ университета за невзносъ платы.

* * *

Заявленія и мнѣнія профессоровъ. Отъ заявленій студентовъ о причинахъ университетскихъ волненій и изображенія ихъ настроенія и матеріальнаго положенія значительной ихъ части—Комиссія переходитъ къ заявленіямъ объ этомъ предметѣ со стороны профессоровъ. Вслѣдствіе приглашенія, обращеннаго Комиссіей къ профессорамъ и приватъ-доцентамъ, заявить о томъ, какъ они смотрятъ на причины постоянно возникающихъ въ университетахъ безпорядковъ и на мѣры къ ихъ предотвращенію, въ Комиссію поступили записки профессоровъ историко-филологическаго факультета, профессоровъ Н. Ю. Зографа, А. П. Павлова, В. И. Вернадскаго, А. М. Макѣева, Н. Филатова, И. В. Спижарнаго, Э. Е. Лейста, В. Д. Шервинскаго и приватъ-доцентовъ Новгородцева и Дена. Кромѣ того, заслуженный профессоръ Марковниковъ высказалъ лично свои взгляды на дѣло въ одномъ изъ засѣданій Комиссіи. Нѣкоторыя изъ выраженыхъ гг. профессорам мнѣній стоятъ въ тѣсной связи съ взглядами, которые они высказывали о томъ же предметѣ въ поданныхъ по начальству запискахъ въ 1899 году. Поэтому при сводкѣ профессорскихъ мнѣній приняты во вниманіе эти записки, а также докладная записка десяти профессоровъ (Н. А. Умова. К. А. Тимирязева, П. Г. Виноградова, А. И. Чупрова, В. И. Вернадскаго, И. М. Сѣченова, А. Н. Шварца, Ф. Ѳ. Фортунатова, Н. И. Стороженко и Н. А. Зелинскаго), поданная въ 1899 году покойному Министру Народнаго Просвѣщенія. Наконецъ, мѣстами затронуты, въ виду ихъ важности и близкаго отношенія къ предмету: докладъ комиссіи Кіевскаго университета по поводу мѣръ, предложенныхъ къ исполненію циркуляромъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 21-го іюля 1899 г., приложенная къ этому докладу записка профессора князя Евг. Трубецкого и докладъ комиссіи физико-математическаго факультета Харьковскаго университета по поводу того же циркуляра.

Начнемъ съ характеристики *причинъ* безпорядковъ, какъ они выясняются различными записками.

Постоянно повторяющіеся и широко распространяю-

щіеся безпорядки, какъ тѣ, съ которыми университетамъ пришлось имѣть дѣло въ послѣдніе годы, [1] представляютъ, конечно, явленіе такъ или иначе связанное со всѣмъ бытомъ страны и, доискиваясь ихъ общихъ и глубокихъ причинъ, можно дойти до обсужденія народно-психологическихъ свойствъ русской молодежи и особенностей историческаго момента, переживаемаго Россіей. Одинъ изъ профессоровъ отмѣчаетъ, напримѣръ, чрезвычайную возбудимость молодежи, которая заставляетъ ее преувеличенно реагировать въ смыслѣ оказанія протеста на каждый слухъ, хотя бы ложный, о какой-нибудь вопіющей несправедливости. Другой профессоръ въ 1899 году объяснялъ даже печальныя явленія въ университетахъ, между прочимъ, тѣмъ, что къ нашей молодежи, лѣнивой и легкомысленной, примѣняются порядки академической свободы, заимствованные изъ Германіи, гдѣ студенты отличаются трудолюбіемъ и выдержкой. На связь съ политическимъ настроеніемъ всего общества указываютъ многіе, хотя и въ разныхъ смыслахъ. «Бунтуетъ вся интеллигенція», говорится въ одной запискѣ. «Какъ среди студентовъ, такъ и среди общества имѣются лица которыя, будучи недовольны современнымъ строемъ вообще, желаютъ во что бы то ни стало производить безпорядки», сказано въ другомъ мнѣніи. Какъ извѣстно, и въ обращеніи къ студентамъ отъ профессоровъ во время февральскихъ безпорядковъ настоящаго года было съ удареніемъ указано на печальное положеніе университета, сдѣлавшагося «какъ бы отдушиной» для общественныхъ настроеній.

Однако, авторы записокъ и заявленій, за весьма рѣдкими исключеніями, признаютъ, что и для распознанія недуга, и для отысканія средствъ противъ него мало указывать на такія общія свойства народа или момента: передъ университетами стоитъ другая, болѣе опредѣленная задача— выяснить, какія стороны ихъ собственнаго строя вызываютъ справедливое неудовольствіе и содѣйствуютъ распро-

[1] Здѣсь въ печатномъ оригиналѣ, очевидно по типографскому недосмотру, сдѣланъ какой-то пропускъ.

страненію всякаго рода волненій въ университетской средѣ. Изъ суммы такихъ частныхъ наблюденій надъ дѣйствіями различныхъ органовъ общественной жизни получатся, надо думать, немаловажныя указанія относительно состоянія цѣлаго общества, но, во всякомъ случаѣ, ближайшей задачей университетовъ должны быть не разсужденія объ общемъ положеніи, а анализъ тѣхъ условій и проявленій даннаго состоянія, которыя ихъ спеціально касаются и имъ спеціально извѣстны.

Политическое недовольство даетъ себя несомнѣнно чувствовать во время безпорядковъ въ одной совершенно конкретной формѣ—въ формѣ агитаціи извнѣ, которая пользуется студенческими волненіями и разжигаетъ ихъ въ интересахъ революціонной пропаганды. На это внѣшнее руководство студенческими безпорядками указано было въ февральскомъ обращеніи къ студентамъ, въ немъ видѣло главную причину зла Особое Совѣщаніе при московскомъ учебномъ округѣ въ 1899 году, объ этой агитаціи извнѣ говорятъ въ своихъ запискахъ 1899 года попечитель округа и профессоръ Зерновъ, наконецъ, на ея ростѣ останавливается профессоръ князь Евг. Трубецкой, слѣдя въ своей обстоятельной запискѣ за тѣмъ, какъ начало нелегальности, подъ дѣйствіемъ котораго живутъ въ настоящее время студенческія сообщества, создало постепенно почву для всероссійской антиправительственной агитаціи въ средѣ этихъ сообществъ.

Но въ оцѣнкѣ значенія эт го фактора мнѣнія раздѣляются. Между тѣмъ, какъ для однихъ это есть самый корень зла, для другихъ это лишь привходящее условіе, которое получаетъ серьезное значеніе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе ненормальностей въ строѣ университета и дѣйствіе котораго можетъ быть въ значительной степени парализовано улучшеніемъ этого строя. По выраженію князя Трубецкого, «никакое законодательство не въ состояніи уничтожить политической пропаганды извѣстнаго свойства, но оно можетъ устранить цѣлый рядъ условій нашей университетской жизни, которыя дѣлаютъ учащуюся молодежь особенно воспріимчивою къ такого рода пропагандѣ». До-

биться соглашенія въ оцѣнкѣ относительной силы этого фактора, конечно, нельзя: при невозможности приложенія количественнаго анализа къ подобнымъ наблюденіямъ придется ограничиваться болѣе или менѣе субъективными сужденіями. Но въ практическомъ смыслѣ контрастъ между мнѣніями ослабляется тѣмъ, что и тѣ, кто придаетъ очень большое значеніе пропагандѣ, не отрицаютъ, что условія почвы, на которую она попадаетъ, также весьма важны и и что для противодѣйствія пропагандѣ необходимо, между прочимъ, оздоровленіе этой почвы.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ чисто университетскихъ условій, въ томъ видѣ, какъ они представляются авторамъ различныхъ записокъ, необходимо коснуться еще одного внѣуниверситетскаго условія, которому съ разныхъ сторонъ придается весьма важное значеніе, и оцѣнка котораго вліяетъ существеннымъ образомъ на предлагаемыя мѣры. Мы разумѣемъ постановку средней школы, которая, конечно, непосредственно вліяетъ на контингентъ слушателей университета. «Я думаю», говоритъ профессоръ Павловъ, посвятившій особенное вниманіе разсмотрѣнію этого условія, «что пока не реформируются гимназіи и не будутъ доставлять университету развитыхъ и воспитанныхъ молодыхъ людей, не вымуштрованныхъ, натасканныхъ для экзамена, полуобразованныхъ юношей, до тѣхъ поръ никакія реформы въ стѣнахъ университета не искоренятъ періодическихъ волненій». Неудовлетворительность гимназической подготовки, повторяемъ, признается со всѣхъ сторонъ, необходимость реформы въ этомъ отношеніи, для улучшенія контингента слушателей университета признана уже самимъ правительствомъ, и самая реформа подготовлена, какъ извѣстно, трудами высочайше учрежденной комиссіи 1900 года и предшествовавшими ей совѣщаніями при московскомъ учебномъ округѣ. Но въ сужденіяхъ профессоровъ и лицъ учебнаго начальства, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ настоящемъ случаѣ, вредные для университетовъ недостатки средней школы характеризуются съ двухъ прямо противоположныхъ точекъ зрѣнія. Докладъ харьковской комиссіи, записки профессоровъ Павлова и

Филатова такъ же, какъ большая часть профессорскихъ заявленій, поданныхъ въ совѣщаніе о средней школѣ, отчасти и записка попечителя округа въ 1899 году, направлены къ тому, чтобы показать, какъ мало дѣлаетъ современная гимназія для общаго образованія и развитія своихъ питомцевъ, какъ устарѣли и омертвѣли ея методы, какое вредное воспитательное вліяніе оказываетъ ея антипедагогическій строй, основанный на бюрократіи и розни между директоромъ и преподавательскимъ персоналомъ (см. особенно записку профессора Павлова).

Наоборотъ, инспекторъ Державинъ и нѣкоторые изъ профессоровъ видятъ главную бѣду въ «распущенности» гимназіи, въ недостаточномъ примѣненіи къ ней начала дисциплины, въ недостаточной строгости экзаменнаго отбора, противъ вліянія котораго такъ энергично протестуетъ профессоръ Павловъ. Авторъ одного изъ мнѣній сѣтуетъ, что число абитуріентовъ въ гимназіяхъ московскаго округа постепенно возрастаетъ, и съ сожалѣніемъ указываетъ на конецъ 70-хъ годовъ, когда въ пятой гимназіи, напримѣръ, изъ трехсотъ приблизительно учениковъ оканчивало курсъ человѣкъ 7, 9. Безъ сомнѣнія, отъ этихъ воззрѣній на постановку и работу гимназіи зависитъ очень многое въ сужденіяхъ о положеніи дѣлъ въ университетѣ: примирить эти взгляды нельзя, но приходится отмѣтить, что большая часть подавшихъ записки признавала необходимость раздѣлить до нѣкоторой степени вопросы. Какъ бы ни была тѣсна связь между средней школой и высшей, какъ ни необходима реформа первой, нельзя трактовать о всѣхъ вопросахъ въ одно время и за одинъ разъ

Реформа средней школы такъ или иначе разрабатывается, профессорамъ придется считаться съ нею и необходимо вліять на нее, но реформа высшей школы является не менѣе настоятельной, и въ настоящее время рѣчь должна идти прежде всего о ней.

Та же группа записокъ, въ которой высказывается мысль о распущенности и чрезмѣрной снисходительности нашихъ гимназій, проводитъ по отношенію къ университету, мнѣніе, что «онъ переполненъ въ ущербъ какъ успѣш-

ности учебныхъ занятій, такъ и поддержанію въ немъ порядка. Во-первыхъ, на многолюдныхъ факультетахъ скопляются такія массы студентовъ, что не хватаетъ на нихъ не только учебно-вспомогательныхъ пособій, но даже просто мѣста. А затѣмъ, большинство въ этомъ множествѣ», читаемъ мы въ этихъ запискахъ, «привлечено въ университетъ никакъ не желаніемъ знанія или образованія, а стремленіемъ получить дипломъ и связанныя съ нимъ выгодныя права. Такими побужденіями объясняется праздность и легкомысліе части студентовъ, объясняется и та «легкость», съ которой они бросаются очертя голову во всевозможные безпорядки».

Въ большей части записокъ проводится, однако, совершенно другій взглядъ на студентовъ, изъ совершенно иныхъ побужденій объясняются даже ихъ провинности. Профессоръ Павловъ указываетъ на то, что студенты младшихъ курсовъ встрѣчаютъ въ университетѣ въ значительной степени ту же скудость общеобразовательнаго элемента и тотъ же формализмъ властей и наставниковъ, которые побуждали ихъ въ гимназіяхъ искать руководства въ своемъ духовномъ развитіи не у школы, а въ случайныхъ воздѣйствіяхъ прессы, журналистики. Профессоръ Вернадскій характеризуетъ роковую двойственность, которая проходитъ черезъ все положеніе русскаго студента: «По закону онъ разсматривается, какъ отдѣльный, не связанный съ товарищами слушатель и посѣтитель университета, но тотъ же студентъ по своему нравственному чувству, по исторически сложившимся и все проникающимъ традиціямъ, есть живой членъ самодѣятельной, солидарной, цѣльной группы русской молодежи, принадлежитъ къ опредѣленной, идеальной корпораціи. Онъ привыкаетъ къ этому взгляду чуть не съ дѣтства, онъ его видитъ въ произведеніяхъ великихъ русскихъ писателей, въ традиціяхъ русской интеллигентной семьи, во всей почти полуторастолѣтней исторіи русскаго общественнаго самосознанія». Приватъ-доцентъ П. И. Новгородцевъ опровергаетъ на основаніи личнаго опыта мнѣнія тѣхъ, кто думаетъ, будто бы къ волненіямъ причастны только сту-

денты, присутствіе которыхъ нежелательно въ университетѣ. «Молодежь, говоритъ онъ, чуткая и живая, не можетъ не волноваться, когда въ ближайшихъ условіяхъ своей университетской жизни она чувствуетъ тягость внѣшнихъ стѣсненій, нарушающихъ столь высоко цѣнимыя ею достоинство и самостоятельность личности. Къ этому присоединяется юношеская вѣра въ свои силы и въ торжество своихъ начинаній. Студенты глубоко вѣрятъ, что стоитъ заявить справедливыя и нравственныя требованія, чтобы они нашли для себя отзвукъ въ обществѣ. Другіе, настроенные болѣе скептически, считаютъ все же своею обязанностью нравственный протестъ, хотя бы и безплодный. За какое же изъ этихъ качествъ требуется карать ихъ суровыми наказаніями—за молодую чуткость и отзывчивость, за вѣру въ идеальныя начала или за убѣжденіе въ необходимости нравственнаго протеста, сопряженнаго съ готовностью самопожертвованія. Говорятъ, что во время безпорядковъ проявляются буйныя страсти и забывается всякая мѣра, что на допросахъ студенты держатъ себя грубо и отвѣчаютъ невѣжливо. Трудно ожидать отъ молодежи безусловной корректности въ минуту общаго возбужденія, но я смѣю завѣрить, что знаю нѣкоторыхъ изъ участниковъ безпорядковъ за лицъ чрезвычайно сдержанныхъ и серьезно занимающихся въ обычное время. Среди нихъ можно встрѣтить и студентовъ старшихъ курсовъ съ большимъ научнымъ интересомъ и съ очень основательными познаніями. Конечно, въ общей массѣ встрѣчаются самыя разнообразныя категоріи. Отрицать это невозможно; но я положительно настаиваю на томъ, что очень многочисленная категорія состоитъ изъ студентовъ, серьезно занимающихся и способныхъ, одаренныхъ живымъ умомъ и нравственной выдержкой. Не слѣдуетъ также забывать, что еще болѣе значительная категорія студентовъ, занимающихся и серьезныхъ, не участвуя активно въ безпорядкахъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ личныхъ или семейныхъ обстоятельствъ, внутренне стоитъ безусловно на сторонѣ волнующихся. Нерѣдко это именно тѣ, которые всего болѣе страдаютъ нравственно. Они му-

чаются и колеблются, не знаютъ, какъ поступить, и въ извѣстныя минуты, несмотря ни на что, все-таки переходятъ на сторону товарищей».

«Что среди студентовъ, сочувствующихъ безпорядкамъ, очень много занимающихся и способныхъ, это было особенно легко прослѣдить во время экзаменовъ двухъ послѣднихъ лѣтъ, наблюдая въ 1899 г. тѣхъ, кто явился на экзамены, и затѣмъ въ 1900 г., экзаменуя второгодниковъ, уклонившихся отъ испытанія въ цѣляхъ протеста въ предшествующемъ году. Но если это наблюденіе вѣрно, то отсюда вытекаетъ глубокая несправедливость и полная нецѣлесообразность суровой политики обузданія». Записка князя Евг. Трубецкого посвящена, главнымъ образомъ, изложенію того процесса, въ силу котораго слагавшіяся по необходимости въ университетахъ студенческія общества для матеріальной взаимопомощи, для самообразованія, для нравственнаго товарищескаго единенія, изъ нелегальныхъ становились оппозиціонными, а изъ оппозиціонныхъ, революціонными, несмотря на отрицательное отношеніе студенчества и даже большинства своихъ членовъ къ антиправительственной агитаціи. Пребывающая же на почвѣ законности часть студенчества, при всей своей многочисленности, совершенно безсильна, потому что не организована. Кромѣ прямыхъ вредныхъ послѣдствій, такого порядка онъ имѣетъ косвенное послѣдствіе, не менѣе опасное: говоря словами кн. Трубецкого, основной недостатокъ всѣхъ неисполнимыхъ законовъ и правилъ заключается въ томъ, что самая невозможность ихъ исполненія вызываетъ убѣжденіе въ безсиліи власти, обязанной ихъ примѣнять и отстаивать. Приватъ-доцентъ Денъ подчеркиваетъ другую сторону все того же ненормальнаго положенія студентовъ въ университетѣ—атмосферу недовѣрія, которой они постоянно окружены и которая сама по себѣ пробуждаетъ въ нихъ нежелательныя чувства и отношенія. Въ запискахъ профессора Зернова и десяти профессоровъ также указывается съ удареніемъ на ненормальность положенія, при которомъ студенты являются лишь отдѣльными посѣтителями университета.

То же недовѣріе, которое опредѣляетъ отношеніе за-

кона, правилъ и властей къ студентамъ, проникаетъ все положеніе профессоровъ. «Теперешній профессоръ, въ сущности, тотъ же приватъ-доцентъ, являющійся въ университетъ для чтенія лекцій и производства экзаменовъ. Не ясно ли, что уставъ 1884 года, разбивъ солидарность профессорской корпораціи, лишилъ въ то же время университетъ одного изъ его главныхъ оплотовъ?» (записка десяти профессоровъ). Въ томъ же смыслѣ высказываются кіевская и харьковская комиссіи, записки князя Трубецкого, Вернадскаго и Дена, и съ нѣкоторыми ограниченіями это признано было въ 1889 г. въ запискахъ попечителя округа и покойнаго декана юридическаго факультета Легонина. По мнѣнію двухъ послѣднихъ, уставъ 1884 г., во всякомъ случаѣ, столько же отклонился отъ прямого пути своимъ недовѣріемъ къ профессорской корпораціи и отнятіемъ у нея всякихъ правъ, сколько уставъ 1863 г. отклонился въ сторону ослабленія правительственной власти въ университетахъ.

Въ частности, въ связи съ только-что указанными ненормальными условіями въ положеніи студентовъ и профессоровъ отмѣчаются недостатки цѣлаго ряда учрежденій теперешняго бюрократическаго строя. Кіевская комиссія указывала на паденіе авторитета властей и на рознь между ними, отразившуюся даже въ уставѣ на странномъ положеніи инспектора, подчиненнаго и не подчиненнаго ректору. Бывшій помощникъ ректора Московскаго университета указалъ въ 1889 г. на подобную же рознь и неясность, проходящую чрезъ статьи о власти попечителя: и онъ, и ректоръ поставлены, какъ непосредственные начальники университета, границы ихъ вліянія не проведены точно, и этимъ ослабляется отвѣтственность того и другого.

Хотя въ запискѣ инспектора Державина и въ заключеніяхъ Особаго Совѣщанія 1899 года положеніе инспекціи признается недостаточнымъ лишь въ томъ смыслѣ, что ей дано недостаточно власти и не хватаетъ численнаго состава, но въ запискахъ профессоровъ часто указывается на совершенно неподходящій характеръ, принятый этимъ

институтомъ. Къ педелямъ, дѣйствовавшимъ до 1899 г. возвращаться не приходится, но и современные помощники инспектора берутся за неблагодарное и непосильное дѣло, стремясь провести опеку и полицейскій надзоръ надъ дѣйствіями и даже мыслями студентовъ—изъ этого выходятъ лишь распоряженія и столкновенія (Вернадскій, Денъ).

Особенно тягостное впечатлѣніе производитъ современная постановка такъ называемаго суда и наказанія за университетскіе проступки. Обвиненіе и слѣдствіе находятся всецѣло въ рукахъ инспекціи, которая своими кондуитными помѣтками оказываетъ существенное вліяніе на приговоръ, и инспекторъ, какъ членъ правленія, участвуетъ прямо въ его произнесеніи. Произволъ въ примѣненіи наказаній усиливается тѣмъ, что иногда вмѣсто формы приговора употребляется форма непринятія въ число студентовъ послѣ огульнаго увольненія. Противъ смѣшенія судебныхъ и административныхъ функцій въ рукахъ правленія высказывался въ 1899 г. и попечитель округа. Наказанія примѣняются внѣ всякой соразмѣрности винѣ, благодаря административнымъ высылкамъ, которыя слѣдуютъ за умѣренными съ виду карами правленія. Все это порождаетъ сознаніе несправедливости и злобу, которыя приносятъ свои плоды и въ университетахъ, и внѣ ихъ (записка десяти профессоровъ).

Такимъ образомъ, помимо широкихъ вопросовъ и общихъ вліяній, на чисто университетской почвѣ, указывается рядъ явленій, которыя, каждое порознь, заставляютъ задуматься и требуютъ исправленія, а всѣ вмѣстѣ несомнѣнно способны вызвать проявленія изучаемаго недуга — безпорядковъ.

* * *

Мнѣніе Комиссіи о причинахъ безпорядковъ. Приведенныя выше выдержки изъ заявленій и записокъ студентовъ и профессоровъ—хотя Комиссія могла передать ихъ лишь въ самомъ сжатомъ видѣ—даютъ довольно полное представленіе о тѣхъ сторонахъ современнаго университетскаго быта, на которыя можно указывать для объясне-

ній студенческихъ волненій. Комиссія, однако, полагаетъ, что въ этомъ отношеніи слѣдуетъ выдѣлить явленія, создающія благопріятную почву для волненій или усиливающія ихъ—какъ, напримѣръ, теперешнюю организацію суда—отъ настоящихъ причинъ этихъ волненій. Причины эти явствуютъ изъ хода и развитія университетскихъ безпорядковъ.

Изъ вышеизложеннаго очерка студенческихъ волненій въ Московскомъ университетѣ можно усмотрѣть, что, тогда какъ болѣе раннія изъ нихъ имѣли случайный характеръ, студенческіе безпорядки съ конца 80-хъ годовъ становятся хроническими и повсемѣстными, въ нихъ проявляется опредѣленная система. Прежніе безпорядки заставали студентовъ врасплохъ; они наскоро сбѣгались на «сходки», чтобы потолковать между собой о случившемся, избрать депутатовъ для переговоровъ съ начальствомъ и т. п. Въ девяностыхъ годахъ значительная часть студентовъ принадлежитъ къ тайной организаціи студенчества: руководители этой организаціи становятся вожаками сходокъ, и самыя сходки являются не столько выраженіемъ временнаго волненія, сколько средствомъ борьбы за свободу студенческой организаціи. Хотя эта организація назрѣла лишь въ послѣдніе годы настолько, чтобы давать себя чувствовать въ возбужденіи и направленіи студенческихъ волненій, она началась давно и коренится въ глубокой потребности студентовъ въ ассоціаціяхъ. Самая эта потребность проистекаетъ изъ двухъ различныхъ источниковъ: съ одной стороны, изъ желанія недостаточныхъ студентовъ найти помощь у товарищей, а у болѣе достаточныхъ оказать эту помощь. Первая мысль объ организаціи такой взаимопомощи возникла среди студентовъ въ началѣ 1858 г. и была формулирована среди нихъ въ рѣчи, сказанной однимъ изъ нихъ 12-го января 1858 г. послѣ акта. Тутъ же было приступлено къ организаціи кассы взаимопомощи, которая получила затѣмъ широкое развитіе и находилась нѣсколько лѣтъ подъ руководствомъ тогдашняго профессора, а впослѣдствіи попечителя рижскаго и петербургскаго учебныхъ округовъ М. Н. Капустина.

Другой источникъ потребности ассоціацій нужно искать въ естественномъ стремленіи къ общенію среди молодыхъ людей. Въ университетахъ, подъ вліяніемъ общихъ интересовъ, новыхъ идей, можно сказать, новаго міровоззрѣнія, открывающагося передъ студентами, такое стремленіе должно быть особенно сильно; желаніе обмѣняться мыслями, подѣлиться сомнѣніями, провѣрить собственныя убѣжденія невольно влечетъ товарищей другъ къ другу, а это общеніе представляется студентамъ, и въ извѣстной мѣрѣ и дѣйствительно можетъ служить, главнымъ условіемъ собственнаго какъ умственнаго, такъ и нравственнаго развитія.

Удовлетворенію обѣихъ этихъ потребностей взаимопомощи и общенія людей, одинаково настроенныхъ и связанныхъ общими интересами, идетъ на встрѣчу землячество, т.-е. группа студентовъ, пріѣхавшихъ изъ одного и того же города. Многіе изъ пріѣзжихъ, не имѣя въ Москвѣ, ни родныхъ, ни знакомыхъ, принуждены прибѣгнуть къ совѣту и указаніямъ земляковъ даже по самымъ простымъ житейскимъ вопросамъ: отысканію квартиры, выбору столовой и т. п. Немудрено поэтому, что первыя землячества возникли въ Москвѣ давно, лѣтъ 40 тому назадъ. Съ тѣхъ поръ число ихъ стало постепенно увеличиваться и дошло въ 80-хъ годахъ до 38.

Соотвѣтствуя естественной потребности пріѣзжей молодежи, такія землячества могли бы при правильномъ развитіи имѣть благопріятное вліяніе на своихъ участниковъ и не имѣть вреднаго значенія для университета. Недаромъ землячества именно связаны своими корнями съ первоначальной университетской организаціей. Во всѣхъ средневѣковыхъ университетахъ студенчество группировалось по землячествамъ, nationes, и эти организація сохранились до сихъ поръ въ Германіи, гдѣ старинныя землячества служатъ въ настоящее время, время, главнымъ образомъ, спорту и общенію молодежи.

Но при своемъ возникновеніи въ Россіи землячества не нашли себѣ благопріятной почвы. Не предусмотрѣнныя университетскимъ уставомъ, они сторонились отъ глаза властей и скоро получили нелегальное значеніе.

Трудно въ настоящее время взвѣсить, сколько вреда принесъ этотъ фактъ отдѣльнымъ студентамъ и всему университету. Вслѣдствіе своей нелегальности, землячества все болѣе и болѣе увлекали своихъ членовъ на путь оппозиціи противъ университетскихъ порядковъ. Въ виду особеннаго риска отвѣтственности, которому подвергались вожаки, во главѣ землячествъ естественно становились студенты, наиболѣе смѣлые и предпріимчивые, можно даже прибавить—наиболѣе недовольные своимъ личнымъ положеніемъ или общими порядками. Въ особенности обострились враждебныя отношенія землячествъ къ университетскимъ порядкамъ, когда начались попытки объединить ихъ, организовать ихъ подъ властью общаго комитета, такъ называемаго Союзнаго Совѣта объединенныхъ землячествъ, и образовать этимъ способомъ боевую силу для борьбы не только противъ университетскихъ порядковъ, но и для цѣлей, лежащихъ внѣ сферы университетскихъ интересовъ. Роль Союзнаго Совѣта, постепенный захватъ имъ власти надъ землячествами, быстро увеличивавшееся вмѣшательство его во всѣ сферы университетской жизни съ замѣчательной ясностью и полнотой изображены въ вышеупомянутой запискѣ, составленной профессоромъ кн. Евг. Трубецкимъ для Совѣта кіевскаго университета послѣ безпорядковъ 1899 г. Записка составлена на основаніи многочисленныхъ, исходившихъ отъ самого Союзнаго Совѣта, документовъ и съ очевидностью доказываетъ выводъ, что «антиакадемическія тенденціи студенческой организаціи обусловливаются ея тайнымъ конспиративнымъ характеромъ» и что «Союзный Совѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ настоящее время, опасенъ, именно благодаря его нелегальному подпольному характеру».

Такимъ образомъ, приходится прежде всего установить, что причиной студенческихъ волненій были вытекавшія изъ потребности общенія студенческія ассоціаціи и самыя мѣры, направленныя къ ихъ преслѣдованію.

III. Мѣры для устраненія и предупрежденія студенческихъ волненій.

Заявленія студентовъ. Обращаясь отъ обозрѣнія причинъ, вызывавшихъ студенческія волненія, къ мѣрамъ, могущимъ содѣйствовать ихъ устраненію и предупрежденію, комиссія, какъ и въ первой части своего доклада, представитъ сначала перечень мѣръ, указанныхъ въ заявленіяхъ, поступившихъ отъ студентовъ и профессоровъ Московскаго университета.

Исходя изъ сознанія всего пагубнаго вліянія на университетскую жизнь какъ вышеприведенной главной причины университетскихъ безпорядковъ, такъ равно и ряда другихъ причинъ второстепеннаго значенія, студенты различныхъ факультетовъ и курсовъ указываютъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ на необходимыя и неотложныя реформы современнаго университетскаго быта, долженствующія, по ихъ мнѣнію, служить прочными гарантіями къ устраненію многихъ нежелательныхъ осложненій университетской жизни.

Сюда относятся слѣдующія проектируемыя нововведенія:

1. Правильно поставленная организація студенческихъ корпорацій. Ближайшею цѣлью такой организаціи выставляются въ заявленіяхъ правильность, систематичность и большій успѣхъ въ занятіяхъ, равно какъ и сближеніе товарищей для болѣе активнаго участія въ университетской жизни. Организація должна развить духъ единенія въ студентахъ во имя высокихъ нравственныхъ началъ, составляющихъ главную силу университетской жизни; въ то же время этой организаціи приписывается важное значеніе по ея вліянію на членовъ студенческихъ обществъ, поучающихъ искусству управлять собой и другими и представляющихъ могущественный элементъ противодѣйствія крайне возмутительному явленію шпіонства, вносящему деморализирующее вліяніе въ студенческую

среду. Наконецъ—правильно учрежденныя организаціи гарантируютъ справедливый товарищескій судъ.

Корпоративная организація студентовъ въ ихъ заявленіяхъ предполагается двоякаго рода: а) курсовая и б) по группамъ.

а) На курсовыя организаціи возлагается: 1. Матеріальная поддержка: исполненіе относящихся сюда обязанностей возлагается на казначея и на комиссію изъ нѣсколькихъ выборныхъ отъ курса лицъ для пріисканія занятій нуждающимся студентамъ, равно какъ и для правильнаго распредѣленія стипендій. 2. Установленіе правильныхъ отношеній къ явленіямъ академической жизни; сюда относятся—разрѣшеніе различныхъ вопросовъ, касающихся студенческой жизни и интересовъ ихъ: товарищескій судъ, изданіе лекцій, читальня, сношенія съ профессорами. Въ ряду этихъ мѣръ особенно важное значеніе придается учрежденію товарищескаго суда. Отсутствіе правильной организаціи, лишающее студентовъ возможности сближенія въ виду упомянутыхъ цѣлей просвѣщенія, отнимаетъ у нихъ въ то же время всѣ средства борьбы противъ нежелательныхъ проявленій со стороны отдѣльныхъ недостойныхъ лицъ изъ среды студенчества, поступки которыхъ идутъ порой въ явный разрѣзъ съ общимъ характеромъ направленія его Товарищескій судъ, имѣющій судить виновныхъ за просупки, не подлежащіе ни общему, ни университетскому суду, выставляется необходимой мѣрой для поднятія нравственнаго уровня студентовъ и для поддержанія чести университета.

Въ случаѣ возникновенія факультетскихъ или общеуниверситетскихъ вопросовъ представители курсовъ собираются для общаго подсчета голосовъ. Курсовыя собранія должны быть постоянными и правильными и происходить въ стѣнахъ университета. Вопросы разрѣшаются большинствомъ голосовъ наличнаго состава. Руководителями преній на собраніяхъ могутъ быть: или избранный студентъ, или преподаватель (профессоръ, приватъ-доцентъ, магистрантъ).

б) Организаціи по группамъ. Такого рода учрежденія преслѣдуютъ цѣли духовнаго развитія. Групповыя собра-

нія основаны на почвѣ общихъ научно-литературныхъ, художественныхъ интересовъ. Членами такого рода кружковъ, изъ которыхъ каждый представляетъ самостоятельное цѣлое, должны быть студенты различныхъ факультетовъ, приглашающіе въ свою среду и преподавателей. Если существованіе кружковъ безъ выдающагося участія преподавателей не можетъ быть разрѣшено, то выборъ руководителя долженъ быть предоставленъ членамъ кружка.

Организаціи по группамъ приписывается важное значеніе. Вслѣдствіе свободнаго выбора предмета занятій и руководителей, онѣ должны въ значительной мѣрѣ способствовать сближенію студентовъ и профессоровъ.

Въ виду осуществленія стремленія къ болѣе обширной организаціи, предлагается признать законность существованія за кружками землячествъ, которыя имѣютъ за собой извѣстную традицію самостоятельныхъ обществъ, возникшихъ изъ насущныхъ потребностей студенческой жизни и въ теченіе продолжительнаго времени оказывавшихъ дѣятельную помощь отдѣльнымъ членамъ студенческой корпораціи, укрѣплявшихъ, такимъ образомъ, нравственную связь въ студенческой средѣ.

Въ непосредственную связь съ учрежденіемъ организацій заявленія ставятъ вопросъ объ измѣненіи постановки преподаванія, настоятельно требуя преобразованія по отношенію къ способу веденія практическихъ занятій, системѣ слушанія лекцій, а также вопросу о гонорарѣ и платѣ.

Проектируемыя по этому пункту преобразованія сводятся: 1. къ болѣе широкой свободной организаціи практическихъ занятій, въ значительной мѣрѣ способствующихъ сближенію студентовъ съ профессорами; 2. къ допущенію свободнаго выбора предметовъ занятій, опредѣляющагося правомъ посѣщенія лекцій и практическихъ курсовъ на другихъ факультетахъ, представляющихъ интересъ для студентовъ, равно къ освобожденію отъ непремѣннаго посѣщенія такъ называемыхъ обязательныхъ предметовъ, относительное значеніе которыхъ должно опредѣляться лишь сохраненіемъ за ними обязательнаго экзамена или

замѣняющаго его зачета, [1]) и—къ свободному посѣщенію всѣхъ диспутовъ; 3. къ измѣненію системы экзаменовъ: устраненію пріурочиванія ихъ къ извѣстному сроку и назначенію по соглашенію съ преподавателями и къ отмѣнѣ экзаменовъ Государственной Комиссіи, и 4. къ измѣненію системы гонорара, весьма стѣснительной для студентовъ, такъ какъ она связана съ числомъ посѣщаемыхъ лекцій и лишаетъ возможности многихъ студентовъ съ ограниченными средствами слушать другіе курсы, представляющіе для нихъ иногда немаловажный интересъ. Предлагаемое измѣненіе системы гонорара и платы сводится къ суммарному вознагражденію, равняющемуся извѣстной нормѣ, независимо отъ числа посѣщаемыхъ лекцій. На ряду съ тѣмъ указывается на крайне желательное пониженіе платы, признаваемой многими по размѣрамъ весьма стѣснительной, и, наконецъ, на расширеніе круга помощи нуждающимся студентамъ.

Второй, въ высшей степени важной, реформой выставляется учрежденіе автономіи университета.

Слѣдуетъ отмѣтить, что во всѣхъ студенческихъ заявленіяхъ вопросы объ автономіи и организаціи студенческихъ корпорацій разсматриваются параллельно и ставятся на выдающійся планъ въ ряду другихъ проектируемыхъ мѣропріятій, какъ два существенно важныхъ начала, связанныхъ одной общей идеей и являющіяся при успѣшномъ и точномъ осуществленіи ихъ прочнымъ залогомъ правильнаго теченія и развитія университетской жизни.

Тогда какъ въ нѣкоторыхъ заявленіяхъ упоминается лишь кратко о настоятельной необходимости возстановле-

[1]) Студенты историко-филологическаго факультета I и II курсовъ указываютъ на недостатки существующей системы зачетовъ, имѣющей исключительно формальный характеръ и не удовлетворяющей требованіямъ. Студенты предлагаютъ расширить программу ихъ въ томъ смыслѣ, чтобы зачетныя работы производились по всѣмъ обязательнымъ предметамъ курса, а не по однимъ древнимъ языкамъ. Студенту должно быть предоставлено право выбора тѣхъ 2—3 предметовъ, по которымъ онъ представляетъ зачетныя работы. Темы должны предлагаться профессоромъ по соглашенію съ студентами и въ возможо большемъ числѣ для удобства выбора

нія устава 1863 года, въ другихъ вопросъ объ автономіи подвергается болѣе внимательному разбору и ставится на первое мѣсто.

Во главѣ всего университетскаго дѣла, согласно этому докладу, должна стоять строго авторитетная, внушающая уваженіе власть, гарантирующая точными, опредѣленными правилами неприкосновенность правъ и обязанностей учрежденія. Такимъ гарантирующимъ началомъ является автономія профессорской корпораціи, состоящей изъ людей, болѣе или менѣе независимыхъ, которые по своему научному и общественному развитію легче и удобнѣе обсуждаютъ всякіе, а тѣмъ болѣе «щекотливые университетскіе вопросы». Только эта корпорація въ состояніи регулировать или даже предотвращать тѣ волненія, корень которыхъ лежитъ въ ненормальностяхъ академической жизни.

Выразителемъ мнѣній корпораціи является Совѣтъ. Значеніе Совѣта было особенно выдвинуто уставомъ 1863 года и низведено на минимальную степень нынѣ дѣйствующимъ уставомъ.

Для большей полноты, разносторонности въ проявленіи дѣятельности Совѣта предлагается ввести въ его составъ не только профессоровъ, но и приватъ-доцентовъ, многіе изъ которыхъ несутъ равныя обязанности съ профессорами и нерѣдко пользуются симпатіями студентовъ.

Въ вопросахъ академической жизни Совѣтъ не долженъ зависѣть отъ попечителя, которому принадлежитъ только контроль. Ректоръ, какъ предсѣдатель Совѣта, не долженъ быть облеченъ большею властью сравнительно съ другими членами. Онъ избирается Совѣтомъ изъ среды профессоровъ и утверждается министромъ или Высочайшею властью.

Въ непосредственной связи съ вопросомъ объ автономіи стоитъ учрежденіе университетскаго, независимаго, самостоятельнаго суда, являющагося однимъ изъ важныхъ мѣропріятій къ урегулированію университетской жизни. Предсѣдателемъ суда должно состоять лицо постороннее, съ спеціальнымъ юридическимъ образованіемъ, избираемое Совѣтомъ среди наиболѣе способныхъ и извѣстныхъ своей

профессіональной этикой присяжныхъ повѣренныхъ. Въ помощь предсѣдателю избирается Совѣтомъ изъ профессоровъ 3—4 засѣдателя, изъ которыхъ одинъ долженъ быть юристъ. При такомъ составѣ суда изъ компетентнаго юриста-предсѣдателя и членовъ-профессоровъ, хорошо освѣдомленныхъ объ особенностяхъ университетской жизни, исключается всякое пристрастіе и произволъ въ судопроизводствѣ, напротивъ, такой судъ является вполнѣ правильнымъ такъ какъ при постановкѣ рѣшенія не только принимаетъ во вниманіе фактическія основанія дѣла, но входитъ въ опредѣленіе и психологической стороны въ интересѣ обвиняемыхъ.

Проектируемая форма суда, гласнаго и доступнаго всякому желающему присутствовать на немъ студенту, представляетъ, по мнѣнію авторовъ заявленій, большія преимущества передъ существующимъ судомъ Правленія, представляющимъ большую аномалію въ строѣ академической жизни. На проектируемый новый судъ студенты возлагаютъ большія надежды и просятъ Комиссію обратить особенное вниманіе на этотъ пунктъ доклада.

Всѣ проступки, подлежащіе вѣдѣнію университетскаго суда, трудно опредѣлить заранѣе, но, въ главномъ, судомъ должны быть разбираемы всѣ столкновенія студентовъ съ должностными лицами въ университетѣ и внѣ его, равно и столкновенія между студентами, если таковыя не влекутъ за собой уголовнаго преслѣдованія и не подлежатъ общегосударственному и гражданскому суду [1]). Студентъ, недовольный рѣшеніемъ суда, можетъ апеллировать по первой инстанціи въ Совѣтъ и, далѣе, къ Министру Народнаго Просвѣщенія.

Слѣдующей мѣрой къ урегулированію университетской жизни должна служить реформа инспекціи. Современная постановка дѣятельности инспекціи является, по едино-

[1]) Въ ряду проступковъ, которымъ приписывается политическій характеръ, не всѣ, однако, подходятъ подъ эту категорію, такъ, дѣятельность Исполнительнаго Комитета, служащаго выраженіемъ мнѣній и стремленій студенчества, должна быть изъята отсюда и подлежитъ поэтому также академическому суду.

душному выраженію всѣхъ заявленій, однимъ изъ существенныхъ золъ академической жизни и и постоянной причиной студенческихъ волненій.

Такого рода вліяніе объясняется въ заявленіяхъ крайне противорѣчивыми по существу инструкціями, данными инспекціи. Представители ея не могутъ ограничиваться, по своимъ инструкціямъ, однимъ наблюденіемъ за внѣшнимъ порядкомъ въ стѣнахъ университета—на нихъ лежитъ и обязанность благожелательнаго попеченія объ учащихся и сношенія съ ними по вопросамъ научныхъ занятій. Такого рода и столь различныя, по существу, функціи являются совершенно несовмѣстными. Съ другой стороны, постоянное вмѣшательство во внутеннюю жизнь студентовъ представителей инспекціи признается крайне тяжелымъ. Нѣкоторыя проявленія дѣятельности инспекціи совершенно несовмѣстны съ основными началами университетской жизни. Возникшая на почвѣ недовѣрія начальства къ студентамъ, пользующаяся въ исполненіи своихъ обязанностей способами тайнаго выслѣживанія, имѣющая на ряду съ тѣмъ право извѣстнаго контроля надъ студенческими занятіями, инспекція, по словамъ заявленій, внушаетъ студентамъ лишь неуваженіе и озлобленіе, оказываетъ порой прямо деморализующее вліяніе и поэтому служитъ, какъ упомянуто выше, одной изъ причинъ частыхъ студенческихъ волненій.

Вслѣдствіе этого, во всѣхъ почти заявленіяхъ настоятельно предлагается ограничить дѣятельность инспекціи лишь надзоромъ за внѣшнимъ порядкомъ въ университетскихъ зданіяхъ. Посѣщеніе аудиторій субъ-инспекторами въ промежутки между лекціями крайне нежелательно, такъ какъ подаетъ нерѣдко поводъ къ раздраженію. Въ нѣкоторыхъ заявленіяхъ высказывается желаніе полнаго подчиненія инспекціи Совѣту университета. По смыслу этихъ заявленій субъ-инспекторы могутъ служить передаточной инстанціей между канцеляріей и студентами. Чисто же полицейская дѣятельность ихъ становится излишней при осуществленіи свободы студенческихъ организацій.

Помимо указанныхъ выше главныхъ началъ академической жизни, требующихъ реформы, въ заявленіяхъ студентовъ

выдвигается рядъ отдѣльныхъ вопросовъ, имѣющихъ второстепенное значеніе, но также подлежащихъ внимательному разсмотрѣнію. Сюда относятся:

Заявленія отдѣльныхъ лицъ и группъ студентовъ относительно ходатайства Комиссіи о полной амнистіи студентовъ, замѣшанныхъ въ послѣднихъ безпорядкахъ.

Заявленія студентовъ-евреевъ о тяжеломъ ихъ положеніи въ университетѣ. Ходатайство ихъ объ отмѣнѣ параграфа устава объ ограниченіи процента числа евреевъ при поступленіи въ университетъ, объ уравненіи правъ относительно отвѣтственности за проступки, о разрѣшеніи имъ получать пособія и стипендіи.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ заявленіяхъ указывается на необходимость уничтоженія существующаго правила объ ограниченіи пріема вновь поступающихъ студентовъ извѣстнымъ учебнымъ округомъ.

Таковы главныя причины, нарушающія правильный ходъ университетской жизни и настоятельно требующія введенія регулирующихъ эту жизнь мѣропріятій, какъ они опредѣляются въ большинствѣ студенческихъ заявленій.

Отмѣчая здѣсь въ суммарномъ докладѣ эти важнѣйшіе пункты, Комиссія не можетъ не упомянуть въ заключеніи о вполнѣ благопріятномъ впечатлѣніи, вынесенномъ ею изъ ближайшаго знакомства съ отдѣльными записками студентовъ.

За весьма немногими исключеніями всѣ они проникнуты искренними, свободными отъ всякихъ постороннихъ соображеній стремленіями улучшить ненормально поставленную жизнь университета, исходящими изъ вѣрнаго пониманія главныхъ задачъ и цѣлей университетскаго образованія, во всѣхъ проявляется одно общее грустное сознаніе крайней изолированности положенія и полной невозможности, несмотря на истинно честныя стремленія, жить согласно съ лучшими традиціями Университета.

Если многія изъ проектируемыхъ реформъ являются въ заявленіяхъ недостаточно разработанными, то тѣмъ не менѣе онѣ освѣщены твердымъ сознаніемъ ихъ неотлож-

ности, съ достаточной рельефностью отмѣчены въ принципіальномъ смыслѣ—и въ этомъ отношеніи могутъ служить руководящими исходными точками зрѣнія въ дѣятельности Комиссіи.

* * *

Мнѣнія профессоровъ. Переходя къ разсмотрѣнію мѣръ, предложенныхъ въ заявленіяхъ прфессоровъ противъ студенческихъ безпорядковъ, Комиссія считаетъ необходимымъ, какъ и по вопросу о причинахъ, напомнить о томъ, что она призвана лишь высказаться о предметѣ въ предѣлахъ университетской жизни. Поэтому она отмѣтитъ лишь еще разъ, что нѣкоторыя записки, сильно указывающія на печальное положеніе средней школы, требуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ ея коренной реформы (особенно мнѣніе профессора А. П. Павлова). Вопросъ переходитъ уже прямо на университетскую почву, когда возникаетъ мысль о необходимости отгородить университетъ отъ гимназіи и производить тщательный отборъ при принятіи получившихъ аттестатъ зрѣлости въ университетъ. Въ этомъ смыслѣ высказалось въ 1899 году Особое Совѣщаніе (пункты 2 и 3), при чемъ главными средствами для отбора были признаны повѣрочныя, а иногда и конкурентныя испытанія для опредѣленія способностей и знаній и сообщеніе гимназіями подробныхъ «характеристикъ» своихъ абитуріентовъ, въ видахъ недопущенія въ университетъ элементовъ ненадежныхъ въ воспитательномъ отношеніи. Эти резолюціи Особаго Совѣщанія опираются на мнѣнія, поданныя нѣсколькими лицами въ 1899 году. Помимо прямой цѣли—предварительнаго отбора подходящихъ для университетскаго образованія субъектовъ — мѣры эти должны имѣть другое послѣдствіе, важное для поддержанія порядка въ университетѣ—уменьшеніе числа студентовъ въ немъ.

Къ тѣмъ же цѣлямъ направляется и другая изъ предложенныхъ мѣръ. Дѣло идетъ объ отнятіи у университетскаго диплома, каковымъ по существу является дипломъ государственныхъ испытательныхъ комиссій, всякого отношенія къ правамъ служебнымъ или профессіональнымъ.

Университетскія испытанія должны быть лишь испытаніями на ученыя степени, въ томъ числѣ и на степень кандидата, а права служебныя и профессіональныя должны пріобрѣтаться комиссіонными испытаніями, независимыми отъ прохожденія университетскаго курса. Въ результатѣ такой мѣры, по мысли предлагающихъ ее, большинство юношей, которые теперь поступаютъ въ университетъ, не поступятъ въ него, а будутъ просто готовиться къ экзаменамъ на дипломы или поступятъ въ качествѣ вольныхъ слушателей, а такихъ въ случаѣ безпорядковъ легко будетъ удалять безъ всякихъ осложненій.

Въ связи съ такими взглядами на доступъ въ университетъ и его характеръ, какъ высшаго образовательнаго учрежденія, стоятъ предложенія объ организаціи его, какъ спеціальной школы. Отдавая открытое предпочтеніе спеціальнымъ школамъ, авторъ одного изъ этихъ предложеній рекомендуетъ такой распорядокъ занятій въ университетѣ, чтобы студенты были заняты съ утра до вечера и притомъ, въ виду свойствъ русской натуры, подъ постояннымъ контролемъ и съ неуклоннымъ устраненіемъ всѣхъ, кто признается неподходящимъ. Для этихъ цѣлей должны служить репетиціи, строгіе экзамены, обязательныя практическія занятія, усиленный учебный надзоръ. Поднятія дисциплины также достаточно ясно подчеркнуто въ этой запискѣ, но ему посвящено особенное вниманіе авторомъ другой записки. Изъ ряда частныхъ мѣръ, указанныхъ имъ съ цѣлью «подтянуть» студентовъ, упомянемъ лишь о присутствіи помощниковъ инспектора на лекціяхъ и практическихъ занятіяхъ. Наконецъ, въ ряду мѣръ къ усиленію бюрократическаго начала въ университетѣ, слѣдуетъ упомянуть о предложеніи сдѣлать ректора въ полномъ смыслѣ слова начальникомъ университета, отдѣливъ его должность отъ положенія и званія профессора.

Въ иномъ направленіи, конечно, разсуждаютъ тѣ, кто видитъ причину зла не въ недостаточности опеки и репрессіи, а въ чрезмѣрности ихъ. Проф. Павловъ, напримѣръ, хотя и является горячимъ сторонникомъ реформы гимназій, но въ университетскомъ преподаваніи

предлагаетъ восполнить недостатки общеобразовательной подготовки гимназистовъ прежде всего учрежденіемъ общеобразовательныхъ курсовъ, недостаточность учебно-воспомогательныхъ средствъ университетовъ усиленіемъ этихъ средствъ. Комиссія Кіевскаго и Харьковскаго университетовъ высказались за допущеніе большей свободы преподаванія и большей свободы слушанія въ соотвѣтствіи возрасту молодыхъ людей и назначенію университетовъ, какъ учрежденій, осуществляющихъ связь между науками и преслѣдующихъ цѣли не только спеціально профессіональныя. Записки десяти профессоровъ, В. И. Вернадскаго, Дена, въ противоположность мысли объ усиленіи инспекціи и развитіи ея функціи, рекомендуютъ ограниченіе ея дѣятельности прямыми обязанностями надзора за порядкомъ и снятіе съ нея неисполнимой роли по духовной опекѣ студенчества. Въ связи съ этимъ указывается и на излишнее вмѣшательство общей полиціи въ чисто университетскія дѣла, которое придаетъ студенческимъ проступкамъ характеръ политическихъ преступленій, а всѣхъ студентовъ обращаетъ въ особый разрядъ поднадзорныхъ (Записки 10 профессоровъ, профессора Зографа).

Ближайшимъ къ постановкѣ инспекціи вопросомъ является вопросъ объ университетскомъ судѣ, его составѣ, производствѣ и системѣ наказаній. Послѣ безпорядковъ 1899 года попечитель округа рекомендовалъ учрежденіе внѣуниверситетскаго суда при учебномъ округѣ для сужденія о важнѣйшихъ проступкахъ. Въ запискѣ 10 профессоровъ указывалось на необходимость постановки университетскаго суда на началахъ независимости и законности. Наиболѣе подходящими средствами для этого являются, по мнѣнію авторовъ записки, избраніе Совѣтомъ университетскаго судьи изъ числа авторитетныхъ членовъ судебныхъ учрежденій города и засѣдателей изъ числа профессоровъ, опредѣленная градація наказаній и соблюденіе по дѣламъ о важнѣйшихъ проступкахъ общихъ началъ, обязательныхъ для судовъ.

Наибольшее вниманіе привлекали, естественно, вопросы

объ организаціи профессорской коллегіи и объ организаціи студенчества.

Съ востановленіемъ профессорской коллегіи связаны, по взглядамъ десяти профессоровъ, комиссій Кіевской и Харьковской, князя Трубецкого, профессора Вернадскаго, приватъ-доцентовъ Новгородцева и Дена, всѣ надежды на улучшеніе порядковъ въ университетѣ. Коллегіальная организація не предохранитъ, конечно, отъ появленія безпорядковъ, этого вообще нельзя достигнуть никакими мѣрами, но «дѣло въ томъ, чтобы придать какъ можно болѣе вѣса сторонѣ закона и порядка, и въ этомъ отношеніи сплоченная, самоуправляющаяся университетская корпорація будетъ силой, способной оказывать нравственное вліянія на студентовъ и защищать порядокъ» (Записка 10 профессоровъ). Докладъ Кіевской комиссіи, установивъ тотъ фактъ, что какъ самый Уставъ 1884 года, такъ и основанная на немъ долголѣтняя практика Министерства Народнаго Просвѣщенія ослабили авторитетъ профессоровъ, выдвигаетъ необходимость возстановить авторитетъ Совѣта въ университетѣ и отмѣчаетъ, что «желательная твердость и единодушіе въ образѣ дѣйствій профессоровъ по отношенію къ студенческимъ безпорядкамъ всего лучше обезпечиваются при томъ условіи, если самый Уставъ дастъ профессорамъ возможность дѣйствовать коллегіально».

Комиссія физико-математическаго факультета указывала съ особеннымъ удареніемъ на то, что университетской коллегіи должно быть возвращено право самопополненія, которое связываетъ авторитетъ отдѣльнаго профессора съ нравственнымъ авторитетомъ всей коллегіи, и лишеніе котораго послѣ долгаго пользованія имъ, есть прямое выраженія ей недовѣрія. Въ меньшей степени, какъ сказано было выше, необходимость расширить компетенцію Совѣта признана была въ 1899 г. и попечителемъ округа, хотя онъ сопроводилъ это указаніе предложеніемъ, чтобы для ближайшаго контроля надъ Совѣтами была учреждена новая дожность «помощниковъ попечителя». По мнѣнію же одного изъ профессоровъ, Правленію слѣдовало хотя бы бы «для свѣдѣнія», сообщать Совѣту о ходѣ дѣлъ

въ университетѣ. Этимъ было бы, вѣроятно, ослаблено завистливое отношеніе и оппозиціонное направленіе профессоровъ.

Къ вопросу объ организаціи студентовъ Особое Совѣщаніе 1899 г. допустило лишь образованіе подъ руководствомъ профессоровъ ученыхъ и литературныхъ Обществъ и высказалось противъ всякого рода союзовъ взаимопомощи въ студенческой средѣ. Инспекторъ Державинъ посвятилъ въ своей Запискѣ особый отдѣлъ мѣрамъ противъ землячествъ и курсовыхъ организацій. Однако, изъ лицъ, вошедшихъ въ составъ Особаго Совѣщанія, ректоръ Д. Н. Зерновъ высказался опредѣленно въ пользу допущенія ассоціацій, въ которыхъ принимали бы участіе студенты, считая необходимымъ придать этимъ ассоціаціямъ характеръ корпорацій не чисто-студенческихъ, но обнимающихъ и бывшихъ студентовъ. Записка кн. Евг. Трубецкаго, какъ уже было сказано, посвящена, главнымъ образомъ, исторіи студенческихъ обществъ и союзовъ и приходитъ къ тому заключенію, что «для правильнаго теченія нашей академической жизни необходимы такія условія, которыя бы давали возможность сочувствующему порядку большинству нашей молодежи сплотиться и организоваться на почвѣ закона». «Въ предѣлахъ цѣлей взаимопомощи студенческая организація въ русскихъ университетахъ вытекаетъ изъ коренной, не уничоженной бытовой потребности, вслѣдствіе чего правительству остается одно изъ двухъ: или оставить все по-прежнему, т.-е. терпѣть въ университетѣ безусловно опасную и вредную для него нелегальную организацію, или же узаконить такія студенческія общества, которыя отвѣчали бы названной потребности, ввести ихъ въ естественныя ихъ границы, подчинить ихъ правительственному контролю и такимъ образомъ образовать организацію вполнѣ академическую, полезную для университета и въ истинномъ смыслѣ слова консервативную. Невозможно сомнѣваться, что изъ двухъ заслуживаетъ предпочтенія; третьяго же разрѣшенія вопроса, отличнаго отъ этихъ двухъ, быть не можетъ, такъ какъ многолѣтній опытъ уже достаточно доказалъ невозможность искорененія студен-

ческихъ корпорацій однѣми полицейскими мѣрами». Въ томъ же смыслѣ высказываются записки 10 профессоровъ, проф. Вернадскаго, приватъ-доцентовъ Дена и Новгородцева.

***

Мнѣнія Комиссіи. Изложивъ взгляды отдѣльныхъ профессоровъ на средства къ устраненію и предупрежденію студенческихъ безпорядковъ, Комиссія съ своей стороны коснется этого вопроса. При обсужденіи мѣръ противъ повтореній студенческихъ волненій приходится прежде всего обратиться къ мѣрамъ, до сихъ поръ прилагавшимся, и взвѣсить ихъ дѣйствительность и цѣлесообразность. Это были мѣры исключительно *репрессивныя;* исходили онѣ отъ университетской инспекціи, отъ правленія, какъ судебной инстанціи, отъ полиціи, отъ охраннаго отдѣленія и, наконецъ, отъ министерства («временныя правила»). Во всѣхъ этихъ случаяхъ замѣтна одна выдающаяся черта— постоянное *усиленіе* мѣръ и каръ, къ которымъ приходилось прибѣгать; собственно уже однимъ этимъ обстоятельствомъ подрывается значеніе указанныхъ мѣръ и доказывается ихъ несостоятельность. Но помимо этой проявившейся на дѣлѣ безуспѣшности репрессивныхъ мѣръ, онѣ подлежатъ критикѣ по самому ихъ существу.

Инспекторскій надзоръ за студентами въ аудиторіяхъ, чѣмъ онъ внимательнѣе, тѣмъ болѣе становится мелоченъ и тѣмъ сильнѣе раздражаетъ студентовъ, и если они въ спокойное время и сносятъ терпѣливо такой надзоръ, то при волненіяхъ неудовольствіе противъ надзора является для многихъ однимъ изъ сильнѣйшихъ личныхъ мотивовъ для того, чтобы примкнуть къ сходкѣ, и обыкновенно становится первымъ поводомъ къ столкновенію съ начальствомъ.

Что касается до полицейскаго воздѣйствія, то мы разумѣемъ здѣсь не тѣ дѣйствія полиціи, которыя относятся къ поддержанію порядка и благочинія на улицѣ или совершаются въ стѣнахъ университета по приглашенію университетскаго начальства. Здѣсь могутъ происходить случайныя столкновенія и излишества, которыя не всегда

легко предотвратить. Но необходимо взвѣсить значеніе для спокойствія университета тѣхъ распоряженій полиціи, которыя имѣютъ цѣлью *предупредить* безпорядки или усилить кару за произведенные безпорядки и заключаются въ арестахъ и въ высылкахъ изъ Москвы болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ этимъ безпорядкамъ лицъ и иногда распространяются на десятки и сотни лицъ. Что касается до высылокъ, являющихся слѣдствіемъ увольненія студента Правленіемъ, то онѣ теперь происходятъ на основаніи циркуляра Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по Департаменту Полиціи отъ 13 сентября 1899 года за № 1637. Съ педагогической точки зрѣнія нельзя не пожалѣть объ этомъ распоряженіи. Угроза высылки за увольненіе, даже если она извѣстна студенту, едва ли кого-либо удержитъ отъ участія въ сходкѣ или демонстраціи, потому что эти дѣйствія совершаются въ сильно возбужденномъ состояніи или подъ вліяніемъ чувства товарищества, не позволяющаго хладнокровно разсуждать. А между тѣмъ такая высылка болѣе чѣмъ удваиваетъ кару и становится почти всегда несоразмѣрнымъ съ проступкомъ наказаніемъ. Затѣмъ оно легко становится несправедливымъ, имѣя весьма различныя послѣдствія для лицъ, ему подвергнувшихся, смотря по тому, высылаются ли уволенные студенты на родину или изъ родины (если они изъ университетскаго города), имѣютъ ли они чѣмъ жить на мѣстѣ высылки или нѣтъ, высылаются ли срочно или безсрочно, на годъ или на два. Во всякомъ случаѣ слухи о послѣдовавшихъ высылкахъ, иногда преувеличенные, чрезвычайно волнуютъ студентовъ, даже и неприкосновенныхъ къ безпорядкамъ,—уже не говоря объ отдѣльныхъ ошибкахъ, которыя возможны при массовыхъ высылкахъ, и объ отдѣльныхъ трагическихъ случаяхъ, сильно возбуждающихъ студентовъ, когда, напримѣръ, высылаемые были недостаточно снабжены деньгами или одеждой. Въ виду этого возникаетъ вопросъ, что перевѣшиваетъ—ожидаемая ли польза отъ высылокъ, какъ средства удалять безпокойныхъ, или ихъ вредъ, какъ средства вызывать озлобленіе. Высылки всегда будутъ представляться молодежи неспра-

ведливыми и произвольными и потому будутъ убивать въ нихъ уваженіе къ закону, а именно воспитаніе въ университетской молодежи чувства законности — одна изъ главнѣйшихъ гарантій сохраненія порядка и лучшій залогъ полезной для государства дѣятельности будущихъ гражданъ и чиновниковъ.

Что касается до «временныхъ правилъ», то они доказали свою непримѣнимость. Она обусловливается крайнимъ несоотвѣтствіемъ проступка и наказанія, т.-е. нарушеніемъ самаго элементарнаго основанія справедливости. Вслѣдствіе этого эти правила и не достигли, какъ показываетъ опытъ, своей цѣли, т.-е. ни въ одномъ университетѣ не удержали студентовъ отъ сходокъ,—а при такихъ условіяхъ они становятся ненужною жестокостью. Комиссія не считаетъ нужнымъ останавливаться на другихъ соображеніяхъ, которыя можно привести противъ «временныхъ правилъ». Единственная польза отъ всѣхъ этихъ репрессивныхъ мѣръ та, что всякій безпристрастный человѣкъ можетъ теперь убѣдиться въ ихъ безполезности и въ необходимости держаться относительно студентовъ другой политики. Политика эта должна исходить изъ сердечнаго отношенія къ учащейся молодежи,— а это сердечное отношеніе заключается въ слѣдующемъ: отнюдь не преувеличивать значенія студенческихъ волненій и потому относиться къ нимъ спокойнѣе и равнодушнѣе. Хотя бы эти волненія выражались въ сходкахъ и забастовкахъ — это вспышки, которымъ нужно дать время пройти. Немудрено, что участники сходокъ готовы преувеличивать общественное значеніе своихъ демонстрацій: но обществу и администраціи нужно помнить, что эта молодежь—граждане только *академическіе*. Нужно помнить, что большинство этой молодежи *всегда* относится пассивно, а иногда и враждебно къ волненіямъ; нужно опираться на это большинство и дать ему время проявить свою силу инерціи, а не толкать ее поспѣшными репрессивными мѣрами на сторону волнующихся. Относительно же самихъ волнующихся нужно помнить—даже если у нихъ и не было справедливаго повода къ неудовольствію—что эти волненія

обусловливаются жаромъ и пыломъ молодости, что это потокъ вешнихъ водъ, временно вышедшій изъ береговъ, и что избытокъ жара и пыла молодости—драгоцѣнный даръ, если сумѣть его направить туда, гдѣ онъ можетъ быть плодотворенъ.

Ничто такъ не убѣждаетъ въ недостаточности однѣхъ репрессивныхъ мѣръ для устраненія волненій и въ ихъ способности создавать настроеніе, обусловливающее волненіе, какъ изученіе тѣхъ нелегальныхъ гектографированныхъ листовъ, которыхъ такъ много хранится въ архивѣ университета и попечителя учебнаго округа. Съ одной стороны, приходится отмѣтить любопытный фактъ, что тайная организація утрачиваетъ свой «престижъ», какъ скоро къ ней не примѣняется репрессія. Такъ, одна прокламація, изданная до *начала* послѣднихъ безпорядковъ, свидѣтельствуетъ, что «дѣло объорганизаціи падаетъ», вожаки жалуются на «ослабленіе движенія» и тщетно взываютъ къ вступленію въ составъ организаціи и образованію новыхъ группъ (ноябрь 1900 г.). Согласно съ этимъ, другая прокламація жалуется, что «кіевскія событія» застали студентовъ «врасплохъ», и сѣтуетъ на слабость организаціи, на «роковое присутствіе въ университетѣ ультраконсервативныхъ элементовъ, вытекающихъ изъ экономическихъ условій», разумѣя подъ этимъ стипендіи «благонамѣреннымъ». Авторы этихъ разсужденій ищутъ «неуспѣха забастовки въ коренныхъ условіяхъ студенческаго строя». Съ другой стороны, видно, какъ репрессивныя мѣры и угрозы суровыхъ взысканій даютъ поводъ возбуждать неудовольствіе среди массы студенчества и въ патетическихъ выраженіяхъ призывать къ оппозиціи. Нелегальная литература доказываетъ съ очевидностью, что «временныя правила» вмѣсто сдержки стали «причиной движенія», что подъ давленіемъ этой угрозы назрѣвало гнетущее сознаніе въ невозможности «жить и работать подъ дамокловымъ мечемъ». Вся исторія студенческихъ волненій, насколько она отразилась въ тайной студенческой литературѣ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какъ соразмѣрно съ усиленіемъ репрессіи растутъ притязанія неле-

гальныхъ студенческихъ кружковъ захватить власть надъ студентами, расширить свою компетентность и распространить ее далеко за предѣлы чисто студенческихъ интересовъ. Эти кружки не только требуютъ «отмѣнить форму или удешевить ее», отмѣнить плату или «взимать ее только съ богатыхъ», но и хотятъ «судить товарищей, не примыкающихъ къ сообществу», «порицать профессоровъ», «самостоятельно рѣшать вопросы, возбужденные академическою жизнью, устраивать общероссійскіе съѣзды»; нелегальная литература показываетъ также, съ какимъ легковѣріемъ принимаются и распространяются слухи о необыкновенныхъ успѣхахъ студенческаго движенія въ другихъ городахъ, о «сочувствіи общества» и т. п. слухи, которые не опровергаются или тщетно опровергаются въ виду запрещенія печати касаться этихъ вопросовъ.

Какъ эта литература, такъ и вся исторія студенческихъ движеній и, наконецъ, опытъ культурныхъ государствъ должны побудить насъ искать исцѣленія отъ укоренившагося въ нашихъ университетахъ недуга не въ усиленіи репрессивныхъ мѣръ, не въ уничтоженіи университета, т.-е. въ расторженіи его на спеціальныя заведенія—развѣ спеціальныя заведенія не участвовали въ волненіи?—а въ *преобразованіяхъ*, т.-е. въ устраненіи тѣхъ позднѣйшихъ *наростовъ*, которые мѣшаютъ нормальному теченію жизни, въ возвращеніи къ истиннымъ университетскимъ традиціямъ. Сообразно съ этимъ и не входя въ излишнія подробности, которыя отвлекли бы вниманіе Совѣта отъ сущности дѣла и которыя могутъ быть установлены лишь по рѣшеніи принципіальнаго вопроса, Комиссія выскажется о главныхъ сторонахъ университетскаго строя, подлежащихъ преобразованію, а именно: 1. о студенческихъ организаціяхъ, 2. объ университетскомъ судѣ и о взысканіяхъ, 3. объ инспекціи, 4. о свободѣ слушанія лекцій и 5. о компетентности Совѣта университета.

* * *

Студенческія организаціи. 1. Какъ выше было доказано, усиленіе и вредное направленіе тайной студенче-

ской организаціи несомнѣнно вызваны были все усиливавшейся безпощадной полицейской репрессіей, направленной противъ этой организаціи съ цѣлью искорененія ея, а на самомъ дѣлѣ приведшей къ тому, что организаціи этой придавался все болѣе и болѣе «конспиративный» характеръ, и въ исполнительные органы ея начали проникать наиболѣе радикальные элементы.

Прискорбное явленіе это было бы немыслимо, если бы, исходя изъ правильнаго пониманія разумныхъ и естественныхъ нуждъ и потребностей учащейся молодежи, дана была возможность студентамъ соединяться въ разнаго рода союзы на законномъ основаніи, подъ попечительствомъ, руководствомъ и контролемъ профессоровъ и университетскаго начальства.

Такимъ образомъ, назрѣлъ вопросъ о томъ, оставить ли по-прежнему въ университетахъ безусловно старую и вредную тайную организацію, неискоренимую, какъ засвидѣтельствовалъ опытъ, однѣми лишь репрессивными мѣрами, или же узаконить такую студенческую организацію, которая, не представляя никакой опасности для правильнаго теченія академической жизни, соотвѣтствовала бы разумнымъ и естественнымъ стремленіямъ и потребностямъ студенчества? Можно ли продолжать упорствовать въ воззрѣніи на природную потребность къ общенію и къ товариществу, какъ на преступленіе? Цѣлесообразно ли дальше оставлять большинство студентовъ въ нравственномъ одиночествѣ и, наконецъ, не пора ли вспомнить, что у студентовъ есть живая душа и притомъ еще молодая, съ психологіей которой необходимо считаться?

Въ виду вышеизложенныхъ соображеній комиссія считаетъ безусловно необходимою правильную и законную организацію студенчества, при чемъ задачи различныхъ организованныхъ группъ могутъ быть слѣдующія: 1. взаимопомощь, 2. нравственная поддержка товарищества; 3. благотворное воздѣйствіе старшихъ студентовъ на младшихъ; 4. научныя и учебныя цѣли и 5. культурное и вообще полезное и здоровое времяпрепровожденіе, въ связи съ таковыми же развлеченіями.

Само собой разумѣется, что организацію студентовъ необходимо вводить, въ предѣлахъ возможности, постепенно и съ должной осторожностью. Что же касается вопроса о томъ, какая именно организація цѣлесообразна и допустима, то отвѣтъ подсказывается самою жизнью и, можно сказать, традиціями университета. Внутренняя исторія университета уже выработала *четыре* формы для группировки студентовъ и каждая изъ нихъ глубоко коренится въ общихъ условіяхъ русскаго университетскаго быта. Эти четыре типичныхъ формы: организація курсовая, земляческая, кружковая и общая.

Курсовая организація естественно вытекаетъ изъ усвоенной нашими университетами учебной системы съ ея обязательными лекціями, сгруппированными по опредѣленной учебной программѣ, разсчитанной на 4 года или на 5 лѣтъ. Благодаря этой системѣ, молодые люди, одновременно поступившіе на извѣстный факультетъ, ежедневно видятся между собой и сплачиваются въ извѣстную группу, связанную между собой ближайшимъ товариществомъ, общими интересами и общими воспоминаніями. Естественно, что въ минуту волненій эта связь еще живѣе ощущается и выражается въ желаніи моральнаго единенія и общаго дѣйствія подъ руководствомъ избранныхъ представителей. Но и въ спокойное время можетъ проявиться потребность въ постоянной организаціи на курсовомъ началѣ. Такая организація узаконена у насъ въ Военно-Медицинской Академіи, и, хотя студенты Академіи относительно числа, условій пріема и обстановки жизни находятся въ значительно иномъ положеніи, чѣмъ студенты университетовъ вообще и студенты многолюдныхъ университетовъ въ особенности, однако, не взирая на эту разницу, и въ университетахъ курсовая организація могла бы найти себѣ примѣненіе преимущественно для цѣлей учебныхъ, а также для установленія болѣе тѣснаго общенія между учащими и учащимися. Курсовая организація имѣетъ то преимущество, что собираетъ товарищей, занимающихся не только однѣми и тѣми же науками, но даже и одними же курсами, а потому связующимъ началомъ является общность

учебныхъ интересовъ. Въ нѣкоторыхъ немноголюдныхъ провинціальныхъ университетахъ эта организація могла бы быть не только курсовою, но и факультетскою; въ Московскомъ же университетѣ обсужденіе общефакультетскихъ учебныхъ вопросовъ, касающихся всѣхъ курсовъ каждаго даннаго факультета, можетъ быть допущено въ общихъ собраніяхъ всѣхъ курсовыхъ представителей, какъ это предусмотрѣно, напримѣръ, въ § 1-мъ положенія о курсовой организаціи въ Военно-Медицинской Академіи. Такими курсовыми представителями являлись бы избираемые каждымъ курсомъ «старосты», въ количествѣ отъ 3 до 6 членовъ отъ каждаго курса. Кромѣ того, въ экстренныхъ и исключительныхъ случаяхъ, при возникновеніи вопросовъ, имѣющихъ общеуниверситетское значеніе, могутъ быть допускаемы и общія собранія представителей (старость) не только всѣхъ курсовъ даннаго факультета, но и всѣхъ факультетовъ, при участіи руководителей-профессоровъ. Допущеніемъ такихъ собраній устранялся бы всякій поводъ какихъ-либо общихъ сходокъ, вообще нежелательныхъ и нецѣлесообразныхъ, какъ по существу, такъ и по формѣ.

2. Земляческая организація, какъ, указано выше, органически связана съ идеей университета какъ центральнаго образовательнаго учрежденія, привлекающаго своихъ питомцевъ въ огромномъ числѣ изъ всѣхъ частей страны. Средневѣковое студенчество поэтому вездѣ группировалось по земляческимъ корпораціямъ, и эти корпораціи сохранились, какъ извѣстно, въ Германіи, служа исключительно цѣлямъ товарищества и спорта. Въ Московскомъ университетѣ потребность въ землячествахъ давала себя мало чувствовать до 60-хъ гг., въ виду ограниченнаго числа студентовъ и существованія казеннаго общежитія, куда принимались пріѣзжіе и бѣдные. Но тотчасъ по уничтоженіи этого общежитія и при одновременно возрастающемъ наплывѣ студентовъ изъ провинцій земляческая организація стала возникать у насъ сама собой, при чемъ есть землячества, которыя существуютъ уже 40 лѣтъ и насчитываютъ десятки членовъ. Эта организація, конечно, опять

при участіи въ ней педагогическаго персонала, хотя бы, напримѣръ, въ формѣ почетнаго попечительства, представляетъ значительныя преимущества для осуществленія остальныхъ вышеуказанныхъ цѣлей студенческихъ организацій вообще, въ особенности же для взаимопомощи, распредѣленія матеріальныхъ средствъ, притекающихъ со стороны, содѣйствія наиболѣе правильному и справедливому распредѣленію пособій и стипендій и, наконецъ, для организаціи суда чести, если бы таковой былъ допущенъ. Преимущества этихъ организацій сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что 1. онѣ состоятъ изъ лицъ, болѣе или менѣе знакомыхъ между собой со школьной скамьи; 2. сохраняя связь съ провинціальнымъ обществомъ, онѣ имѣютъ возможность привлекать къ себѣ большія матеріальныя средства; 3. вновь пріѣзжіе студенты съ наибольшей охотой примыкаютъ именно къ этой организаціи; 4. младшіе члены такой организаціи будутъ встрѣчаться тамъ со старшими членами-земляками и испытывать, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, благотворное вліяніе послѣднихъ, ибо студенты старшихъ курсовъ, въ большинствѣ случаевъ, относятся къ своимъ академическимъ правамъ и обязанностямъ значительно вдумчивѣе и серьезнѣе, чѣмъ студенты младшихъ курсовъ; 5. въ земляческихъ организаціяхъ будутъ встрѣчаться студенты различныхъ факультетовъ, а это чрезвычайно желательно въ цѣляхъ взаимнаго образованія и, кромѣ того, вполнѣ соотвѣтствуетъ задачѣ университета, какъ особаго типа высшей ученой школы.

3. Многіе студенты, а, можетъ, и большинство ихъ останется внѣ землячествъ: такъ, напр., можно думать, что московскіе уроженцы не будутъ имѣть повода вступить въ особое московское землячество. Однако, и такіе студенты могутъ имѣть потребность въ товарищескомъ общеніи. Эта потребность предусмотрѣна министерскимъ циркуляромъ отъ 21-го іюля 1899 года (напечатанномъ въ приложеніи къ докладу Комиссіи), гдѣ прекрасно изложены общія основанія для *научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ.*

Главное различіе между кружковой и земляческой организаціями заключается, конечно, въ томъ, что первая будетъ представлять собой болѣе подвижную по своему составу и менѣе прочную организацію. Въ виду этого Комиссія полагаетъ, что земляческія организаціи должны имѣть особый *уставъ*, утверждаемый Совѣтомъ университета, отвѣтственность за соблюденіе котораго должна быть возложена на старшинъ, избираемыхъ землячествомъ. *Кружки* же могутъ быть разрѣшаемы ректоромъ университета, согласно съ особой инструкціей, которая должна быть выработана по этому дѣлу Совѣтомъ. Разрѣшеніе ректора необходимо для того, чтобы гарантировать участникамъ кружка право собираться. Способъ контроля за кружками и землячествами долженъ быть указанъ въ инструкціи ректору и въ уставахъ землячествъ, подробная регламентація которыхъ не входитъ въ задачи Комиссіи.

4. Наконецъ, Комиссіи остается высказаться относительно четвертой формы студенческихъ ассоціацій. Взаимопомощь есть одна изъ существенныхъ потребностей современнаго студенчества и одно изъ благороднѣйшихъ проявленій духа товарищества. Общества взаимопомощи все чаще и чаще возникаютъ среди людей одинакихъ профессій и интересовъ. Въ университетѣ общая касса взаимопомощи можетъ имѣть чрезвычайно полезное педагогическое вліяніе на молодыхъ людей, побуждая ихъ думать объ интересѣ ближнихъ и вызывая чувство благодарности у тѣхъ, которымъ прійдется воспользоваться услугами этой кассы. Землячества съ своими кассами взаимопомощи, конечно, будутъ до извѣстной степени удовлетворять этой потребности—какъ было выше замѣчено, вѣроятно, что большинство студентовъ останется внѣ землячествъ—и нѣтъ никакого основанія лишать ихъ этого полезнаго дѣла. Такая касса существовала къ тому же въ Московскомъ университетѣ съ 1858 года и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ находилась подъ руководствомъ профессора М. Н. Капустина. Комиссія поэтому не усматриваетъ, съ своей стороны, никакого основанія воспрепятствовать возникновенію общей студенческой кассы взаимопомощи на

общихъ началахъ, принятыхъ для такого рода учрежденій; членомъ такой кассы можетъ быть всякій студентъ, кто сдѣлаетъ требуемый уставомъ взносъ, и тѣмъ же уставомъ будетъ опредѣленъ способъ избранія должностныхъ и отвѣтственныхъ лицъ упомянутаго учрежденія.

Въ виду всего вышеизложеннаго, Комиссія признаетъ вполнѣ цѣлесообразными какъ курсовыя организаціи для цѣлей учебныхъ и для болѣе тѣснаго общенія профессоровъ съ ихъ аудиторіей, такъ и земляческую, и кружковую организаціи для успѣшнаго достиженія всѣхъ остальныхъ вышеуказанныхъ цѣлей студенческихъ организацій вообще. При чемъ къ этому слѣдуетъ присовокупить, что въ земляческія и кружковыя организаціи могли бы быть допускаемы, въ качествѣ членовъ, кромѣ лицъ университетскаго педагогическаго персонала, также и лица, не принадлежащіе къ университету, но окончившіе въ немъ курсъ и занимающіе вполнѣ опредѣленное и почтенное оффиціальное или общественное положеніе. Участіе такихъ лицъ облегчитъ задачу педагогическаго персонала, и безъ того весьма обремененнаго занятіями; кромѣ того, оно сблизитъ студентовъ съ обществомъ и усилитъ вліяніе на нихъ людей зрѣлыхъ и вполнѣ благомыслящихъ.

Само собою разумѣется, что во всѣхъ вышеуказанныхъ студенческихъ организаціяхъ обсужденіе какихъ-либо политическихъ вопросовъ не допускается.

Продолжать опасаться введенія такихъ организацій— значитъ, съ одной стороны, абсолютно не довѣрять русскому студенту и видѣть въ немъ существо иного порядка, чѣмъ студенты во всѣхъ другихъ культурныхъ государствахъ міра; съ другой же стороны, это равносильно признанію, что въ Россіи, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ культурныхъ государствъ, студенческія организаціи никоимъ образомъ не могутъ быть ограждены отъ вырожденія ихъ въ политическія и революціонныя сообщества.

* * *

Судъ надъ студентами. Какъ бы ни былъ, однако, нормаленъ студенческій бытъ, какъ бы ни были идеальны университетскіе порядки, они не гарантированы отъ нарушеній. Потребность въ охраненіи этихъ порядковъ всюду обусловливаетъ существованіе университетскаго суда. Дисциплинарный характеръ этого суда и его ограниченная компетенція обыкновенно допускаютъ упрощеніе въ немъ обычныхъ формъ судоустройства. Но это упрощеніе тѣмъ менѣе возможно, чѣмъ чаще рѣшенія этого суда отражаются кореннымъ образомъ на участи подлежащихъ его вѣдѣнію лицъ. Мелкія нарушенія университетской дисциплины, за которыя студенту грозитъ карцеръ или выговоръ, не требуютъ особыхъ заботъ о правильномъ судоустройствѣ; и если весь этотъ вопросъ возникаетъ въ послѣднее время для русскихъ университетовъ, то только въ виду тѣхъ сложныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей, которыя долженъ былъ принять на себя университетскій судъ. Частые случаи увольненія и исключенія изъ университета, со всѣми тягостными послѣдствіями этихъ каръ (высылкой изъ университетскаго города, потерей семестра или года, лишеніемъ стипендіи и, наконецъ, лишеніемъ права на продолженіе образованія), должны были поставить на очередь вопросъ о правильной организаціи университетскаго суда. И, прежде всего, должна была возникнуть потребность обезпечить этотъ судъ въ дѣлахъ столь важныхъ отъ возможности случайныхъ ошибокъ и неосновательныхъ рѣшеній. Для этого представляется неизбѣжнымъ, чтобы университетскій судъ усвоилъ основныя гарантіи каждаго правильнаго суда, поскольку онѣ примѣнимы въ предѣлахъ дисциплинарнаго судопроизводства. Необходимо, чтобы этотъ судъ получилъ самостоятельное и независимое положеніе, обезпечивающее ему и нравственный авторитетъ и общее довѣріе. Все это можетъ быть достигнуто только правильнымъ устроеніемъ его формъ.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія существующую организацію суда, нельзя не видѣть въ ней весьма существенныхъ пробѣловъ. Эти пробѣлы сказываются одинаково какъ въ устройствѣ, такъ и въ производствѣ суда.

Прежде всего, что касается его устройства, нельзя признать правильнымъ его предоставленіе исключительно университетскому начальству. По дѣйствующимъ правиламъ, органами, налагающими дисциплинарныя взысканія, являются инспекторъ, ректоръ и Правленіе. Между тѣмъ, одно это возложеніе судебныхъ функцій на органы административнаго характера, которымъ принадлежитъ въ университетѣ и власть надъ студентами, лишаетъ судъ того нейтральнаго положенія, которое составляетъ существенную принадлежность всякаго судебнаго учрежденія. Это соображеніе имѣетъ тѣмъ большую силу, чѣмъ важнѣе постановляемыя судомъ рѣшенія. Мелкія дисциплинарныя взысканія вполнѣ возможно предоставить, какъ это дѣлается всюду, тѣмъ органамъ, которые вообще наблюдаютъ за сохраненіемъ въ университетѣ порядка, и именно ректору и проректору (или инспектору). Но эти взысканія не должны превышать извѣстныхъ низшихъ размѣровъ. Дѣйствующія правила слишкомъ широко раздвигаютъ предѣлы этихъ взысканій. Тогда какъ въ прусскихъ университетахъ ректору предоставлено право выговора и заключенія въ карцеръ только до 24 часовъ (карцеръ до 3-хъ дней назначается ректоромъ по соглашенію съ университетскимъ судьею), по нашимъ правиламъ, инспекторъ и ректоръ могутъ заключать въ карцеръ на срокъ до 7-ми дней, а ректоръ, кромѣ того, можетъ сдѣлать виновному выговоръ съ объявленіемъ объ удаленіи его изъ университета въ случаѣ новаго проступка и можетъ также предложить ему удалиться по прошенію. Эти послѣднія мѣры подходятъ къ разряду взысканій въ высшемъ размѣрѣ и должны быть предоставлены компетенціи коллегіальнаго суда.

Организація такого коллегіальнаго органа представляетъ самый важный пунктъ въ вопросѣ объ устройствѣ университетскаго суда и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ существеннѣйшихъ пробѣловъ дѣйствующаго устава. Въ настоящее время для разсмотрѣнія болѣе важныхъ дѣлъ установленъ судъ Правленія. Ему предоставлено право подвергать аресту отъ 7-ми дней до 4-хъ недѣль и затѣмъ увольненію и исключенію изъ университета (съ утвержденія попе-

чителя). Такая постановка дѣла влечетъ за собой весьма важныя неудобства. Правленіе представляетъ собою органъ административный, обремененный цѣлымъ рядомъ другихъ дѣлъ. Судебныя функціи являются для него скорѣе случайными; уставъ не предусматриваетъ и не опредѣляетъ заранѣе никакихъ гарантій для того, чтобы обезпечить надлежащую правильность въ исполненіи Правленіемъ этихъ обязанностей. Самое дѣлопроизводство остается неопредѣленнымъ. Такъ, напр., только въ нынѣшнемъ году въ Московскомъ Университетѣ была введена новая форма допроса и снятія письменныхъ показаній, чего прежде не было. Эта неопредѣленность дѣлопроизводства, въ связи съ обремененностью Правленія другими дѣлами, обусловливаетъ, и помимо другихъ причинъ, невозможность правильнаго несенія этимъ органомъ судебныхъ функцій. Поставленный въ эти условія, судъ не можетъ ни опредѣлить съ надлежащей точностью индивидуальную виновность каждаго обвиняемаго, ни даже произвести съ возможной полнотой разсмотрѣніе дѣла. Этимъ объясняются его ошибки, тѣмъ болѣе тягостныя, что не существуетъ твердаго порядка для пересмотра приговоровъ: рѣшенія Правленія считаются окончательными въ порядкѣ судопроизводства, и только случайныя предстательства могутъ вести къ отмѣнѣ его рѣшеній. Наконецъ, и это самое главное, Правленіе есть въ одно и то же время и власть, и судъ. Это наноситъ ущербъ его нейтральному положенію при разбирательствѣ и лишаетъ его должнаго довѣрія со стороны студентовъ. Недовѣріе студентовъ къ университетскому суду еще болѣе усугубляется тѣмъ рѣшающимъ значеніемъ которое имѣетъ въ немъ инспекція, при помощи своихъ показаній. Этимъ объясняется, что самые отвѣты, даваемые на допросѣ, часто являются простою формальностью. Студенты думаютъ, что ихъ ловятъ и стараются давать уклончивыя показанія. Этого не было бы, если бы судъ былъ поставленъ на надлежащую высоту нейтральнаго и независимаго учрежденія, безпристрастіе котораго стоитъ внѣ сомнѣнія.

Но какъ это сдѣлать? По уставу 1863 года, для этой

цѣли былъ установленъ особый судъ профессоровъ, ежегодно избираемыхъ Совѣтомъ въ количествѣ трехъ членовъ и трехъ кандидатовъ къ нимъ, на случай болѣзни или отсутствія котораго-либо изъ членовъ. Утвержденіе ихъ зависѣло отъ попечителя. По крайней мѣрѣ одинъ изъ кандидатовъ принадлежалъ непремѣнно къ юридическому факультету. Предсѣдательствованіе въ судѣ вмѣнялось въ обязанность профессору юридическаго факультета, избранному въ число судей. Эти постановленія имѣли въ виду, во-первыхъ, обезпечить суду независимое положеніе и, во-вторыхъ, придать въ немъ руководящее значеніе лицамъ съ спеціально-юридической подготовкой. Но подобная организація имѣла тотъ существенный недостатокъ, что ставила профессора въ несвойственное ему и несоотвѣтствующее его значенію въ университетѣ положеніе судьи. Судебныя функціи должны наносить ущербъ и дѣятельности профессора, и его положенію среди студентовъ. Нельзя, однако, защищать и полнаго устраненія профессоровъ изъ университетскаго суда: какъ лица, ближе стоящія къ студентамъ, профессора лучше способны оцѣнить ихъ проступки, возникающіе при данныхъ обстоятельствахъ университетской жизни. Сами студенты признаютъ для себя желательнымъ участіе въ университетскомъ судѣ профессоровъ.

Съ другой стороны, нельзя признать также цѣлесообразнымъ установленіе штатной должности особаго университетскаго судьи. Подобное должностное лицо, исключительно вѣдающее и карающее студенческіе проступки, сразу станетъ въ ложное положеніе среди студентовъ. Примѣръ университетскихъ судей въ Германіи не можетъ быть признанъ для насъ подходящимъ, въ виду совершенно особыхъ условій нѣмецкаго университета, сравнительно съ русскимъ, въ отношеніи къ отправленію суда.

Такимъ образомъ, сама собою возникаетъ мысль поручить судъ нѣкоторой независимой и нейтральной коллегіи, которая своимъ авторитетнымъ и безпристрастнымъ положеніемъ могла бы придать этому суду надлежащій авторитетъ. Это можетъ быть достигнуто привлеченіемъ въ уни-

верситетскій судъ лицъ изъ судебнаго вѣдомства, которыя могли бы нести эти обязанности при содѣйствіи профессоровъ. Послѣдніе должны составлять въ предполагаемомъ судѣ меньшинство, что и снимаетъ съ нихъ исключительную отвѣтственность за рѣшеніе суда и вмѣстѣ съ тѣмъ вводитъ ихъ въ составъ суда, въ качествѣ необходимыхъ членовъ, по своему близкому отношенію къ студентамъ способныхъ оказать дѣятельную помощь при судебномъ разбирательствѣ. Число членовъ этой коллегіи могло бы быть 3 или 5, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы во главѣ суда стояло, въ качествѣ предсѣдателя, лицо изъ судебнаго вѣдомства, и затѣмъ въ помощь ему были даны по равному числу (по одному или по два) представители профессуры и судебной магистратуры. Профессоры должны избираться Совѣтомъ; выборъ же лица судебнаго вѣдомства удобнѣе предоставить судебной корпораціи, которая лучше знаетъ своихъ членовъ и лучше можетъ судить о томъ, есть ли у нихъ возможность посвятить свое время университетскому суду. При этомъ желательно обращеніе университета не только къ общей судебной магистратурѣ, но и къ мировому суду, въ лицѣ какъ участковыхъ, такъ и почетныхъ судей. Въ случаѣ экстренныхъ условій можетъ быть организовано въ томъ же порядкѣ нѣсколько отдѣленій суда, дѣйствующихъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и постоянно существующее отдѣленіе. Завѣдываніе дѣлопроизводствомъ и канцеляріей удобнѣе предоставить члену изъ профессорской корпораціи, ближе стоящему ко всѣмъ университетскимъ дѣламъ. Выборъ предсѣдателя суда долженъ быть предоставленъ самой коллегіи университетскихъ судей. Этотъ смѣшанный судъ изъ представителей судебнаго вѣдомства и профессоровъ будетъ отличаться и безспорной независимостью, и судейской опытностью, и высокой авторитетностью.

Вѣдѣнію этого коллегіальнаго суда должны подлежать наиболѣе серьезныя нарушенія университетской дисциплины, за которыя полагаются и наиболѣе строгія взысканія. При этомъ должно быть принято правило, чтобы всѣ проступки, за которые налагаются эти взысканія, были заранѣе и

точно опредѣлены, какъ это было, напр., сдѣлано въ Правилахъ Московскаго Университета 1868 года. Въ настоящемъ докладѣ можетъ быть высказано только это общее требованіе, такъ какъ подробное перечисленіе проступковъ должно быть сообразовано съ разрѣшеніемъ вопроса о студенческихъ организаціяхъ и объ условіяхъ студенческой жизни вообще. Что касается взысканій, то они должны быть согласованы съ характеромъ дисциплинарныхъ нарушеній; а въ виду необходимости принимать во вниманіе индивидуальныя смягчающія обстоятельства суду должно быть предоставлено право ограничиваться и низшими размѣрами взысканій, какъ-то: простымъ выговоромъ и кратковременнымъ арестомъ. Здѣсь нельзя также не высказаться противъ той высшей мѣры наказанія, которую предоставлено налагать университетскому суду, т. е. исключенію изъ университета безъ права поступить вновь въ какой бы то ни было университетъ. Дисциплинарный судъ, состоящій при той или другой корпораціи, можетъ рѣшать вопросъ объ удаленіи лицъ изъ предѣловъ данной корпораціи, но не можетъ затрогивать общегражданскихъ правъ и навсегда предопредѣлять участь судимыхъ. Наконецъ, при обсужденіи вопроса о послѣдствіяхъ университетскаго суда, необходимо обратить вниманіе на существующій порядокъ административной высылки студентовъ, удаляемыхъ изъ университета. Въ настоящее время студентъ, уволенный или исключенный изъ университета, вслѣдъ затѣмъ высылается мѣстной полиціей изъ университетскаго города. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ студентъ подвергается сразу двойной карѣ: удаленію изъ университета и высылкѣ на родину, а иногда и на чужбину. Для многихъ студентовъ такая высылка связывается съ утратой матеріальнаго заработка и съ прекращеніемъ возможности научныхъ занятій. Удаляемые на родину или изъ родины, они надолго выбиваются изъ колеи своей обычной жизни и затѣмъ, по возвращеніи въ университетъ, теряютъ много времени и силъ, чтобы вновь устроиться по-прежнему. Подобная двойная кара за проступки студентовъ не можетъ быть признана справедливой.

Слѣдуетъ ходатайствовать о томъ, чтобы былъ отмѣненъ этотъ порядокъ обязательной высылки студентовъ, удаляемыхъ изъ университета. Съ другой стороны, въ высшей, степени желательно, чтобы она увѣдомляла объ этомъ университетское начальство, съ объясненіемъ мотивовъ принимаемой мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо выяснить, что административная высылка студентовъ сама по себѣ не должна связываться съ увольненіемъ ихъ изъ университета. Такое увольненіе можетъ быть постановлено только по опредѣленію университетскаго суда, на основаніи данныхъ, извѣстныхъ ему и разсмотрѣнныхъ имъ въ общемъ порядкѣ.

Что касается порядка дѣлопроизводства въ предлагаемомъ судѣ, то онъ можетъ быть опредѣленъ здѣсь только въ общихъ чертахъ, выясненіе которыхъ имѣетъ, однако, весьма существенное значеніе для успѣшности его дѣйствія.

Прежде всего, что касается возбужденія дѣлъ, то оно должно быть предоставлено инспектору, ректору и Правленію. Другія лица, имѣющія обратиться въ судъ съ жалобой на студентовъ, дѣлаютъ свои заявленія чрезъ эти органы. Инспекція, собирающая обыкновенно свѣдѣнія о случаяхъ нарушенія дисциплины, является въ судъ для представленія ихъ въ формѣ доклада, безъ права рѣшающаго голоса.

Разслѣдованіе дѣла не можетъ быть произведено безъ истребованія объясненій отъ обвиняемаго, въ письменной или устной формѣ. Ему предоставляется право явиться въ судъ. Точно также и судъ имѣетъ право вызвать его, если найдетъ нужнымъ; но присутствіе его не считается безусловно необходимымъ для постановленія приговора.

Судъ имѣетъ право вызывать свидѣтелей и провѣрять доказательства, если онъ найдетъ это необходимымъ.

Приговоръ постановляется большинствомъ голосовъ изъ числа не менѣе трехъ присутствующихъ; при равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя считается рѣшающимъ. Приговоръ постановляется въ томъ же засѣданіи съ указаніемъ мотивовъ и объявляется немедленно обвиняемому устно или путемъ письменнаго извѣщенія.

Приговоръ университетскаго суда считается окончательнымъ и смотря по обстоятельствамъ можетъ быть приведенъ немедленно въ исполненіе; но, въ случаѣ ошибки или нарушенія узаконенныхъ формъ производства, лицо, присужденное къ высшему размѣру наказанія (увольненію изъ Университета), можетъ обратиться въ тотъ же судъ съ просьбой о пересмотрѣ своего дѣла; а въ случаѣ отказа суда можетъ ходатайствовать о томъ предъ попечителемъ и министромъ, которые могутъ предложить суду пересмотрѣть дѣло вновь.

Совокупность этихъ правилъ обезпечитъ судъ отъ ошибокъ, дастъ ему надлежащую твердость и возвыситъ его нравственный авторитетъ.

* * *

Инспекція. Университетскому образованію отводится переходное время отъ школьной жизни къ общественной дѣятельности, время естественнаго и желательнаго стремленія молодежи къ самообразованію, выработкѣ своего характера и самоопредѣленію. Отсутствіе такихъ стремленій въ молодежи явилось бы тяжелымъ обвинительнымъ актомъ противъ средней школы; ихъ подавленіе было бы равносильно отрицанію той цѣли, которая преслѣдуется образованіемъ. Поэтому стеченіе молодежи въ университеты, независимо отъ запросовъ знанія и умственныхъ интересовъ вообще, имѣетъ для нея еще другое значеніе, какъ средство удовлетворенія потребности серьезнаго общенія между людьми съ одинаковыми духовными нуждами.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ единственнымъ и чрезвычайно цѣннымъ моментомъ, который долженъ быть использованъ университетомъ для его просвѣтительныхъ цѣлей. Безсиліе университета овладѣть такимъ моментомъ можетъ повести лишь къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Стремленіе къ общенію не можетъ быть подавлено въ молодежи уже потому только, что поступленіе въ университетъ связано для большинства съ переѣздомъ въ чужой городъ, съ отрѣзываніемъ отъ семьи, и здѣсь-то обнаруживается настоятельная необходимость встрѣтить эту молодежь сердеч-

нымъ призоромъ и благожелательнымъ авторитетнымъ руководствомъ. Гарантіей успѣха въ этомъ насущномъ дѣлѣ можетъ быть только авторитетность университетской коллегіи въ глазахъ студентовъ и цѣлесообразное устройство отношеній студентовъ между собой и къ университету. Къ сожалѣнію, ни то, ни другое не имѣетъ мѣста въ настоящее время. Останавливаясь только на отношеніяхъ студентовъ другъ къ другу и къ университету, мы должны подчеркнуть оффиціально и при томъ издавна установленную недоброжелательность къ общенію молодежи какъ внутри, такъ и внѣ университета. Существующія правила для студентовъ и надзора за ними, построенныя на узаконенной формулѣ: «студенты считаются отдѣльными посѣтителями университета», не только игнорируютъ весьма цѣнныя въ глазахъ педагога потребности молодежи, но стремятся задавить ихъ и уничтожить. Такое теченіе, усиливаясь искоренить то, что не можетъ быть искоренено, лишило университеты ихъ прямого воспитательнаго значенія, заставило студентовъ думать о самостоятельныхъ средствахъ самообразованія и перенесло воспитаніе молодежи въ тайныя организаціи. Въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ университетовъ нѣтъ никакихъ указаній на ихъ воспитательную дѣятельность и только въ инструкціи инспекціи (§ 24) имѣются нѣкоторыя указанія, относящіяся къ задачамъ воспитанія, какъ, напримѣръ, рекомендація профессорамъ быть руководителями молодыхъ людей на пути долга. Но такое указаніе въ дѣйствительности не имѣетъ ничего общаго съ цѣлями воспитанія, такъ какъ далѣе поясняется, что эти дѣйствія направлены къ охраненію порядка и спокойствія въ университетѣ. Указаніе на нравственное воздѣйствіе дѣлается еще въ § 17 той же инструкціи, но только вскользь, мимоходомъ, тогда какъ главною задачею инспекціи считается надзоръ за поведеніемъ студентовъ. Существующія же нынѣ формы этого надзора дѣлаютъ совершенно неосуществимымъ призваніе инспекціи къ нравственному воздѣйствію на молодежь. Современная инспекція превратилась въ довольно сложный полицейскій механизмъ съ весьма разнообразными

функціями, начиная отъ простого наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ и кончая тайнымъ сыскомъ и предугадываніемъ намѣреній. Вся инструкція инспекціи проникнута духомъ полицейской охраны, при чемъ инспекціи вмѣняется въ обязанность не только блюсти порядокъ и спокойствіе въ стѣнахъ университета, но и всѣми зависящими отъ нея мѣрами предупреждать и пресѣкать нарушеніе студентами обязательныхъ для нихъ правилъ (§ 2). Въ настоящее время мѣры, практикуемыя инспекціею при выполненіи возложенныхъ на нее обязанностей, достигли крайнихъ предѣловъ. Такъ, чины инспекціи вслушиваются въ разговоры студентовъ, какъ скоро они собираются въ числѣ четырехъ-пяти человѣкъ, наблюдаютъ за чтеніемъ, при чемъ такое наблюденіе простирается до вытребованія получаемыхъ писемъ; студентовъ, имѣющихъ дѣло до профессора внѣ часовъ его лекцій, конвоируютъ къ профессору со служителями; подсматриваютъ во время лекцій черезъ пріотворенныя двери аудиторій; черезъ служителей инспекціи строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы въ данное время были въ университетѣ только тѣ студенты, которымъ предстоитъ слушаніе лекцій. Явка студента въ зданіе университета, въ которомъ онъ не слушаетъ лекцій, хотя бы она оправдывалась желаніемъ видѣть товарища или профессора, вызываетъ подозрѣнія, допросъ въ инспекціи и предупрежденіе, что ходящій въ чужія зданія будетъ считаться на дурномъ замѣчаніи, какъ безпокойный. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ мѣръ практикуются не только во время безпорядковъ, но и въ ожиданіи ихъ и послѣ нихъ; эти мѣры не относятся, конечно, къ области добрыхъ нравственныхъ воздѣйствій, и остается совершенно неизвѣстнымъ, когда такимъ воздѣйствіемъ инспекція пользуется. При такихъ условіяхъ молодежь съ первыхъ своихъ шаговъ въ университетѣ чувствуетъ себя заподозрѣнной, отданной подъ строгій полицейскій надзоръ, отмѣчающій ея разговоры и знакомства, вникающій даже въ жесты и выраженія лицъ.

Всѣ вышеназванныя дѣйствія инспекціи вытекаютъ изъ ея обязанности знать въ лицо всѣхъ студентовъ и собирать матеріалъ для предупрежденія безпорядковъ и для

открытія подстрекателей и агитаторовъ. Результатомъ такой дѣятельности являются тайные доносы, т.-е. такія жалобы инспектору со стороны его помощниковъ, о содержаніи которыхъ виновный узнаетъ только послѣ того, какъ бываетъ вызванъ къ инспектору для объясненія или наказанія. Естественно, что между студентами слагается убѣжденіе, что далеко не всѣ жалобы и доносы становятся имъ извѣстны, что противъ многихъ изъ нихъ постоянно накопляются обвиненія, не провѣренныя личнымъ опросомъ. При такомъ отношеніи къ инспекціи, ея участіе въ выдачѣ пособій, распредѣленіи стипендій и въ удовлетвореніи другихъ нуждъ и желаній студенчества встрѣчаетъ со стороны студентовъ подозрѣніе въ томъ, что помощь оказывается не сообразно дѣйствительной нуждѣ, а на основаніи особыхъ, имѣющихся у инспекціи, данныхъ и намѣреній. Всѣ эти обстоятельства создаютъ условія, при которыхъ о моральномъ, отеческомъ вліяніи инспекціи не можетъ быть и рѣчи. Его мѣсто заступаютъ неуваженіе, недовѣріе, боязнь, презрѣніе и даже ненависть ко всему институту инспекціи со стороны студентовъ. Трудно даже приблизительно опредѣлить размѣры того зла, которое вносится въ университетскую жизнь крайнимъ недовѣріемъ молодежи и обязанностью инспекціи «всѣми зависящими отъ нея мѣрами» предупреждать и пресѣкать проступки студентовъ (§ 2), не отказываясь, слѣдовательно, и отъ дѣятельности агентовъ тайнаго сыска. Вынужденная быть осторожной и осмотрительной, молодежь устраиваетъ себѣ привычки, не соотвѣтствующія доброму воспитанію и нравственности. Понятно, что при такихъ условіяхъ единодушіе и солидарность профессоровъ и инспекціи, требуемыя § 24 нынѣ дѣйствующей инструкціи инспекціи, приводили бы только къ паденію нравственнаго авторитета академической коллегіи въ глазахъ студентовъ. Этотъ параграфъ, неизвѣстный многимъ профессорамъ, вмѣняетъ имъ въ обязанность, какъ бы въ гармонію съ инспекціей, быть наставниками обучающихся у нихъ молодыхъ людей на пути долга. Очевидно, здѣсь проводится совершенно ложная мысль, вытекающая изъ полнаго непониманія условій

высшаго образованія и невозможности, совмѣстными усиліями профессоровъ и инспекціи, руководить студентами на пути долга посредствомъ наставленій. Чувство долга воспитывается годами, а не внѣдряется наставленіями, и время для систематическаго проведенія этого начала въ воспитаніи есть юность, т.-е. періодъ средняго образованія. Во время же занятій высшей наукой, когда въ мышленіи вступаетъ въ свои права критическое направленіе, усваивается свобода умственной дѣятельности, систематическое проведеніе какой-нибудь тенденціи по опредѣленной программѣ нужно считать запоздалымъ, и, при неумѣлой въ этомъ отношеніи, настойчивости, можно добиться результатовъ, совершенно противныхъ желаемымъ. Завѣты университета, къ числу которыхъ относятся и сознаніе долга, и уваженіе къ порядку, не преподаются по установленнымъ программамъ и не предписываются параграфами устава, какъ служебная дѣятельность чиновниковъ, а являются результатомъ свободнаго проявленія убѣжденій и нравственной силы отдѣльныхъ лицъ и облекаются въ форму непринужденнаго слова или личнаго дѣятельнаго примѣра. Понятно отсюда, что только легальныя формы организаціи студенчества, допускающія свободное и довѣрчивое общеніе профессоровъ и студентовъ, могутъ сдѣлаться источникомъ нравственнаго подъема университетовъ и ихъ воспитательнаго вліянія.

Возложенный на инспекцію надзоръ за посѣщеніемъ лекцій или не достигаетъ цѣли, или прямо вредитъ учебнымъ задачамъ университета, а именно:

а) Принудительное посѣщеніе лекцій вызываетъ наполненіе аудиторіи лицами занимающимися во время лекцій чтеніемъ газетъ, перепиской и другими дѣлами, къ лекціи не относящимися.

б) Со стороны инспекціи ставятся затрудненія спеціализировавшимся студентамъ, предпочитающимъ работы въ лабораторіи посѣщенію теоретическихъ или однородныхъ демонстративныхъ лекцій. Чины инспекціи, подвергающіе за это студентовъ взысканіямъ, не могутъ быть судьями въ вопросѣ, что полезнѣе для даннаго студента.

в) Къ числу дѣйствій инспекціи, совершенно выходящихъ изъ ея компетентности и особенно рельефно выставляющихъ конфликтъ, вносимый ею въ университетскую жизнь, относится недопущеніе студентовъ старшихъ курсовъ факультета на лекціи, читаемыя для младшихъ курсовъ изъ опасенія сходки или какихъ-либо подговоровъ, Между тѣмъ, такое посѣщеніе можетъ быть вызываемо совершенно естественнымъ желаніемъ вторично и полнѣе ознакомиться съ прослушаннымъ уже предметомъ. Частію по тѣмъ же мотивамъ на лекціи не допускаются студенты, на нихъ не подписавшіеся. Словомъ, присутствіе на лекціи не своего, а другого профессора. или своего же, но въ часъ не указанный въ расписаніи для даннаго курса, оцѣнивается инспекціей только съ точки зрѣнія нарушенія порядка, и допущеніе такихъ посѣщеній профессоромъ иногда и для него не проходитъ безслѣдно.

Единственной заслугой современной университетской инспекціи можетъ быть выставлено обнаруживаніе нѣсколькихъ десятковъ студентовъ, виновныхъ въ причиненіи безпорядковъ, но при этомъ упускается изъ вида, что большое число такихъ виновныхъ должно быть поставлено на счетъ угнетающаго и раздражающаго поведенія самой инспекціи.

Посмотримъ теперь, оправдала ли инспекція свое главное предназначеніе. Постепенное усиленіе полицейскаго направленія въ ея дѣятельности обусловливалось какъ извѣстно, необходимостью удерживать студентовъ отъ постоянно повторявшихся массовыхъ безпорядковъ. Въ теченіе, по крайней мѣрѣ, шестнадцати лѣтъ были употребляемы всевозможныя средства этого рода, и тѣмъ не менѣе приходится признать, что всѣ усилія остались безплодны. Стремленіе проявить свой протестъ противъ налагаемыхъ стѣсненій не только не уменшилось, но выработалось въ организованную систему и распространилось гораздо шире, чѣмъ можно было ожидать. Такой исходъ неизбѣжно приводитъ къ предположенію, что налагались стѣсненія на потребности естественныя, требующія серьезнаго вниманія и справедливой оцѣнки, что полицейскія мѣры не только не пригодны, но

приводятъ къ результатамъ, обратнымъ тѣмъ, которые ожидались. Пора послѣ столькихъ опытовъ придти къ заключенію, что въ храмѣ наукъ, гдѣ все должно быть направлено къ исканію правды, свѣта и истины, сыскные и тайные пути неумѣстны. Инспекція должна быть явной служительницей порядка. Она должна опираться въ своихъ дѣйствіяхъ не на секретныя предписанія, а на открытыя указанія признанныхъ авторитетовъ на поприщѣ науки и высшаго образованія.

На полицейскую дѣятельность инспекціи возлагались между прочимъ, большія надежды, какъ на средство огражденія студенчества отъ внѣшней политической агитаціи. Прошедшее показало, однако, что и эти надежды ничѣмъ не оправдываются и, слѣдовательно, должны быть признаны неосновательными. Не мѣрами огражденія нужно бороться противъ внѣшней, невидимой и неуловимой язвы внутри самаго учрежденія, а средствами оздоровленія и мѣрами, дѣлающими тѣхъ, кому эта язва угрожаетъ, возможно менѣе къ ней воспріимчивыми. Понятно, что инспекція этимъ цѣлямъ служить не можетъ.

Одною изъ крайне неудовлетворительныхъ сторонъ настоящаго положенія инспекціи въ университетѣ является неопредѣленность въ порядкѣ подчиненія инспектора. По § 47 устава инспекторъ находится подъ начальствомъ попечителя и въ то же время подчиненъ ректору. При такихъ условіяхъ вовсе не оказывается лица, фактически отвѣтственнаго за неправильныя дѣйствія лицъ надзора. Ректоръ ставится между попечителемъ и инспекторомъ въ совершенно ложное положеніе распорядителя, распоряженія котораго всегда могутъ быть обойдены. Это осложняется еще тѣмъ, что ректоръ и инспекторъ находятся въ совершенно различныхъ условіяхъ и по своему призванію, и по служебному положенію. Ректоръ, исходя изъ профессорской коллегіи, есть прежде всего лицо академическаго призванія и избирается на сравнительно короткій срокъ; инспекторъ же есть чиновникъ, назначаемый на свою должность на общихъ основаніяхъ.

Другой ненормальностью въ положеніи инспектора, по

нынѣ дѣйствующему уставу, является принадлежность его къ Правленію въ качествѣ члена. Изъ всѣхъ предметовъ вѣдомства Правленія, перечисленныхъ въ уставѣ (ст. 41—43), нѣтъ ни одного, находящагося въ прямой связи съ обязанностями инспектора, указанными въ ст. 48 устава; и только въ двухъ пунктахъ (ст. 41, § 1, п. 7 и ст. 41, § 3, п. 4), касающихся разбирательства студенческихъ дѣлъ и назначенія стипендій и пособій, можно предполагать желательнымъ участіе инспектора въ качествѣ докладчика по первому и консультанта по второму. Участіе же инспектора въ Правленіи съ рѣшающимъ голосомъ по всѣмъ дѣламъ есть прямое несогласованіе главъ VI и VII 1-го отдѣла устава.

Можно думать, что лучшимъ средствомъ вывести институтъ инспекціи изъ теперешняго ненормальнаго ея положенія и устранить обострившіяся отношенія между нею и частью студенчества—было бы возвращеніе къ прежнему порядку, по которому инспекторъ или вмѣсто него проректоръ и ихъ помощники избирались Совѣтомъ университета и инспекторъ былъ исключительно подчиненъ ректору.

Въ руководство инспектору или проректору и подчиненнымъ имъ чинамъ должна быть дана инструкція, подобная нынѣшней инструкціи инспектору, но съ значительными измѣненіями соотвѣтственно новой организаціи и задачамъ надзора.

Въ настоящее время инспекціи отводится значительное вліяніе въ назначеніи студентамъ стипендій. Такое значеніе инспекціи нежелательно. Назначеніе пособій должно обусловливаться успѣхами студентовъ или степенью ихъ нужды — въ зависимости отъ устава стипендій — и отъ инспекціи такъ же, какъ отъ студенческой организаціи, могутъ требоваться только справки относительно бѣдности студентовъ.

Комиссія не считала возможнымъ до принципіальнаго разрѣшенія вопроса объ организаціи инспекціи разрабатывать подробную для нея инструкцію, напоминая членамъ Совѣта, что такая задача была уже возложена постановле-

ніемъ Совѣта отъ 30 октября 1899 г. на особую комиссію изъ профессоровъ, трудъ которой по пересмотру нынѣ дѣйствующей инструкціи, а также правилъ для студентовъ былъ одобренъ Совѣтомъ университета, но не получилъ дальнѣйшаго движенія.

* * *

Свобода слушанія лекцій. Въ связи съ вопросомъ объ обязанностяхъ и о предѣлахъ власти инспекціи находится и вопросъ о свободномъ посѣщеніи лекцій. Можно даже указать, что однимъ изъ поводовъ къ неудовольствію противъ членовъ инспекціи со стороны студентовъ является препятствіе, которое они встрѣчаютъ въ помощникахъ инспектора при свободномъ посѣщеніи лекцій. Въ нѣкоторыхъ студенческихъ заявленіяхъ прямо поставлено требованіе о свободѣ слушанія лекцій. Комиссія обсуждала этотъ вопросъ, и однимъ изъ ея членовъ, профессоромъ К. А. Андреевымъ, представлена по этому вопросу записка, напечатанная въ приложеніи къ докладу. Вопросъ о свободѣ слушанія университетскихъ лекцій очень сложенъ, такъ какъ многіе подъ этимъ разумѣютъ не только дозволеніе всѣмъ студентамъ посѣщать всякія лекціи, къ какому бы факультету или курсу онѣ ни относились, но и уничтоженіе всякихъ обязательныхъ лекцій.

Что касается до послѣдняго пункта, то обязательность лекцій тамъ, гдѣ она существуетъ, находится въ связи съ экзаменаціонной системой. Тамъ, гдѣ нѣтъ университетскихъ экзаменовъ, гдѣ существуетъ только внѣ университетскій государственный экзаменъ, какъ въ Германіи, обязательность лекцій выражается лишь въ требованіи, чтобы желающіе держать государственный экзаменъ представляли свидѣтельство, что уплатили гонораръ за такіе-то, указанные въ учебномъ планѣ, лекціи или курсы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуется, кромѣ того, свидѣтельство профессора, что студентъ слушалъ его курсъ, т.-е. посѣщалъ его лекціи. Но это требованіе исполняется *формально* — профессоръ дѣлаетъ требуемую отмѣтку всякому, кто внесъ гонораръ.

Совершенно иначе ставится вопросъ тамъ, гдѣ существуютъ университетскіе экзамены въ извѣстной послѣдовательности, полукурсовые или курсовые. Тамъ самый экзаменъ производится, главнымъ образомъ, а иногда исключительно, изъ прочитаннаго извѣстнымъ профессоромъ курса. Въ этомъ случаѣ обязательность лекцій становится не только фискальнымъ (при гонорарѣ), а *педагогическимъ* требованіемъ. Эта система принята у насъ. Какая система экзаменовъ плодотворнѣе и полезнѣе для самихъ студентовъ—нѣмецкая или русская—это придется обсудить Совѣту университета. Лучше ли предоставить пришедшему въ университетъ гимназисту, давъ ему въ видѣ компаса нѣсколько учебныхъ плановъ, полную свободу скитаться по необозримому полю наукъ или размѣрить и распредѣлить, по годамъ необходимое ему количество знаній, чтобы сберечь его время и силы и прямѣе направить ихъ къ цѣли? Но и при такой системѣ обязательность лекцій должна оставаться *педагогической* мѣрой, а не *принудительной*. Нежелательно поэтому сохранить совершенно безплодное наблюденіе инспекціи за посѣщеніемъ лекцій, которое одно время даже поручалось педелямъ. Какъ безцѣльно было такое наблюденіе, объ этомъ не приходится говорить. Но и болѣе разумное наблюденіе за посѣщеніемъ лекцій со стороны помощниковъ инспектора не можетъ достигнуть цѣли, ибо не можетъ гарантировать *вниманіе* слушателей и интересъ ихъ къ лекціи профессора. Единственно полезный въ этомъ отношеніи контроль можетъ заключаться лишь въ установленіи такой связи между лекціями и практическими или домашними занятіями студентовъ, при которой посѣщеніе лекцій станетъ необходимымъ въ глазахъ самихъ студентовъ.

Но изъ того, что существуютъ обязательныя для кого нибудь лекціи, не слѣдуетъ, чтобы эти лекціи не могли бы быть посѣщаемы и такими студентами, для кого онѣ не обязательны. Въ этомъ отношеніи препятствіемъ можетъ быть гонораръ. При системѣ гонорара, конечно, справедливо, чтобы лекціи посѣщались только тѣми, кто за нихъ заплатилъ. Такъ это и дѣлается въ Германіи, на которую

всегда ссылаются въ доказательство необходимости свободы посѣщенія лекцій. Но въ Германіи строго соблюдается самими студентами традиція посѣщать лишь тѣ лекціи, которыя ими оплачены гонораромъ. Правда, помимо лекцій, оплачиваемыхъ гонораромъ, въ германскихъ университетахъ читаются и лекціи не оплачиваемыя—публичныя, publica. Такія лекціи могли бы быть и у насъ введены и даже сдѣланы обязательны для профессоровъ. Но самый вопросъ о гонорарѣ подлежитъ обсужденію Совѣта и потому Комиссія не считаетъ нужнымъ его разсматривать, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ уже былъ разсмотрѣнъ по запросу со стороны Министерства особой Комиссіей, избранной Совѣтомъ университета.

Другой источникъ стѣсненій студентовъ при посѣщеніи необязательныхъ для нихъ лекцій совсѣмъ новѣйшаго происхожденія. Онъ вызванъ происходившими за послѣдніе годы безпорядками и коренится въ опасеніи инспекціи, чтобы появленіе въ аудиторіи студентовъ другихъ факультетовъ или даже курсовъ не служило средствомъ агитаціи, передачи прокламацій и т. п. Стѣсненія, вызванныя такой предохранительной мѣрой, дошли въ послѣднее время до крайности и много содѣйствовали раздраженію и озлобленію студентовъ. Бывали случаи, что не пускали въ аудиторію къ чужому профессору даже студентовъ, желавшихъ заплатить гонораръ за необязательный курсъ.

Такого рода стѣсненія, конечно, отпадутъ при возстановленіи нормальнаго положенія вещей и при измѣненіи инструкцій для инспекціи.

* * *

Компетенція Совѣта университета. Въ ряду мѣръ для оздоровленія университетской жизни первостепенное значеніе имѣетъ возстановленіе коллегіальнаго самоуправленія университетовъ. Только тѣсно сплоченная, проникнутая сознаніемъ отвѣтственности за все теченіе университетской жизни профессорская корпорація можетъ быть оплотомъ университетскаго порядка, и лишь при ея существованіи предлагаемыя частныя улучшенія получатъ силу

и жизненность. Въ противномъ случаѣ, если останется бюрократическое устройство, введеное уставомъ 1884 года, то всѣ отдѣльныя перемѣны въ постановкѣ суда, инспекціи, даже въ организаціи студентовъ будутъ лишь прививками къ стволу высохшаго дерева. Указывая на это, мы не хотимъ сказать, что самоуправленіе университетовъ представляетъ средство, которое разъ навсегда предотвратитъ безпорядки или устранитъ всѣ поводы къ нимъ. Такихъ средствъ вообще быть не можетъ. Но мы полагаемъ, что самоуправляющаяся профессорская корпорація является наиболѣе надежной силой для поддержанія порядка въ университетѣ и для прекращенія возникающихъ въ немъ по тѣмъ или другимъ поводамъ волненій.

Важность корпоративнаго устройства профессуры ближе выяснится, если мы разсмотримъ его въ трехъ его важнѣйшихъ проявленіяхъ. Оно выражается въ отношеніяхъ профессоровъ между собою, въ отношеніяхъ ихъ къ студентамъ и въ отношеніяхъ ихъ къ учебному начальству.

Едва ли нужно пояснять, что коллегіальное устройство окажетъ благотворное вліяніе на *отношенія профессоровъ другъ къ другу*. Одной изъ его главныхъ цѣлей должно быть привлеченіе всего состава профессоровъ къ постоянному общенію по разнообразнымъ и важнымъ дѣламъ университетскаго управленія. Вмѣсто пассивнаго выслушиванія бумагъ, сообщаемыхъ къ свѣдѣнію и исполненію, корпорація въ той или другой формѣ будетъ принимать участіе въ направленіи и разрѣшеніи насущныхъ вопросовъ университетскаго быта. Вмѣсто разрозненныхъ, часто незнакомыхъ другъ съ другомъ преподавателей отдѣльныхъ наукъ, выступитъ вновь товарищеская коллегія съ сознаніемъ своего положенія, интересовъ и чести.

Прежнимъ самоуправляющимся университетамъ дѣлали упрекъ въ замкнутости и партійности. Противъ этихъ недостатковъ можно найти средство въ контролѣ правительства и вліяніи общественнаго мнѣнія, которое съ каждымъ годомъ возрастаетъ; но какъ уберечь университетъ при дѣйствующемъ уставѣ отъ распаденія, отъ мертвящаго индифферентизма? Если въ профессорахъ видѣть враговъ

государства, то можно было бы примѣнить къ нимъ правило: „divide et impera". Но такъ какъ дѣло идетъ не о томъ, чтобы наносить кому бы то ни было пораженія, то зачѣмъ раздѣлять и ослаблять профессоровъ? Это въ концѣ концовъ ослабляетъ университетъ.

Вполнѣ ясно наблюдается этотъ результатъ *въ отношеніяхъ къ студентамъ*. Для студенчества естественной основой университетскаго строя является авторитетъ профессоровъ: оно не можетъ понять, по какимъ соображеніямъ тѣ же наставники, которые призваны разрѣшать самую главную задача университета, призваны руководить молодежью въ ея духовномъ-развитіи, въ то же время тщательно устраняются отъ участія въ административной, хозяйственной, судебной жизни учрежденія? Къ назначеннымъ начальникамъ студенчество никогда не отнесется съ тѣмъ довѣріемъ, котораго могутъ ожидать его обычные руководители, и поэтому бюрократическое Правленіе университета, при недостаткѣ нравственнаго вліянія, поставлено въ необходимость опираться преимущественно на принудительныя мѣры, которыя, какъ извѣстно, оказываются либо недостаточными, либо безмѣрно жестокими.

Самоуправленіе профессорской корпораціи вновь поставитъ мѣстныя университетскія власти на ихъ естественную основу, связавъ ихъ съ авторитетомъ наставниковъ.

Насколько это вызывается положеніемъ дѣлъ, видно хотя бы изъ того, что въ случаяхъ, когда хроническое недомоганіе нашихъ университетовъ вызываетъ острые припадки студенческихъ волненій, бюрократическое правленіе обыкновенно признаетъ свою недостаточность и ищетъ нравственной поддержки среди того же самаго состава профессоровъ, которые при обычномъ теченіи дѣлъ никакой роли въ университетѣ не играютъ. Созываются экстренныя собранія Совѣта, составляются обращенія и увѣщанія, можетъ дойти дѣло даже до образованія комиссій для упорядоченія университетской жизни путемъ сношеній съ студентами и т. п. Нечего и говорить, что профессорамъ приходится дѣйствовать въ этихъ случаяхъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, выпутываться изъ положеній,

которыхъ они не только не создали, но и болѣе или менѣе открыто не одобряли, бесѣдовать съ разгоряченными студентами о самыхъ больныхъ мѣстахъ университетской жизни, хотя имъ не дано права сноситься съ студентами въ болѣе спокойное время и при разрѣшеніи менѣе жгучихъ вопросовъ. Немудрено, что внезапное появленіе профессоровъ не всегда достигаетъ желаемыхъ результатовъ, но замѣчательно, что оно все-таки признается послѣднимъ средствомъ для успокоенія молодежи, и иногда, какъ, напримѣръ, въ теченіе послѣднихъ безпорядковъ, удается все-таки достигнуть взаимнаго пониманія и выхода изъ невыносимаго положенія.

Прибавимъ еще одно соображеніе, стоящее въ связи съ тѣмъ, что было сказано раньше о необходимости допустить ту или иную организацію студенчества. Совмѣстимы ли эти студенческія организаціи съ бюрократическимъ строемъ университетовъ? Неужели профессора будутъ оставлены на положеніи отдѣльныхъ преподавателей послѣ того, какъ студенты перестанутъ быть отдѣльными слушателями университета? И не ясно ли, что образованіе студенческихъ организацій потребуетъ гораздо болѣе тѣснаго общенія между профессорами и студентами, гораздо болѣе обдуманнаго и объединеннаго воздѣйствія на послѣднихъ, чѣмъ какое могутъ оказать назначенные члены Правленія и разрозненныя профессора? Допущеніе студенческихъ организацій косвенно наводитъ на необходимость профессорской коллегіи.

Остается вопросъ объ отношеніи университетскаго самоуправленія къ учебному начальству и правительственной власти. Хотя вопросъ этотъ, повидимому, оказалъ значительное вліяніе на проведеніе устава 1884 года, нельзя не выразить недоумѣнія по поводу того, что признано было необходимымъ замѣнить высшее руководство и контроль надъ университетами со стороны учебнаго начальства постояннымъ вмѣшательствомъ послѣдняго въ спеціальныя дѣла университетовъ. Защитники устава 1884 года говорили и писали, какъ будто бы дѣло шло о возстановленіи подорваннаго авторитета правительства, о

возвращеніи ему правъ и обязанностей, отъ которыхъ оно было якобы устранено университетской автономіей устава 1863 года. Въ какомъ смыслѣ, однако, можно говорить объ устраненіи или ослабленіи правительства въ Россіи, гдѣ безпорно господствуютъ лишь законъ и порядки, созданные самодержавной волей монарха, гдѣ разница въ организаціи учрежденій сводится лишь къ порученію извѣстныхъ обязанностей тѣмъ или другимъ лицамъ, тѣмъ или другимъ группамъ, но гдѣ всѣ должностныя лица, назначенныя и выборныя, одинаково подчинены Государю и закону? И уставъ 1863 г., и всякій другой уставъ, который проводилъ бы начало самоуправленія университетовъ, но только не могутъ заключать посягательствъ на правительственную власть, но не могутъ и не признать въ самыхъ опредѣленныхъ формахъ право надзора и высшаго завѣдыванія центральной администраціи и ея мѣстнаго органа—попечителя. Мы полагаемъ, что главная опасность у насъ въ Россіи не въ образованіи какихъ-то фантастическихъ республикъ, не признающихъ надъ собой ничьей власти и контроля, а въ преобладаніи канцелярій, которыя во все вмѣшиваются распоряженіями и указаніями, заваливаютъ себя непосильной работой и отнимаютъ возможность и охоту работать у мѣстныхъ дѣятелей. Можно прямо сказать, что коллегіальное самоуправленіе университетовъ поставитъ ихъ въ болѣе правильныя отношенія къ учебному начальству, вызоветъ болѣе точное исполненіе закона и сознаніе отвѣтственности.

Въ виду этого соображенія комиссія предлагаетъ Совѣту ходатайствовать о пересмотрѣ дѣйствующаго устава университетовъ съ цѣлью проведенія въ ихъ управленіи началъ коллегіальности. Разсмотрѣніе отдѣльныхъ статей не можетъ входить въ настоящемъ случаѣ въ задачу комиссіи и совѣта, но, однако, желательно было бы высказать теперь же слѣдующія общія положенія:

1. Попечитель, какъ начальникъ учебнаго округа, является необходимымъ посредникомъ между университетомъ и Министерствомъ, имѣетъ надзоръ за всѣмъ теченіемъ дѣлъ въ университетѣ, наблюдаетъ за неуклоннымъ испол-

неніемъ законовъ и правительственныхъ распоряженій и принимаетъ въ исключительныхъ случаяхъ, за своей отвѣтственностью, необходимыя черезвычайныя мѣры. Но редакція статей о попечительской власти въ уставѣ 1884 года дѣлаетъ изъ попечителя какъ бы непосредственнаго начальника университета, ослабляетъ этимъ отвѣтственность и самодѣятельность постоянныхъ университетскихъ властей, подаетъ поводъ къ непужному вмѣшательству въ университетскій бытъ и обнаруживаетъ какое-то недовѣріе къ намѣреніямъ и правильной дѣятельности университетской организаціи. Желательно возвратить попечителю его роль высшаго начальника и наблюдателя.

2. Если будетъ признано основное положеніе о коллегіальности университетскаго управленія, то необходимымъ его послѣдствіемъ должно быть предоставленіе Совѣту и факультетамъ права выбирать ректора, проректора и декановъ. Только такія выборныя должностныя лица будутъ пользоваться довѣріемъ товарищей и будутъ служить подходящими руководителями и исполнителями рѣшеній университетской корпораціи. Служебное отношеніе ихъ къ высшему начальству отъ этого не пострадаетъ, такъ какъ самый университетъ подчиненъ этому начальству и всѣ свои права заимствуетъ отъ высшей правительственной власти. Назначеніе должностныхъ лицъ Министерствомъ при коллегіальной организаціи вызываетъ лишь недоразумѣнія, кажущуюся противоположность интересовъ, рознь и отчужденіе тамъ, гдѣ должны господствовать прежде всего солидарность и согласіе.

3. Замѣщеніе профессорскихъ каѳедръ и избраніе преподавателей по отдѣльнымъ частямъ предметовъ составляютъ естественный аттрибутъ профессорской коллегіи. Только при соблюденіи этихъ условій можно ожидать, что вновь вступающіе профессора будутъ приняты, какъ настоящіе товарищи въ коллегію. Съ другой стороны, забота о пополненіи вакансій несомнѣнно касается болѣе всего того преподавательскаго состава, среди котораго образовались вакансіи Онъ отнесется къ вопросу съ большимъ вниманіемъ и съ лучшимъ пониманіемъ мѣстныхъ потреб-

ностей, нежели представители центральнаго управленія, на которыхъ лежатъ иныя заботы: предохранять отъ увлеченій и односторонности мѣстныхъ организацій. Поэтому фактически даже при дѣйствіи устава 1884 года все чаще и чаще принимаются во вниманіе желанія факультетовъ, но то, что замѣчается въ настоящее время какъ бы случайно въ разныхъ формахъ и въ разной степени, слѣдовало бы обратить въ постоянный, обусловленный закономъ порядокъ, выяснивъ точно взаимныя отношенія факультетовъ, Совѣта, попечителя и Министерства.

4. По существу дѣлъ, предоставленныхъ вѣдѣнію университетской корпораціи, желательно имѣть въ виду, что всякое дѣйствительное проведеніе начала коллегіальности предполагаетъ участіе коллегіальныхъ органовъ во всѣхъ важнѣйшихъ сторонахъ университетской жизни. Они не должны быть отстранены ни отъ общаго направленія администраціи, ни отъ надзора за хозяйствомъ, ни отъ сношеній съ студентами, ни отъ суда, ни отъ инспекціи, ни отъ руководства учебной работой. Формы вліянія будутъ, конечно, различны и вліяніе это распредѣлится не вполнѣ равномѣрно между различными органами управленія: важно одно, чтобы такъ или иначе весь бытъ университета находился въ соприкосновеній съ движущимъ началомъ коллегіальной организаціи, чтобы, при ясномъ различіи исполнительныхъ и совѣщательныхъ органовъ, не было въ строѣ учрежденія такихъ областей и уголковъ, которые по своей постановкѣ выдвигались бы изъ общаго строя и составляли контрастъ съ нимъ.

Но какъ бы ни былъ рѣшенъ вопросъ о правахъ или полномочіяхъ университетскаго Совѣта и о выборѣ или назначеніи ректора, даже при бюрократической организаціи университета безусловно необходимо, какъ показалъ опытъ послѣднихъ лѣтъ, расширить вліяніе профессоровъ и Совѣта на студенчество. Объ установленіи «добрыхъ отношеній между студентами и педагогическимъ составомъ учебнаго заведенія», говоритъ уже министерскій циркуляръ отъ 21-го іюля 1899 г. Этотъ циркуляръ, «признавая полезнымъ учрежденіе научныхъ и литературныхъ студенческихъ

кружковъ», ставить ихъ подъ «непремѣнное руководство профессоровъ». Въ случаѣ разрѣшенія студенческихъ организацій въ той или другой формѣ, участіе отдѣльныхъ профессоровъ въ такомъ руководительствѣ должно принять еще большіе размѣры. Но успѣшность такого руководительства требуетъ общаго плана и соглашенія по важнѣйшимъ вопросамъ. А это лучше всего можетъ быть достигнуто посредствомъ особой комиссіи, избираемой Совѣтомъ, которая могла быть составлена преимущественно изъ профессоровъ, участвующихъ въ упомянутомъ руководительствѣ. Комиссія должна была бы руководиться инструкціей Совѣта и представляла бы ему свои отчеты и доклады.

Заключеніе Комиссіи.

На основаніи всего вышеизложеннаго Комиссія имѣетъ честь представить на усмотрѣніе Совѣта Императорскаго Московскаго Университета слѣдующія заключенія:

1. Главной причиной университетскихъ безпорядковъ послѣднихъ лѣтъ нужно признать усилившуюся среди студентовъ потребность въ товарищескомъ общеніи, выразившуюся въ неразрѣшенныхъ организаціяхъ.

2. Принимавшіяся противъ этого и все усиливавшіяся репрессивныя мѣры лишь сплачивали эти организаціи и усиливали общее недовольство студентовъ университетскими порядками.

3. Какъ для предотвращенія подобныхъ безпорядковъ, такъ и изъ педагогическихъ соображеній необходимо разрѣшить студентамъ вступать въ организаціи, цѣли, кругъ дѣятельности и отвѣтственность которыхъ должны быть опредѣлены особыми данными имъ уставами или инструкціями.

4. Согласно съ этимъ должна быть видоизмѣнена

инструкція для инспекціи и сужена компетентность послѣдней.

5. Проступки студентовъ противъ университетскихъ порядковъ и правилъ подлежатъ, если эти проступки могутъ повлечь за собою увольненіе изъ университета и продолжительный арестъ, особому университетскому суду, составленному изъ избираемыхъ Совѣтомъ университета членовъ, частью изъ судебной корпораціи и частью изъ профессоровъ.

6. Упорядоченіе студенческаго быта возможно лишь при увеличеніи вліянія профессоровъ и университетскаго Совѣта на студенчество, будетъ ли это слѣдствіемъ возстановленія прежней автономіи Совѣта, или въ крайнемъ случаѣ спеціальной организаціи, для этой цѣли установленной.

16 мая 1901.

Предсѣдатель Комиссіи *Д. Н. Зерновъ.*

Члены: *В. И. Герье, В. О. Ключевскій, П. Г. Виноградовъ, Н. А. Умовъ, К. А. Андреевъ, В. К. Цераскій, Гр. Л. А. Комаровскій, И. Т. Тарасовъ, М. В. Духовской; А. Б. Фохтъ, А. А. Бобровъ.*

Приложенія.

Господину Предсѣдателю Комиссіи для выясненія причинъ студенческихъ волненій и принятія мѣръ къ упорядоченію университетской жизни Заслуженному Профессору Д. И. Зернову.

Г. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа предложеніемъ отъ 2 сего марта, за № 6147, сообщилъ, что, руководствуясь циркулярнымъ предложеніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 31 іюля 1899 г., за № 17287, объ установленіи общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ, онъ разрѣшаетъ образовать изъ профессоровъ Университета Комиссію для выясненія причинъ студенческихъ волненій и принятія мѣръ къ упорядоченію университетской жизни.

При этомъ ближайшей задачей Комиссіи должно быть упорядоченіе университетской жизни путемъ точнаго изслѣдованія фактовъ, освѣдомленіе студентовъ и другими законными мѣрами общенія профессоровъ и студентовъ.

Объ изложенномъ имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство и согласно вышеупомянутому предложеніе Г. Попечителя Округа, за № 6147, присовокупить, что названная Комиссія должна руководствоваться препровождаемымъ при семъ въ копіи циркуляромъ Министерства за № 17287.

Ректоръ *А. Тихомировъ.*
Секретарь Совѣта *Н. Рыбниковъ.*

Циркуляръ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 21 іюля 1899 г., за № 17287, по вопросу объ установленіи желательнаго общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ.

Правительственное сообщеніе отъ 25 мая сего года указываетъ на разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ, содѣйствующихъ возникновенію и распространенію студенческихъ безпорядковъ.

Руководствуясь симъ указаніемъ, созванное подъ моимъ предсѣдательствомъ въ іюнѣ текущаго года совѣщаніе попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній подвергло всестороннему обсужденію вопросъ объ установленіи желательнаго общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ. Принявъ въ соображеніе заключенія, къ коимъ пришло совѣщаніе, я останавливаюсь на слѣдующихъ мѣрахъ.

1. Общеніе между студентами и профессорами естественнымъ образомъ можетъ и должно происходить на почвѣ учебныхъ потребностей. Способствуя правильному развитію и образованію молодыхъ людей и поддерживая въ преподавателяхъ энергію и живой интересъ къ ихъ трудному и отвѣтственному дѣлу, такое общеніе облегчаетъ въ то же время и разрѣшеніе практическихъ вопросовъ, вызываемыхъ учебными потребностями, каковы, напримѣръ, изданіе лекцій, выборъ и пріобрѣтеніе того или другого учебника или учебнаго пособія, распредѣленіе практическихъ занятій, составленіе расписанія экзаменовъ и тому подобное. Оно, кромѣ того, безъ осложненій и рѣзкихъ проявленій устраняетъ различнаго рода недоразумѣнія, возникающія въ ходѣ учебной жизни. При близкихъ и добрыхъ отношеніяхъ между студентами и педагогическимъ составомъ учебнаго заведенія всѣ такого рода вопросы и недоразумѣнія разрѣшаются непосредственными объясненіями профессора со своею аудиторіей или, въ подлежащихъ случаяхъ, учебнаго начальства, ректора, директора

декана, инспектора или его помощника съ отдѣльнымъ курсомъ или заинтересованною группою студентовъ, при чемъ какая-либо регламентація этихъ естественныхъ взаимныхъ отношеній является совершенно излишнею.

Придавая по указаннымъ основаніямъ важное значеніе тѣсному общенію профессоровъ и студентовъ на почвѣ учебныхъ занятій, покровительствуемому дѣйствующими уставами и основанными на нихъ правилами высшихъ учебныхъ заведеній, я признаю необходимымъ, чтобъ учебное начальство сихъ заведеній содѣйствовало всѣми зависящими отъ него способами развитію и укрѣпленію такого рода общенія. Однимъ изъ лучшихъ способовъ для достиженія желаемой цѣли я считаю широкую организацію практическихъ занятій, насколько то дозволяютъ существующія условія. Такъ какъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно на медицинскихъ, физико-математическихъ и историко-филологическихъ факультетахъ университетовъ практическія занятія и до настоящаго времени были обязательны для всѣхъ студентовъ по самому существу изучаемыхъ ими отраслей знанія, то здѣсь необходимо лишь обратить вниманіе на возможное расширеніе и правильную постановку названныхъ занятій и на то, чтобы каждый учащійся принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Что же касается юридическихъ факультетовъ, то, деканы оныхъ, по обсужденіи вопроса въ факультетскихъ собраніяхъ, должны озаботиться введеніемъ практическихъ занятій на всѣхъ курсахъ, на коихъ они не существовали и ранѣе. Разумѣется, при началѣ дѣла слѣдуетъ соблюдать благоразумную постепенность, но, во всякомъ случаѣ, обязательныя для всѣхъ студентовъ практическія занятія должны быть организованы въ наступающемъ осеннемъ полугодіи. Со своей стороны, Министерство Народнаго Просвѣщенія озаботится доставленіемъ, по мѣрѣ возможности, необходимыхъ средствъ для веденія сихъ занятій.

Не перечисляя другихъ способовъ взаимнаго общенія между учащими и учащимися, подсказываемыхъ ихъ вседневными отношеніями, не могу не выразить при этомъ полной увѣренности, что преподаватели высшихъ учебныхъ

заведеній, принимая къ сердцу интересы своихъ слушателей, съ готовностью пойдутъ навстрѣчу къ сближенію съ ними, въ сознаніи, что тотъ преподаватель, который ограничиваетъ свою преподавательскую дѣятельность только чтеніемъ лекцій въ положенные часы, а не входитъ въ духовные интересы и нужды учащихся, не сближается съ ними на этой почвѣ и не руководитъ ихъ неокрѣпшей мыслью, исполняетъ лишь малую долю своихъ обязанностей, возлагаемыхъ на него высокимъ призваніемъ профессора.

2. Далѣе, для установленія желательнаго общенія между студентами и педагогическимъ составомъ высшихъ учебныхъ заведеній, я нахожу полезнымъ учрежденіе подъ непременнымъ отвѣтственнымъ руководствомъ профессоровъ, научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ, въ засѣданіяхъ которыхъ могли бы читаться и обсуждаться студенческіе рефераты по научнымъ и литературнымъ вопросамъ. Точно такъ же я признаю допустимымъ, подъ отвѣтственностью избраннаго учебнымъ начальствомъ руководителя, учрежденіе студенческихъ хоровъ и оркестровъ для тѣхъ молодыхъ людей, которые интересуются пѣніемъ и музыкой. Учреждая студенческіе кружки, хоры и оркестры, необходимо, однако, дать имъ такое устройство, которое обезпечивало бы достиженіе ихъ непосредственныхъ цѣлей и не допускало бы ихъ вырождаться въ организаціи, не терпимыя въ учебныхъ заведеніяхъ. Съ этою цѣлью, между прочимъ, численный составъ предположенныхъ студенческихъ обществъ долженъ быть строго соображенъ съ возможностью для каждаго члена принимать активное и серьезное участіе въ дѣятельности своего кружка, при чемъ выборъ умѣлыхъ и твердыхъ руководителей, которые могли бы вдохнуть жизнь въ эти общества и удержать ихъ въ требуемыхъ границахъ, долженъ составлять предметъ особой заботливости учебнаго начальства. Въ виду ожидаемой пользы отъ устройства указанныхъ студенческихъ обществъ, нѣкоторая часть спеціальныхъ средствъ учебнаго заведенія могла бы быть удѣляема на ихъ поддержаніе.

3. Наконецъ, наиболѣе цѣлесообразную мѣру для уста-

новленія желательнаго общенія студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ я вижу въ устройствѣ правильно поставленныхъ студенческихъ общежитій. Избавляя молодыхъ людей, покидающихъ свои семьи, отъ заботъ о квартирѣ и столѣ и ограждая ихъ отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній и соблазновъ чужого города, эти общежитія, при надлежащей ихъ организаціи, даютъ широкій просторъ для взаимнаго сближенія учебнаго начальства, учащихъ и учащихся и представляютъ наилучшія условія для научныхъ занятій, въ особенности, если руководство этими занятіями принимаютъ на себя преподаватели. На устройство студенческихъ общежитій правительство имѣетъ въ виду отпустить весьма крупныя суммы; было бы желательно, чтобъ и мѣстныя общества пришли на помощь благому дѣлу своими пожертвованіями. Съ этою цѣлью могли бы быть образованы особые комитеты изъ профессоровъ и представителей мѣстнаго общества, подъ предсѣдательствомъ Попечителя учебнаго округа.

Что касается курсовыхъ или иныхъ студенческихъ организацій, съ выборными представителями, депутатами или старостами, то, слѣдуя указаніямъ опыта и въ полномъ согласіи съ заключеніями названнаго выше совѣщанія, я признаю ихъ не только излишними, но и вредными для спокойнаго теченія академической жизни, составляющаго необходимое условіе успѣшнаго хода учебныхъ занятій.

Сообщая объ изложенномъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство озаботиться возможнымъ осуществленіемъ рекомендуемыхъ мною мѣръ и въ надлежащихъ случаяхъ представлять на мое утвержденіе правила студенческихъ обществъ, упоминаемыхъ во второмъ пунктѣ сего циркуляра.

Вѣрно: *Секретарь Совѣта Н. Рыбниковъ.*

Къ вопросу о свободѣ слушанія въ университетѣ.

Въ общемъ укладѣ университетской жизни учебная часть имѣетъ первенствующее значеніе. Порядокъ или не-

порядокъ въ университетѣ обусловливается въ значительной степени удовлетворительною или неудовлетворительною постановкою этой части. Чтобы имѣть опредѣленное представленіе о томъ, въ какомъ видѣ это дѣло можно считать удовлетворительно поставленнымъ, нужно прежде всего задать себѣ вопросъ, что долженъ давать университетъ поступающимъ въ него молодымъ людямъ во время ихъ 4-хъ или 5-тилѣтняго прохожденія курса. Въ общемъ на этотъ вопросъ можно отвѣтить слѣдующимъ образомъ: молодые люди должны получать въ университетѣ научныя познанія, пріобрѣсти навыкъ въ умственной дѣятельности и усовершенствовать себя въ нравственномъ отношеніи. Если, съ одной стороны, слѣдуетъ признать, что никакія другія задачи на университеты возлагаемы быть не могутъ, то, съ другой, невозможно полагать никакихъ искусственныхъ преградъ и ограниченій для возможно полнаго осуществленія названныхъ задачъ. На дѣлѣ, однако, приходится считаться съ тѣми условіями, какъ внѣшними, такъ и внутренними, при которыхъ учебное дѣло университета совершается. Только при вниманіи къ этимъ условіямъ дѣло это можетъ быть достаточно жизненнымъ и плодотворнымъ. Главными указателями въ этомъ отношеніи являются, во-первыхъ, запросы времени и интересы государства, а, во-вторыхъ, индивидуальныя склонности и потребности самихъ учащихся. Едва ли нужно останавливаться на значенія указаній перваго рода, такъ какъ они, если можно такъ выразиться, сами себя оправдываютъ; что же касается вторыхъ, т.-е. личныхъ интересовъ учащихся, то этотъ предметъ требуетъ, по нашему мнѣнію, серьезнаго разсмотрѣнія и справедливой оцѣнки.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что всѣ безъ исключенія поступающіе въ студенты университета имѣютъ искреннее желаніе пріобщить себя къ свѣту науки и усвоить себѣ силу ума и знанія. Но при всемъ томъ ихъ личныя цѣли часто весьма расходятся. Одни, одаренные отъ природы пытливымъ умомъ и склонностью къ самостоятельному научному труду, ищутъ познаній для познаній, другіе видятъ въ знаніяхъ силу, необходимую для

жизненной борьбы и пріобрѣтенія благъ матеріальныхъ, третьи проходятъ черезъ университетъ ради диплома и преимуществъ, получаемыхъ чрезъ это въ общественномъ положеніи и на службѣ, наконецъ, четвертые желаютъ пройти университетскій курсъ только для расширенія своего умственнаго кругозора, такъ какъ сознаютъ скудость умственнаго и нравственнаго багажа, вынесеннаго ими изъ гимназій. Можно ли сказать, что это различіе стремленій слѣдуетъ считать явленіемъ ненормальнымъ и нежелательнымъ, что ему нужно противодѣйствовать и всѣмъ безъ исключенія студентамъ, проходящимъ одни и тѣ же курсы, указывать одни и тѣ же пути и вести ихъ по однимъ и тѣмъ же научнымъ этапамъ, отнюдь не позволяя разбредаться? Очевидно, что нѣтъ. Такая нивеллировка противна самому существу университетскаго, т.-е научнаго образованія, которое можетъ быть пріобрѣтаемо, и по мѣрѣ пріобрѣтенія становится само стимуломъ для дальнѣйшаго умственнаго усовершенствованія, только самостоятельнымъ умственнымъ трудомъ при непосредственномъ воздѣйствіи на учащагося его личнаго интереса. Университетское преподаваніе раскрываетъ сокровищницу наукъ для всѣхъ, но черпать изъ нея всякій воленъ соразмѣрно своему желанію и силамъ. Странно заставлять совершенствоваться въ пріемахъ научныхъ изысканій всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ получить только свѣдѣнія объ этихъ пріемахъ и вовсе не готовить себя въ дѣятели на томъ поприщѣ, на которомъ эти пріемы могутъ найти примѣненіе. Еще болѣе странно заставлять молодыхъ людей съ серьезнымъ научнымъ направленіемъ, уже успѣвшихъ усвоить себѣ самостоятельною работою нѣкоторые навыки и интересъ въ той или другой научной спеціальности, неукоснительно участвовать во всѣхъ упражненіяхъ общаго характера, предназначающихся для болѣе слабыхъ.

Да и какая цѣль можетъ быть достигнута нивеллированіемъ студентовъ въ образѣ и порядкѣ ихъ занятій? Было бы ошибочно думать, что этимъ можетъ быть повышена степень дѣловитости студентовъ или расширенъ кругъ серьезно интересующихся наукою. Насильно сдѣлать чело-

вѣка дѣловитымъ нельзя и всего менѣе въ области труда интеллектуальнаго. Возможны и желательны, конечно, поощренія и руководительство, но и они осуществимы только тамъ, гдѣ есть хотя слабое проявленіе личнаго интереса. Принудительныя же мѣры для людей сильныхъ волею вовсе не нужны, а въ слабовольныхъ способны уничтожить личный интересъ даже и тогда, когда онъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ могъ бы быть вызванъ. Было бы ошибочно также думать, что установленіемъ для студентовъ тѣсныхъ рамокъ занятій и введеніемъ ихъ въ эти рамки безъ различія индивидуальностей можно уберечь ихъ отъ тѣхъ заблужденій или соблазновъ, которые приводятъ къ массовымъ безпорядкамъ, или, по крайней мѣрѣ, можно облегчить надзоръ за ихъ поведеніемъ. Опытъ прошедшаго времени ясно доказываетъ совершенно противное. Да и можно ли ждать, чтобы какой-нибудь порядокъ занятій, установленный не ради одного только прямого ихъ назначенія, а съ побочными цѣлями, не подрывалъ въ глазахъ занимающихся довѣрія къ значенію этихъ занятій и не вызывалъ съ ихъ стороны протестовъ и противленія?

Все говоритъ, такимъ образомъ, что университетской наукѣ не свойственно подведеніе обучающихся подъ одинъ уровень и что свобода посѣщенія лекцій и практическихъ занятій необходимо должна быть признана, какъ это имѣетъ мѣсто во всѣхъ германскихъ университетахъ.

Въ какихъ же конкретныхъ формахъ можетъ быть допущена эта свобода? Понятно, что свобода вовсе не означаетъ отсутствіе системы и безконтрольность. Факультетами должны быть выработаны и установлены на опредѣленное время планы занятій для студентовъ. Руководителями занятій должны быть, конечно, профессора и ихъ помощники. Это руководительство не должно, однако, имѣть характеръ принужденія и отнюдь не требовать повседневнаго наблюденія за дѣятельностью и успѣхами учащихся, какъ это имѣетъ мѣсто въ средней школѣ. Въ занятіяхъ науками можно руководить только тѣхъ, кто самъ занимается, и профессора могутъ давать только указанія, рекомендовать

темы для упражненій и предостерегать отъ непослѣдовательности и могущей произойти отъ нея напрасной траты времени и силъ. Черезъ опредѣленные сроки, напр., черезъ годъ или полгода, руководители могутъ и должны аттестовать руководимыхъ съ цѣлью такъ называемыхъ зачетовъ, т.-е. констатировать достаточную успѣшность занятій предыдущихъ, чтобы перейти къ предметамъ занятій послѣдующимъ въ порядкѣ, опредѣляемомъ планомъ. Такія аттестаціи должны имѣть въ виду исключительно пользу студентовъ въ дѣлѣ усвоенія ими познаній и никоимъ образомъ не должны служить для подраздѣленія ихъ на дѣльныхъ и недѣльныхъ, надежныхъ и ненадежныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ неизбѣжно возникнетъ открытая борьба со всѣми ея темными и вредными послѣдствіями: фальшью, съ одной стороны, и обидною подозрительностью, съ другой, сплоченностью руководимыхъ и тихо скрываемой безпомощностью руководителей и, въ концѣ концовъ, утратою взаимнаго довѣрія и уваженія. Само собою разумѣется, что и въ прямомъ своемъ назначеніи аттестаціи должны быть основываемы на требованіяхъ минимальныхъ, чуждыхъ придирчивости и педантизма, и обусловливаемыхъ явною необходимостью.

Что же касается занятій студентовъ внѣ зависимости отъ такихъ аттестацій, т.-е. по собственному побужденію и интересу къ наукѣ, то они всегда составляли и будутъ составлять самое существенное дѣло университета. Отъ успѣшности этихъ занятій зависитъ степень выполненія университетомъ его прямого назначенія и въ нихъ лежатъ задатки его процвѣтанія. Понятно, что здѣсь помощь и руководительство профессоровъ во всякой формѣ и при всякомъ случаѣ полезны и желательны.

Свобода занятій студентовъ, т.-е. отсутствіе принудительныхъ мѣръ въ связи съ благожелательнымъ руководительствомъ со стороны профессоровъ, есть то, что ставитъ университетскую жизнь въ наиболѣе нормальныя условія. При этихъ условіяхъ лучшія чувства и нравственныя побужденія не возмущаются раздраженіемъ оскорбленнаго самолюбія, уваженіе къ дѣлу и людямъ находитъ почву

для своего развитія и роста, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно возрастать и уваженіе къ порядку и сознаніе его необходимости.

Въ предыдущемъ говорилось о занятіяхъ студентовъ въ области, такъ сказать, факультетской, т.-е. по избранной спеціальности и соотвѣтственно рекомендованному плану. Но предѣловъ любознательности человѣческаго ума строго провести нельзя, ссылка же на вредъ разбрасыванія вниманія далеко не всегда можетъ считаться основательною. Напротивъ, перемѣна направленія умственной дѣятельности можетъ быть признана полезною въ видахъ избѣжанія переутомленія. Мы видимъ повседневно, что массы людей самыхъ разнообразныхъ профессій стекаются для слушанія публичныхъ лекцій, побуждаемые ни чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ узнать и научиться, желаніемъ достойнымъ и уваженія, и поощренія. Нѣтъ, поэтому, ничего неестественнаго и въ какомъ-либо отношеніи непозволительнаго въ желаніи молодыхъ людей въ пору ихъ студенчества воспользоваться возможностью прослушать нѣсколько лекцій изъ области, не относящейся къ избранному плану занятій, и тѣмъ, хотя бы и поверхностно, содѣйствовать расширенію своего кругозора и общему образованію. Кто изъ лицъ, теперь уже не молодыхъ и близкихъ, быть можетъ, къ концу своего поприща, можетъ пожалѣть, что во дни своего студенчества, не будучи историкомъ, прослушалъ нѣсколько лекцій Соловьева или Грановскаго? Зачѣмъ же считать недозволительнымъ то, въ чемъ есть несомнѣнная польза и что, при правильной постановкѣ дѣла, не можетъ принести никакого вреда?

Желательно поэтому, чтобы студенты имѣли доступъ къ слушанію лекцій, не относящихся къ избранной ими спеціальности, при единственномъ, разумѣется, условіи не мѣшать тѣмъ, для кого эти лекціи собственно предназначаются. Устроить дѣло такъ, чтобы этой помѣхи не было, практически вовсе не трудно, а между тѣмъ, этимъ устранилась бы еще одна изъ причинъ совершенно напраснаго раздраженія молодежи и еще болѣе сглаживалась бы арена, на которой свѣжія общественныя силы призваны получать задатки для своей будущей умственной дѣятельности.

К. Андреевъ.

Содержаніе.

Докладъ Комиссіи.

I. Введеніе

Историческій очеркъ студенческихъ волненій . 1

Дѣятельность Совѣтской Комиссіи 28-го февраля . 14

II. Причины студенческихъ волненій

Заявленія студентовъ 18

Настроеніе студентовъ 22

Экономическое положеніе студентовъ 25

Заявленія и мнѣнія профессоровъ 29

Мнѣніе Комиссіи о причинахъ безпорядковъ . . 38

III. Мѣры для устраненія и предупрежденія студенческихъ волненій

Заявленія студентовъ 42

Мнѣнія профессоровъ 50

Мнѣніе Комиссіи 55

Студенческія организаціи 59

Судъ надъ студентами 66

Инспекція 73

Свобода слушанія лекцій 81

Компетенція Совѣта университета 83

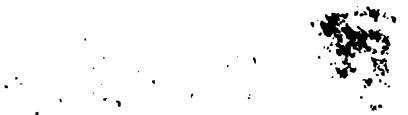
Заключеніе Комиссіи 90

Приложенія.

Предложеніе Г. Попечителя Учебнаго Округа отъ 2 марта 1901 г. 92

Циркуляръ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 21 іюля 1899 г. 93

Записка проф. К. А. Андреева о свободѣ слушанія лекцій въ университетѣ 96



R WILL BE CHARGED
E IF THIS BOOK IS NOT
THE LIBRARY ON OR
AST DATE STAMPED
ECEIPT OF OVERDUE
S NOT EXEMPT THE
OM OVERDUE FEES.

ILL